

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

15
ВЫПУСК

ИЗВЕСТИЯ
научно-педагогической
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова

Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры и образования Кавказа
Научно-педагогическая Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова
Русское географическое общество

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Доклады и сообщения
26 межрегионального семинара
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова

•

Известия научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова.
Выпуск 15

Дизайн-студия Б

АРМАВИР • 2025

УДК 94
ББК 63.3. (2Р37)
Р 28

Печатается по решению семинара научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова.

- Ответственный редактор **С.Л. Дударев**, доктор исторических наук, профессор
(Русское географическое общество).
- Ответственный за выпуск: канд. ист. наук **Д.С. Дударев** (гендиректор ООО «Стальтрейд»).
- Редакционная коллегия: д-р ист. наук **А.Ж. Арутюнян** (Ереванский ГУ), канд. ист. наук, доцент
И.И. Басов (АГПУ), д-р ист. наук, профессор **Н.Н. Великая** (Армавир),
д-р ист. наук, профессор **Б.В. Виноградов** (СПб); д-р ист. наук, профессор
Н.Н. Гарунова (Дагестанский ГУ), д-р ист. наук, профессор **М.Е. Колесникова**
(Северо-Кавказский федеральный университет), д-р ист. наук, профессор
Ю.Ю. Клычников (Пятигорский ГУ), канд. ист. наук, доцент
С.Н. Ктиторов (АГПУ), д-р ист. наук, профессор **В.А. Матвеев** (ЮФУ), д-р.
ист. наук, профессор **Ю.В. Приймак** (АГПУ), д-р. ист. наук **В.Р. Эрлих** (Государственный музей Востока, Москва).
- Рецензенты: д-р ист. наук, профессор **С.С. Казаров** (Южный Федеральный университет);
д-р ист. наук, доцент **Д.С. Ткаченко** (Северокавказский Федеральный университет).
- Составители: **Б.В. Виноградов, Н.Н. Великая, С.А. Голованова.**

Северный Кавказ в историческом и археологическом изменении. Доклады и сообщения 26 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова // Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. — Вып. 15. — Армавир ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2025. — 172 с. ; ил.

ISBN 978-5-6053263-8-0

В сборнике публикуются материалы 26 межрегионального семинара научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. В первой секции, посвященной проблемам исторического регионоведения, освещаются разнообразные грани действительности российского Кавказа. Авторы исследуют политические связи народов Северного Кавказа и Российского государства, отношения с сопредельными державами региона, проблемные стороны взаимоотношений северокавказцев с Центром, экономическое развитие тех или иных районов региона, историю его отдельных населенных пунктов, те или иные памятные события в его истории и др. Здесь же представлены и материалы мемуарного характера, представляющие интерес для изучения истории отдельных районов Северного Кавказа. На второй секции рассматриваются вопросы древней и средневековой истории и археологии Северного Кавказа и сопредельных областей, связанные с историей изучения и атрибуцией тех или иных памятников и категорий материальной культуры, и др. В сборнике также помещена информация, посвященная индивидуальным юбилейным датам в жизни членов Школы. Авторы настоящего издания — вузовские преподаватели, научные сотрудники, сотрудники музеев и др. — представляют Российскую Федерацию, в том числе, различные регионы Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, республики Кабардино-Балкарию, РСО – Аланию и Дагестан), гг. Москву, Ростов-на-Дону, г. Губкин, Самару, Пятигорск, Кисловодск, Налчик, Владикавказ, Махачкалу.

Для преподавателей вузов, научных работников, учителей школ, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 94
ББК 63.3. (2Р37)

ISBN 978-5-6053263-8-0 © Коллектив авторов, 2025.

ОТ РЕДАКТОРА

В сборнике 26 межрегионального семинара научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, в котором приняли участие представители различных субъектов северокавказского региона (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, республики Кабардино-Балкария, РСО – Алания и Дагестан), гг. Москвы, Ростова-на-Дону, Губкина, Самары, Пятигорска, Кисловодска, Нальчика, Владикавказа, Махачкалы, представляющие различные вузы, музеи, научно-исследовательские учреждения — преподаватели, научные сотрудники, работники музеев и др.

В сборнике выделяются две основные секции. Первая из них («Российский Кавказ в историческом регионоведении в прошлом и настоящем») связана с освещением особенностей политического, экономического, социокультурного взаимодействия Российского государства и его представителей с населением Кавказа и соседних с ним территорий, контактов кавказцев и западноевропейцев, в течение последних трех с лишним веков (Ю.Ю. Клычников, В.А. Матвеев, Н.Н. Гарунова, А.А. Головлев, Н.М. Еремин, и др.).

Вторая секция посвящена проблемам древней и средневековой истории, археологии и этнографии Северного Кавказа и сопредельных с ним областей, изучению материальной и духовной культуры, использованию памятников древности и средневековья в просветительской и воспитательной работе (С.Б. Бурков, А. Л. Пелих, Я. Б. Березин, С.Л. Дударев, С.Н. Савенко, Г.Н. Вольная (Керцева), В.А. Фоменко, Л.С. Ильюков, и др.).

На страницах сборника представлена и информация, связанная с научной жизнью Кавказоведческой Школы, посвященная юбилейным датам и памятным событиям в жизни ее членов.

Ю.Ю. КЛЫЧНИКОВ

(г. Пятигорск, РФ)

**«ДОНЫНЕ СОДЕРЖАЛ ЗЛОЕ СВОЁ НАМЕРЕНИЕ
ПРОТИВ ВЫСОКОЙ ПОРТЫ...»:
российско-османские отношения в начале XVIII века**

Вступившая в новое, XVIII столетие Россия переживала процесс бурной «неорганической модернизации», в немалой степени, вызванной теми глобальными геополитическими задачами, которые ставил перед собой царь-реформатор Пётр I. При всех новаторских устремлениях этого правителя с точки зрения логики национальных интересов он продолжал действовать в том же направлении, что и череда его предшественников. Упорство в овладении выходом к Балтийскому побережью, настойчивость в борьбе за каспийско-черноморские земли делают Петра Великого продолжателем усилий древнерусских князей и московских государей, стремившихся добиться владения трансконтинентальным маршрутом, связывающим Большой Юг с Европой Поволжско-Каспийскими, Азово-Донскими и Днепровско-Черноморскими торговыми маршрутами-артериями. Они, будучи связаны с Циркум-Балтийским регионом, вводили Россию, прежде являвшуюся региональным государством, в число ведущих держав мира.

В первое десятилетие XVIII в. Россия и Османская империя не желали разрушать ценное обеими сторонами перемирие [1]. Турки не считали потерю Азова серьёзной утратой, успешно найдя ему замену в усилении других фортификаций в этом регионе. Для Москвы и Стамбула Кавказ и Приазовье в

рассматриваемый период не относились к числу внешнеполитических приоритетов. Доводить дело до войны из-за происходящих на здешнем фронтире событий не хотели обе стороны. Даже неудачи начального периода Северной войны, когда русские явно уступали Карлу XII, не подвигли султана на нарушение Константинопольского трактата. Была проведена демаркация новой границы, что должно было снять часть раздражителей в отношениях государств, занятых более насущными проблемами. Как и турки, русские предпочли усилить оборону своих рубежей новыми крепостями, демонстрируя намерение не столько приобретать новые земли, сколько удерживать уже имеющиеся [2].

Однако для Карла XII такое положение было явно неприемлемым, и он настойчиво склонял султана к войне с русскими. Предлагая союз османам, шведский король рассчитывал их руками посчитаться со своим недругом. Однако осторожная Высокая Порта не собиралась участвовать в этой авантюре, предпочтя в начале 1710 г. подтвердить мир с Россией. Примечательно, что и в русской столице это событие было встречено с радостью — молебном и праздничными выстрелами из орудий. Самого Карла XII, который нашёл убежище в пределах державы Ахмеда III, предполагалось отправить в Польшу, а крымских вассалов Стамбула предупредили о

необходимости не нарушать мир с Россией [3].

Шведский король пожинал плоды своего пренебрежительного отношения к туркам, которое демонстрировал в период своих военных побед. Тогда он рассчитывал справиться с противником собственными силами и ограничивал контакты с Османской империей исключительно торговыми договорённостями.

Но упорство шведской дипломатии всё же дало свои плоды. Не без её участия лишился власти верховный визирь Али-паша Чорлулу — сторонник мира с Россией, которого Карл XII за это считал своим личным врагом. Ему на смену пришёл Нуман-паша Кепрюлю, симпатизировавший шведам и подтвердивший это намерением дать Карлу XII в качестве сопровождающих 40 тысяч воинов. Это была явно недружественная России демонстративная акция, вполне закономерно вызвавшая недовольство Петра I. Он трактовал такой шаг как нарушение обязательств, взятых на себя турками. Одновременно российская дипломатия предпринимала усилия, направленные на то, чтобы склонить и Карла XII завершить вражду.

Как ни парадоксально, но против миролюбивых посылов русского царя выступили его явные успехи — как на поле брани, так и в освоении новых территорий. Турки с тревогой наблюдали за усилением позиций Москвы в Приазовье, где Таганрог на их глазах превращался в морскую гавань северного соседа. Попытка убедить османов в том, что строящиеся здесь корабли не несут угрозу их интересам, успехом не увенчалась. В Стамбуле помнили о мечтах христиан вернуть крест на Святую Софию, и потому не только чернь, но и знать страшилась пророчества о захвате их столицы русскими [4]. Появление в небе над Константинополем «звезд

ды с хвостом», привело к тому, что «здесь знамение сие рассуждали в великое таинство, обще говоря, что Царь-Град будет поборен» [5].

На благодатную почву массовой тревожности ложились зёрна шведских и французских заверений об экспансионистских замыслах Петра I, который, по их словам мечтал о возрождении былого византийского величия. Им вторила польская оппозиция, возглавляемая Станиславом Лещинским. Аналогично действовал и крымский хан, пугавший султана опасностью связей Москвы с немусульманским населением его державы. Бахчисарай раньше Стамбула пошёл на сближение со шведами, рассчитывая совместно воевать со своим давним соперником [6].

К таким утверждениям, учитывая достаточно сложные отношения между двумя государствами в прошлом, Ахмед III не мог относиться без должного внимания [7]. В итоге османы решают нанести превентивный удар и обезопасить свои рубежи от потенциальной опасности, рассчитывая, что в этом их поддержат шведы, часть поляков и запорожских казаков [8]. Даже то, что новым верховным визиром 26 сентября 1710 г. стал Мехмед-паша Балтаджи, не желавший разрыва с Россией, на конечное решение не влияло. В ноябре 1710 г. Турция официально объявила ей войну, обвинив Петра I в том, что он «всегда против миру действовал и... доныне содержал злое своё намерение против высокой Порты...» [9]. Примечательно, что среди высказанных претензий упоминалось и разорение калмыками крымских владений, что представлялось как непосредственная вина российских официальных властей. То, что виновники пограничных столкновений были с обеих сторон, в манифесте не упоминалось.

От России потребовали вернуть все приобретения — полученные и

согласно Константинопольским договорённостям, и в результате побед над шведами. Русские должны были отказаться от Петербурга и признать Лещинского новым королём Речи Посполитой, разорвав отношения с Августом II. Обе стороны стали энергично привлекать для предстоящей кампании всех потенциальных союзников, в том числе и среди своих кавказских вассалов. И хотя Пётр I уже имел под своим началом закалённую в боях армию, учитывая огромные пространства, где предстояло действовать против османов и поддерживающих их сил, обойтись собственными силами он не мог.

Дипломатическая подготовка к этой неожиданной и ненужной Москве войне не задалась. Надежды на возрождение «Священной лиги» не оправдались. Более того, успехи Петра I явно настораживали Габсбургов, которым ослабленная Швеция казалась лучшим вариантом для союза, нежели её победитель. Вена была заинтересована в том, чтобы русские как можно сильнее увязли в противостоянии с османами, тем самым даже гипотетически оказавшись не в состоянии сблизиться с Францией [10]. Не желали вмешиваться в войну Англия, Франция, Ганновер

и Голландия. Находящийся во главе Персии шахиншах Хусейн I также воевать с турками не собирался. Он считался слабым правителем, занятым внутренними проблемами, но постепенно утрачивавшим контроль над своими подданными. Учитывая, что все предшествующие годы Россия старалась не провоцировать османов, такой исход стал вполне закономерным. Справедливости ради отметим, что и сами турки не давали повода для обвинения их в реваншизме.

Наступательная стратегия, выбранная российским командованием, была единственно возможным выходом из создавшейся ситуации. Ожидать удара турок в расчете предугадать, где они вторгнутся в пределы Московского царства, было заведомо проигрышным вариантом ведения военной компании. Вторгнувшись в глубь оманской территории, можно было рассчитывать на поддержку христианского населения, которое успехи русского оружия должны были побудить к вооружённому выступлению. Поспешность планируемой кампании во многом предопределил её неудачный исход, который станет для Петра I тяжёлым, но нужным уроком.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. Москва: Издательство «Кучково поле», 2019. С. 28.
2. Там же. С. 29–30.
3. Там же. С. 31.
4. Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Т. II. Первое заграничное путешествие. Ч. I–II. 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. / под ред. В.И. Лебедева. Москва: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. С. 203.
5. Война с Турцией 1711 года. (Прусская операция): материалы, извлечённые из архивов / под редакцией А.З. Мышлаевского. Санкт-Петербург, 1898. С. 215.
6. Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в 4 т. Санкт-Петербург: Издательский дом «Тезис», 2013. Т. I. С. 727.
7. Следует отметить, что среди представителей османской интеллектуальной и политической элиты всегда находились те, кто осознавал, что за враждой между двумя странами «стоят силы, которые сталкивают их и подстрекают к войне» (Орешкова С.Ф. Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII в. об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. Москва: Институт Востоковедения РАН, 1996. С. 143).
8. Артамонов В.А. Указ. соч., с. 33–35, 42.
9. Рахаев Дж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 годов, российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 343.
10. Артамонов В.А. Указ. соч., с. 48.

К.А. АБДУЛАЕВ

(г. Махачкала, РФ)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ, ПРИЛЕГАЮЩИХ К КАВКАЗСКОЙ ВОЕННОЙ ЛИНИИ С ВНУТРЕННИМИ РОССИЙСКИМИ ГУБЕРНИЯМИ (начало XIX века)

В начале XIX в. на территории Северного Кавказа и, в частности, на территориях, прилегающих к Кавказской военной линии, происходит дальнейшее укрепление и расширение торгово-экономических связей с внутренними российскими губерниями и народами Северного Кавказа. С появлением новых городов на Северном Кавказе, таких как Кизляр, Моздок, Ставрополь, Владикавказ, экономические связи горцев с жителями прилинейных территорий, а также с Россией усиливаются. Через Астрахань, Моздок и Дагестан в города и станицы на Кавказской военной линии поступали российские, восточные и отчасти западноевропейские товары.

Определенную роль в развитии торговли на прилегающих к Кавказской военной линии территориях играли сельские торговые центры Чечни и Дагестана: Брагуны, Старый Юрт, Эндери, Аксай, Костек и др. Главными предметами торговли горцев были традиционные товары: бурки, чекмени, башлыки, арбы, колеса, продукты животноводства, земледелия и охоты. Из России привозили ткани, ножницы, булавы, зеркала, ремесленные изделия, домашнюю утварь и др. [1].

Хотя хозяйство народов Кавказа носило в основном натуральный характер и удовлетворяло главные потребности населения, но в его рамках широко были развиты про-

мыслы. Горцы обменом и торговлей были связаны не только между собой, но и вели оживленную торговлю с казаками. Еще со второй половины XVIII в. существующие ранее экономические контакты народов Кавказа с Россией становятся регулярными. Хотя политическая ориентация местных владельцев не всегда отличалась последовательностью, но торговые связи носили характер всевозрастающей интеграции [2].

В первой половине XIX века в целях активного товарного обращения на Кавказе возникла необходимость организации торгового общения с горцами и кочевниками. В июле 1810 года состоялось заседание комитета министров, в результате которого было решено «приступить к меновому торгу с горцами» [3].

Торговля с местными народами была своеобразной. По Кавказской линии учреждались меновые дворы, как правило, при карантинных заставах в населенных пунктах пограничной зоны. Карантинные заставы при меновых дворах учреждались с целью предотвращения развития и распространения различных эпидемий. С помощью таких застав обеспечивался санитарный контроль, закрывался путь проникновения в Россию острых эпидемических заболеваний — чумы, холеры, оспы. С основанием и развитием крепостей-городов, та-

ких как Кизляр, Ставрополь, Грозная, большое значение начинают приобретать и постоянно действующие рынки — ярмарки, которые имели свой особый, исключительный колорит. Здесь можно было увидеть мещанина из центральных губерний России, продающего горцам иголки, зеркала, гребешки и наперстки, сопровождавшего продажу разноречным говором, эмоциями, которыми обменивались продавцы и покупатели. Сопровождая свою речь мимикой и жестиком, они довольно быстро приходили к взаимному пониманию. Все это создавало необычайно живую и пеструю картину. Сведения о ходе подобных торгово-меновых операций дают довольно отчетливое представление о хозяйственных связях, которые устанавливались между народами Кавказа и России.

Кизляр и Астрахань были главными центрами торговли народов Кавказа и казаков, где последние часто выполняли посредническую роль в торговле горцев с центральными городами Российской Империи. Местные народы на продажу доставляли изделия ремесленников: ковры, ткани, оружие, платки, шелк-сырец, желатинный лист, вина, фрукты, мед, рыбу, икру. Везли на рынки Кизляра и Моздока — скот, лошадей, пшеницу, просо, бурки, башлыки, шкуры, шерсть, ковры и многое другое, а приобретали — продукцию российской промышленности: железо, медь, олово, стеклянные, фарфоровые и фаянсовые изделия, пушнину, сахар, чай и др.

Моздок становится важным транзитным пунктом, через который проезжали купцы из разных городов со своими товарами в Кизляр, Астрахань и другие города, часть этих товаров продавалась в самом Моздоке. По данным Н.П. Гриценко, «только с 12 апреля по 5 мая 1780 г. проехало через Моздок примерно

40 купцов и торговых людей из Грузии в Кизляр и Астрахань, в Георгиевскую крепость, Кабарду, казачьи станицы. Много было купцов из Воронежа, Курска, Соликамска, Новочеркаска, иранских городов. Оживлению торговли способствовали регулярно устраивавшиеся моздокские ярмарки, а также меновые дворы» [4].

Шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные изделия, восточные товары поступали в Моздок из Грузии и направлялись в Кизляр и Астрахань. Осетинский сыр поступал из многих селений Северной Осетии. Из Кабарды пригоняли в Моздок и продавали в другие места лошадей. Оттуда же шли бурки, горские суна, кошмы, овчины, мерлушки, шкуры диких зверей, мед, воск, арбы и аробные колеса, а также хлеб и хлебобродуки. Известно, что через Моздок в Россию отправляли скот, туда же поступали ковры, паласы, холодное и огнестрельное оружие. У горцев появляется возможность приобретать русские товары, цены на которые были ниже, чем на восточные товары. Из России на Северо-Восточный Кавказ поступали в основном товары широкого потребления: холст, хлопчатобумажные ткани и платки, деревянные и окованные железом сундуки, железо, котлы, сковороды, жестяные кувшины, кружки, ковши, иголки, наперстки и другие товары. В то же время с Востока на Кавказ привозили предметы роскоши: золотые и серебряные изделия, драгоценные камни, богато отделанное оружие.

Купцы имели право продавать горцам только разрешенные товары. Разрешалось вывозить продукты земледелия и животноводства, промышленные товары кустарного производства. Запрещалось торговать с горцами сталью, железом, оружием, золотом и серебром. Заведовали меновыми дворами смот-

рители, в обязанности которых входил контроль качества товаров, точностью меры и веса. Основной торговый оборот меновых дворов принадлежал государству. В целях поощрения меновой торговли государственная пошлина с товаров не взималась [5]. Продажа и обмен осуществлялись в соответствии со справочными ценами — таксами [6].

Постепенно русские деньги начинают играть все более и более крупную роль в торговле, к половине XIX в. Деньги оказались в большом спросе у самых различных народов, особенно русские рубли, которые вытеснили холст, скот, соль, служившие средством обмена [7].

Торговля активно развивалась по всей Кавказской линии, о чем свидетельствует ряд документов в Центральном государственном архиве Республики Дагестан. Это блок материалов по административному и хозяйственному управлению, земельным вопросам, включённым в фонд 1, в котором собраны документы командующего войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае, г. Темир-хан-Шуре (1844–1861 гг.)

[8]. Экономическому развитию края мешали всевозможные ограничения и запреты царской администрации. Однако, несмотря на все эти препоны, в условиях сложной политической обстановки, которая усугублялась регулярными военными экспедициями в глубь гор, несмотря на ответные вылазки и столкновения горцев с линейными казаками, торгово-экономические отношения на Кавказской военной линии продолжали развиваться. Непосредственными участниками торговых отношений были как горцы, так и казаки и жители прилинейных городов и сел.

Торговые отношения способствовали политическому сближению, определив пророссийскую ориентацию большинства правителей региона, в частности Северо-Восточного Кавказа [9]. Экономические связи Российской империи с народами Кавказа способствовали, с одной стороны, тесному сближению кавказских народов с русским народом, а с другой — исторически подготовили процесс более широкого и быстрого включения Кавказа в общероссийскую экономическую систему.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адмисиева Л.Д. К вопросу развития торговли и торговых отношений на кавказской военной линии в начале XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3А. С. 42–46.
2. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 45.
3. История народов Северного Кавказа (XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука С. 79.
4. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края в середине XIX века. Ростов н/Д. Издательство Российского университета 1984 г. С. 58–65.
5. ГАСК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7.
6. ГАСК. Ф. 21. Оп. 1. Л. 10–11.
7. Слесаренок И.В. Правовое регулирование торговли на территории Северного Кавказа в XIX в. (исторический аспект) [Электронный ресурс]// <https://statyana-temu-pravovoe-regulirovanie-torgovli-na-territorii-severnogo-kavkaza-v-i-istoricheskiy-aspekt-1003883> (Дата обращения 9.12.2024).
8. ГАРД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
9. Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957. С. 6.

Н.С. СТЕПАНЕНКО, И.Ю. ЕПУРЕ

(г. Краснодар, РФ)

СПЕЦИФИКА ОСМАНСКОЙ РАБОТОРГОВЛИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИКА Э.Р. ТОЛЕДАНО

Тема работорговли в черноморском регионе и на Северном Кавказе вызывает интерес у современных исследователей. Ю.Ю. Клычников считает, что внешние рынки формировали на Северном Кавказе устойчивый спрос на невольников. Он стимулировал развитие промысла «людокрадства», который смогла пресечь только Российская империя [1]. О высокой прибыльности работорговли на Чёрном море писала Е.А. Иноземцева [2]. В.Е. Возгрин утверждает, что рабство средиземноморских странах, прежде всего в Османской империи, было достаточно мягким и давало шанс на освобождение, в отличие от крепостного права в странах Восточной Европы [3]. Большой интерес представляет взгляд на указанную выше проблему израильского историка Э.Р. Толедано [4]. В данной статье мы хотим обратить внимание на основные идеи данного автора относительно специфики османской работорговли в период Нового времени.

Э.Р. Толедано считает, что османско-исламское рабство было мягче, чем его западные аналоги, и что с рабами в целом обращались хорошо. Домашние рабы считались младшими членами семьи. Существовала относительно высокая степень доверия между ними и их хозяевами. Уровень жизни рабов в зажиточных семьях часто был выше, чем у свободных людей из низших социальных слоёв [5].

В XIX в. работорговля всё ещё существовала, как в Старом, так и в Новом Свете. Невольников продол-

жали активно вывозить из Западной Африки в Америку и из Северной и Восточной Африки, а также с Кавказа на Ближний Восток. Различные пути перевозки рабов имели свои специфические черты. Например, в процессе транспортировки африканского «живого товара» смертность от болезней, тяжёлых условий, плохого обращения была высокой. Э.Р. Толедано считает, что условия транспортировки рабов в страны исламского мира были значительно лучше, в результате чего многие из них добирались до места назначения живыми. Согласно его оценкам, количество невольников, ввезенных в Османскую империю, приблизительно равнялось от одной трети до половины числа людей, насильно переправленных в Новый Свет [6]. Хотелось бы отметить, что условия транспортировки «живого товара» в Османскую империю с Кавказа были не на много комфортнее, чем у африканцев, перевозимых в Америку. Александр Дюма (отец) — французский писатель, автор популярных романов «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетёра» зимой 1858–1859 г. совершил путешествие по Кавказу, в ходе которого вёл путевые заметки. В Стамбул он возвращался на французском корабле, перевозившем кабардинских невольников. Трюм, в котором транспортировали этих людей, был очень грязным. Писатель смог заглянуть в него только через люк, так как не решился спуститься из-за опасности заразиться инфекцией. Попытки неповинове-

ния отдельных вооружённых горцев (которые, видимо, были свободными) подавлялись способом подачи в трюм горячей воды [7].

Э.Р. Толедано полагает, что положение рабов в Османской империи во многих отношениях отличалось в выгодную сторону от рабства в Америке. Исламские законы регулировали различные аспекты статуса раба в обществе.

Шариат устанавливал права и обязанности господ и зависимых людей. Он определял отношения между ними. Закон одобрял освобождение невольников, но не требовал этого, хотя суд мог обязать хозяина дать волю его рабам. Основанием для этого могло стать плохое обращение или отсутствие содержания. Хозяин и раб могли заключить договор об освобождении, по которому свобода предоставлялась в обмен на уплату согласованной суммы. Наследник имел право освободить зависимого человека после смерти прежнего владельца или заключить с ним договор на определённых условиях. Свобода считается руководящим принципом в юридических вопросах. Это означало, что суды принимали решения в пользу освобождения в спорных и пограничных ситуациях. Шариат не делал никаких различий между типами рабов. Например, по цвету кожи, выполняемым функциям, или происхождению рабского положения. Однако на самом деле возникло четкое социальное расслоение с ранжированием невольников. Белые рабы ценились выше остальных, за ними следовали выходцы из Эфиопии, ещё ниже в рабской иерархии Османской империи находились выходцы из других стран Африки [8].

Израильский историк обращает внимание на процесс изменения источников пополнения рабов. На ранних этапах формирования Ос-

манского государства большинство невольников происходило из числа военнопленных, захваченных в результате победоносных походов султанских войск. Однако после стабилизации границ эта ситуация изменилась. Многие пленники были обменены или выкуплены. Шариат запрещал порабощение свободнорожденных мусульман и зиммиев (представителей защищённых законом религиозных меньшинств). Различные законодательные механизмы, направленные на освобождение рабов и регулирование рабовладельческих практик внутри государства, ограничивали способность порабощённого населения воспроизводить себя. Поэтому возникла необходимость приобретать и завозить невольников извне. Принятие ислама рабом не требовало его освобождения. Подавляющее большинство невольников в Османской империи были мусульманами, так как они принимали религию своих господ.

До середины XVII в. османы набирали воинов для своих янычарских отрядов из числа христианского населения вновь обретенных европейских территорий. Чернокожие рабы в основном использовались для ведения домашнего хозяйства. Их завозили из Судана и регионов к югу от Сахары через Египет и Османские провинции в Северной Африке. Эфиопские рабы из Восточной Африки поставлялись через Хиджаз и Египет или Персидский залив и Ирак. Многие белые рабы были импортированы в империю из регионов, граничащих с восточным и северным берегами Черное море [9].

Уже в XVIII в., а тем более в XIX в., природа османского рабства претерпела важные изменения. Невольники мужского и женского пола эфиопского происхождения всё ещё ввозились в Османскую империю.

Однако подавляющее большинство импорта «живого товара» составляли африканские женщины, предназначенными для ведения домашнего хозяйства. Девушки черкесского, грузинского и эфиопского происхождения зачастую являлись наложницами. Черкесские женщины часто доходили до гаремов представителей городского высшего класса. Многие из них добивались престижного и комфортного статуса жен чиновников среднего и высшего звена. Чернокожие мужчины и эфиопы работали в Красном море, Персидском заливе и Индийский океане. Они являлись ловцами жемчуга, гребцами и членами команд парусных лодок. В Аравии их использовали в качестве чернорабочих и слуг. Лишь небольшое количество рабов мужского пола достигало высокого положения в обществе. Преимущественно они занимались ведением дел своих владельцев.

Э.Р. Толедано утверждает, что использование рабов в сельском хозяйстве долгое время являлось маргинальным явлением в Османской империи после XV в. Вновь крупный масштаб оно приобрело в результате исхода черкесов с кавказских территорий в начале 1860-х гг. Переселенцам разрешалось брать с собой рабов, которых использовали для обработки земель, предоставленных султанским правительством. В XIX в. невольников не использовали для воинской службы. Только свободные люди могли служить в армии султана. Тем не менее, в отдельных случаях рабов приобретало правительство. Они получали свободу и должны были служить в армии на тех же условиях, что и вольные солдаты.

По мнению Э.Р. Толедано усиление идей аболиционизма в странах Европы на рубеже XVIII–XIX вв. оказало влияние не только на атлантическую, но и на османскую работорговлю. Великобритания запре-

тила торговлю «живым товаром» в 1807 г., а к 1833 г. отменила на своих территориях рабство. Затем она сформировала систему дипломатических соглашений с другими европейскими державами для пресечения африканской работорговли. К середине XIX в. в неё входили Франция, Австрия, Пруссия, Россия, Голландия, Португалия и Испания. У этих государств не было серьёзных инструментов, способных ограничить османскую работорговлю, которая продолжала существовать во второй половине XIX в. После сокращения масштабов атлантической работорговли, общественное внимание переключилось на османов. Э.Р. Толедано считает, что подавление османской работорговли стало одной из целей британской внешней политики на Востоке.

В начале 1840-х гг. Великобритания пыталась убедить османов отменить рабство. Натолкнувшись на серьёзное сопротивление, она достаточно скоро пересмотрела свои цели и начала направлять свои усилия на подавление османской работорговли. До конца 1850-х гг. существовало два основных маршрута торговли людьми: африканский и кавказский. Великобритания получила возможность оставаться активным партнером в пресечении работорговли только африканцами. Её попыткам вмешаться в торговлю черкесам и грузинам был дан отпор османами [10]. По всей видимости, работорговля являлась слишком важным инструментом влияния Турции на Кавказе, от которого она не могла отказаться.

В Османской империи работорговля была объявлена вне закона в 1857 г., но продолжала существовать в том или ином виде последнюю четверть XIX в. Э.Р. Толедано объясняет это слабостью центральной власти в Османской империи. Он пишет о том, что влас-

тям приходилось направлять инструкции по этому поводу в свои провинции раз в несколько лет, а в некоторые раз в несколько месяцев. Соблюдение этого закона уменьшалось по мере удаления провинций от столицы. В отдаленных регионах, где контроль центрального правительства было только номинальным, уклонение от запрета работорговли было частым явлением. В целом в Османской империи работорговля была глубоко укоренившимся обычаем. Усилия по пресечению этой практики оказались долгими и трудными.

Таким образом, израильский исследователь Э.Р. Толедано обратил внимание на ряд специфических черт османской работорговли. Турция сильно зависела от внешних источников импорта «живого товара». Шариат, как основа законодательства, запрещал обращать

в неволю мусульман и всячески способствовал их освобождению. Это вызывало постоянную потребность в импорте «живого товара» извне. В XIX в. существовало два основных рабовладельческих маршрута: кавказский и африканский. Рабы использовались преимущественно в домашнем хозяйстве. Многие женщины, родившиеся на Кавказе, попадали в гаремы и достигали достаточно высокого социального статуса. Долгое время труд невольников массово не использовался для возделывания земли. Однако в начале 1860-х гг. в связи с исходом горцев Северного Кавказа в Османскую империю данная практика получила широкое распространение. Отмена работорговли началась во второй половине XIX в. Однако это был долгий и непростой процесс, который затянулся до конца столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Klychnikov Yu. Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. No. 5 (1). P. 11.
2. Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала, 2014. С. 193.
3. Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье — Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2011. Вып. 3. С. 98.
4. Ehud R. Toledano, *The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840–1890* Princeton: Princeton University Press, 1982.
5. Там же. P. 4.
6. Там же. P. 5.
7. Дюма А. Кавказ. Мерани, Тбилиси, 1988. С. 598–599.
8. Ehud R. Toledano, *The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840–1890*, Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 6.
9. Там же. P. 7.
10. Там же. P. 12.

Д. С. ДУДАРЕВ

(г. Москва, РФ)

АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ 1830-х ГОДОВ XIX ВЕКА О НАРОДАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Тема присутствия английских путешественников на Кавказе в 30-е годы XIX века интересна как взгляд третьей стороны на события, происходившие в указанном регионе в то время. Мы имеем в виду сообщения представителей различных слоев российского общества о сложных социальных и военно-политических процессах, которые имели место быть на Кавказе, в том числе, ссыльных декабристов, а также представителей северокавказского просветительства [1–2].

В связи с этим литературное наследие англичан (британцев), посещавших Северо-Западный Кавказ с разведывательно-дипломатическими целями, которых мы условно называем «путешественниками» (более точное определение «эmissары») является особым и ценным источником, требующим пристального внимания. Свидетельства иностранцев важны не только с точки зрения выяснения особенностей их суждений относительно населения Северо-Восточного Причерноморья. У представителей России в указанное время не было возможности разностороннего знакомства с местным населением (черкесские этносы), поскольку оно находилось в открытой конфронтации с российским командованием и русские могли появиться на данной территории (и это было частым явлением) в качестве пленных или дезертиров и изредка — разведчиков [3].

Основными источниками данной работы являются воспоминания английских путешественников, напи-

санных в жанре мемуаров. Кроме того, роль вспомогательного источника играют рисунки Э. Спенсера, Дж. Лонгворта и Дж. Белла, сделанные во время их вояжей в Черкесию, а также зарисовки других иностранных путешественников, которые побывали здесь до и после английских эmissаров (Т. де Мариньи, Дюбуа де Монпере). Мы не исследуем их специально, поскольку это было сделано в монографии Л.Н. Хлудовой [4]. Одновременно, роль источников для сравнительного изучения сведений английских эmissаров играют сведения о Кавказе, приведенные в мемуарах российских офицеров-разведчиков (Ф.Ф. Торнау) [5], записках ссыльных декабристов (А.П. Беляев, А.Е. Розен, особенно А.А. Бестужев-Марлинский, и др.) [6], российских ученых начала XIX в. (Г.Ю. Клапрот) [7], и др.

Одним из опорных источников по теме являются письма Эдмонда Спенсера в Англию. Он был одним из первых англичан, которые собирали систематическую информацию о народах Черкесии и пытались наладить с ними торговые отношения.

Другим из английских эmissаров в то время был молодой английский публицист Джон Лонгворт (Лонгворт). В его мемуарах присутствует попытка широкомасштабного анализа жизни народов Северо-Западного Кавказа, которая затрагивает различные аспекты — начиная от социальных и политических, заканчивая топографическими и этнографическими аспектами.

Джеймс Белл, являлся одним из тех, кто пробыл на Северо-Западном Кавказе дольше всех своих соотечественников, развернув очень активную политическую деятельность. Не для кого не секрет, что он и остальные англичане, прибывавшие в этот регион, выполняли определенные задания, которые ставило им английское правительство.

Характер сведений, получаемых англичанами, указывает на их целенаправленность, начиная от указания места расположения полезных ископаемых и возможной прибыльности торговли с черкесами, заканчивая описаниями институтов местной власти, и пр.

Таким образом, письма и мемуары английских эмиссаров являются ценным для историков источником, который требует специального изучения.

Весьма характерно то, что записки английских эмиссаров порой остаются в стороне от внимания исследователей. Например, в крупной обобщающей монографии М.Е. Колесниковой для них не нашлось места [8]. Чаще работы британских вояжеров рассматриваются историками применительно к анализу событий 30-х гг. XIX в. Так, К.В. Скиба, давая оценки характеру военных действий на Кубанской линии в первой трети XIX в., опирается, в том числе, и на оценки Дж. Лонгвортом [9]. В капитальной монографической работе видного отечественного историка В. В. Дегоева [10] в ходе анализа различных хитросплетений кавказского вопроса вплотную затрагивается тема пребывания и антимосквитинской деятельности английских эмиссаров на Кавказе. Представляет большой интерес работа этого же автора, через призму которой становится хорошо понятной деятельность британских эмиссаров на Кавказе — очерк «Британская политика на Кавказе в 30–50-е

годы XIX в. (по материалам парламентских дебатов)» [11].

В русле рассматриваемой темы примечательно, что изобразительное творчество Д. Лонгворта и Д. Бэлла, запечатлевшее быт черкесов, эпизоды их военно-политической истории и отдельных героев черкесской истории (например, хаджи К. Шеретлуко) стало предметом упомянутого исследования Л.Н. Хлудовой [12].

Также вопросом пребывания англичан на Кавказе занимается А.И. Мусукаев, к числу доступных его работ относится биографическое предисловие о Дж. А. Лонгворте [13], в котором дается широкий анализ мемуаров английского путешественника. Работа А.И. Мусукаева особенно интересна тем, что он анализирует его деятельность в рамках колониальной политики Англии, приходя к выводу, что деятельность англичанина является естественной для имперских амбиций.

Другим исследователем темы пребывания иностранцев на Северном Кавказе является Н. А. Нефляшева, которая перевела книгу Эдмонда Спенсера «Путешествия в Черкесию» [14] и написала к ней предисловие. В нем дается биографический анализ личности английского путешественника, что при скудности имеющейся информации о нем, как в целом и о всех британских эмиссарах, является очень ценной работой. Отдельные сведения, касающиеся быта и верований черкесов, приводимые английскими визитерами, используются в работах кавказоведов, изучающих, например, распространение ислама среди адыгов (Н.Н. Великая и др.) [15]. Совсем недавно С.Л. Дударев выпустил работу, в которой использовал сочинения британских эмиссаров для характеристики иностранными наблюдателями первой половины — середины XIX в. образа России и русских [16].

Кроме того, для комментирования наблюдений английских визитеров в русле современных научных знаний и представлений нами привлекаются исследования и таких современных отечественных и зарубежных исследователей-кавказоведов, как К.В. Скиба, Е.Л. Соснина, Г.В. Салахотдинова, Ю.В. Приймак, Хавжоко Шаукат Муфти и др. [17].

Ниже мы ознакомим читателя с нашими выводами о характере социально-экономического и политического устройства черкесских этносов по данным текстов указанных выше английских авторов. Характер взаимоотношений населения Черкесии и Российского государства в рассматриваемое время является задачей дальнейших исследований.

* * *

Чтобы правильно понимать характер суждений английских путешественников о жизни народов Северного Кавказа и роли России в кавказских делах, необходимо установить, каким уровнем знаний о данном регионе они обладали.

Первоначальное представление англичан о предмете своей поездки было разным — так Дж. А. Лонгворт был знаком лишь с некоторыми книгами своих соотечественников, незначительность знаний которых хотел углубить своими наблюдениями. Эдмонд Спенсер, напротив, был ознакомлен со сведениями греческих (Страбон, Арриан и др.) и итальянских авторов о Кавказе, с русской кавказоведческой литературой того времени (П.С. Лаллас, Г.Ю. Клапрот,) [18], а также пытался освоить язык черкесов в Турции. О специальной подготовке Джеймса Белла нет точных сведений, однако известно, что он был знаком с некоторыми византийскими, арабскими, турецкими и славянскими источниками. Таким образом, определенный уровень знаний о предмете у англичан присутствовал, вопрос в другом — давал ли он возможность судить о нем объективно.

Прибывая в Черкесию, британцы обращали внимание на одежду и внешний вид местных жителей. Так, Дж. Лонгворт отмечал, что одежда

местного производства, сделанная из неяркой и грубой ткани, подчеркивала нищету тех людей, которые, будучи обыкновенными оборванцами, носили, тем не менее, свои лохмотья с большим достоинством [19]. Говоря об антропометрических чертах черкесах в целом, он писал: «Они среднего роста, довольно стройные и крепкого сложения, черты их лица далеки от совершенства, но правильные» [20].

Между тем, манера горцев одеваться просто и даже нарочито небрежно, была хорошо известна другим наблюдателям первой половины XIX в., которые были весьма внимательны к ней. Так, М.Ю. Лермонтов устами Максима Максимыча, персонажа повести «Герой нашего времени» замечает о другом действующем лице, Казбиче: «Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре». Другой приметой того, что Казбич, несмотря на оборванный вид, имел в распоряжении незаурядные атрибуты «джигитства», была его лошадь, которая «славилась в целой Кабарде, и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно» [21]. Вообще авторитетные горцы не были одержимы в то время страстью к богатой одежде, на что указывает и пример такого видного чеченского предводителя, как Бейбулат Тай-

миев. По И.Т. Радожицкому, «шапка на Бейбулате была простая и кафтан обыкновенный... при нем было два товарища побогаче его одетые» [22].

При этом казаки старались подражать горцам в манере одеваться и снаряжаться, что, например, зафиксировал Л.Н. Толстой в повести «Казаки» («Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу») [23].

Теме схожести внешнего вида казаков и черкесов уже посвящено немало страниц в отечественной истории [24]. Таковы, например наблюдения А.П. Беяева: «Казака или горца отличать одного от другого незнающему трудно» [25]. Как заметил другой декабрист, А. А. Марлинский, «казаки отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, сбруя, ухватки — все горское» [26]. По мнению этого автора, горская одежда имела преимущества перед европейской и не было ничего более удобного «на очной ставке с дикой природой», чем практическая одежда горцев [27]. Британцы не сразу поняли это. Во время одной из черкесских вылазок, участие в которой принимал Дж. А. Лонгворт, он отбил от своего отряда и, заметив на небольшом расстоянии от себя группу всадников, устремился к ним. На полпути его настиг один из черкесов, заставив внимательнее посмотреть на всадников, к которым он направлялся. Только после этого англичанин увидел разницу в головных уборах между черкесами и казаками и был этим пристыжен [28]. Таким образом, английские визитеры далеко не сразу присмотрелись к деталям местной специфики в одежде, и порой делали опрометчивые суждения о своих визави или допускали ошибки, которые бы не совершил выходец из казачьей среды или бывалый служилый «кавказец» русского происхождения

ния. Впрочем, постепенно, они присмотрелись к окружающей обстановке и оставили (если судить по их рисункам), весьма точные свидетельства о быте и вооружении черкесов.

Говоря о чертах национального характера, англичане отмечали некоторый «дух медлительности» у горцев [29], который был повсеместно распространен у них при решении общественных дел. Склонность к нерасторопности у жителей Кавказа отмечали и декабристы: «мужья ездят на грабеж или, куря трубку, целый день стругают кинжалом палочку» [30]. Со своей стороны мы должны сделать вывод о том, что для черкесского общества в целом (как, впрочем, и для горских социумов в целом), этот самый дух был порожден системой отношений, которая заключалась в патриархальной неспешности социальной, деловой, производственной жизни, отсутствию четкого делового целеполагания. Это явление особенно имело место среди знати и близких ей слоев. Так, например, декабрист В.С. Толстой, описывая повседневное поведение в быту князя Ф.А. Бекovichа-Черкасского, указывает на то, что день его проходит в «пустой болтовне», осмотре и пробах оружия. Добавим, что последнее было страстью горцев всех социальных групп [31]. О чем-то подобном можно прочитать в известном очерке М.Ю. Лермонтова «Кавказец», где русский офицер, не первый год прослуживший на Кавказе и переживающий, по сути, процесс аккультурации, может целый день провести в разговоре «с грязным узденем о дрянной лошади и ржавой винтовке» [32].

Минусы такого образа жизни были очевидны для англичан, однако не стоило их утрировать, так как при отсутствии развитых товарно-денежных отношений существую-

щая социальная система была естественной для горцев. Нечто подобное можно наблюдать у древних германцев эпохи Тацита, который отмечал: «Из свободы у них вытекает тот недостаток, что они собираются не сразу... но у них пропадает два и три дня из-за медлительности собирающихся [на народное собрание. — *Авт.*]. Когда толпе вздумается, они усаживаются вооруженные» [33] Крайне любопытно, что на рисунках, оставленных Э. Спенсером и Дж. Лонгвортом можно наблюдать сценки, близкие по духу тацитовским [34]. Дж. А. Лонгворт видел выход из этой ситуации в появлении побудительных мотивов для стимулирования местных жителей, чтобы заставить их «действовать энергично или, пользуясь нашей поговоркой, особенно приложимой к этой стране, «заставить кобылу идти» [35].

Еще одной интересной темой, о которой мы находим упоминание в книгах английских путешественников, является смешение исламских, христианских и языческих обрядов и праздников в культуре горцев. Лонгворт отмечал, что преобладающая часть народа в Шапсугии и Натуквиче [36] не подверглась обрезанию, многие языческие обряды в разных частях побережья подверглись некоторой трансформации, но не подавлены исламом. Священные рощи по-прежнему почитаются с большей страстью, чем мечети, и религиозные обряды и празднества привлекают к себе больше народа, чем при намазе. Ислам, одобренный и практикуемый их вождями и эфендиями, почитаем у черкесов, но язычество, имеющее более глубокие и древние корни, намного более популярно» [37]. Н.Н. Великая по этому поводу справедливо замечает, что хотя исламизация Северо-Западного Кавказа в основном завершилась в XVIII — первой

половине XIX в., но она оставалась поверхностной» [38]. Подобных же позиций придерживается и А.Д. Панеш, характеризуя позиции ислама в Черкесии вплоть до начала XIX в. как слабые. Не так давно С.Л. Дударев также коснулся вопроса о характере исламизации Северо-Западного Кавказа. Опираясь, в частности, на сведения английских визитеров, он указал на почитание черкесами «языческих» божеств и одновременную приверженность местных этносов исламу. Такая ситуация позволяет говорить о том, что с точки зрения мусульманской ортодоксии подобный синкретизм может рассматриваться как ересь [39].

Сведения о своеобразии черкесского ислама дополняют наблюдения декабристов, сделанные ими по этому поводу в других частях Северного Кавказа, например, Дагестане. Таковы, в частности, сведения Александра Бестужева, описывавшего обряд призвания дождя у мусульманского населения Дербента [40], что указывает на наличие магическо-языческого пласта представлений и у тех народов Кавказа, которые поверглись гораздо более глубокой степени исламизации [41], однако не стоит преуменьшать роль ислама на Северо-Западном Кавказе. Конец 30-х — начало 40-х гг. XIX века были периодом его подъема и проникновения в разные стороны жизни горцев. Тот же А.Д. Панеш полагает, что мусульманская религия являлась фактором политической консолидации адыгов, а мусульманское духовенство сыграло важную роль в освободительном движении горцев. Ю.В. Приймак видит в этом противоречие с приведенным выше суждением А.Д. Панеша о слабости ислама в Черкесии [42]. Но мы не видим в суждения А.Д. Панеша противоречий. Дело в том, что с 1831 г. среди закубанцев происходит консолидация сил для борь-

бы за независимость. «Малая Кавказская война» на Кубанской Линии окончательно перерастает в «большую Кавказскую войну». Для России это было началом полномасштабной, «тотальной», по выражению Дж. Лонгворта, войны против непокорных подданных России, для горцев — переход от «промысловой» войны наездников, абреков и джигитов к «газавату» — священной войне против «неверных» всего народа (с 1830-х гг. шапсуги стали называть войну против России «гъэзэ отэ зау» («газаватская война») [43]. Религиозный фактор мощно заявил о себе к 1830-м годам, с началом «газаватской войны» и деятельности т.н. «хаджиретов» [44].

На фоне этих бурных событий, ислам и язычество, по мнению англичан, могли уживаться, потому что ислам одобрял некоторые идеи, которые несло язычество, такие как товарищество, стимулирование боевого духа и др. С точки зрения роли ислама в политической жизни черкесов их своеобразная религиозная система в середине XIX в. являлась средством *этнической мобилизации* местных, северо-западно-кавказских этносов в их борьбе против Российской империи.

Схожие процессы происходили и в законодательной сфере. При решении законодательных дел судьи руководствовались прежде всего обычным правом, а затем уже мусульманским законом. Дж. А. Лонгворт писал о том, что «Во всем, что касается их законов и управления, черкесы до сих пор заботятся о своих обществах, и они ни за что не позволят исламу, как бы ни уважали его притязания, диктовать одно или ущемлять другое» [45]. Или еще более серьезное заявление — «в отношении административных полномочий (ислам. — *Авт.*) является только мертвым текстом». О подобном отношении к адату говорил и имам

Шамиль («Скорее горец откажется от ислама, чем от своего обычая, хотя бы это обычай — ходить без рубахи»). Некоторые современные исследователи указывают на стойкость адатов среди адыгов в рассматриваемый период и утверждают, что шариат стал, например, использоваться при разборе земельных споров лишь ближе ко второй половине XIX в. [46]. Мало того, по утверждению Хавжоко Шаукат Муфти, убыхи и шапсуги нападали на суды во время отсутствия наиба Мухаммеда Амина, поджигали мечети, суды и другие общественные здания [47]. О том же писал и Т. Лапинский [48]. Важно указать на причину такого поведения горцев. В результате Крымской войны Россия потерпела поражение, и это событие ввергло эти приморские этносы в заблуждение, что русские больше не вернуться, а значит, незачем терпеть те ограничения, которые налагал мусульманский шариатский порядок на горцев во имя победы.

Часть черкесов довольно долго исповедовала христианство. Об этом интересном моменте пишет Джеймс Бэлл: «Семья Индара-Оку исповедует культ креста... Русский говорит, что обряды проводятся в воскресенье раз в два месяца и что если мы останемся до ближайшего воскресенья, мы сможем увидеть старого Индара-Оку и его семью спускающимися вместе с другими к кресту для поклонения ему» [49]. На рисунках Бэлла мы также встречаем факты наличия крестов в Черкесии, которым, возможно, поклонялось местное население, или, во всяком случае, относилось к ним терпимо (долина р. Саше, долина Суква) [50].

О наличии в среде адыгов поклонения кресту сообщал еще ранее Белла голландский консул в Одессе Тейтбу де Мариньи, на рисунке которого изображен, судя по дате —

28 июля 1818 г. — праздник Изнесения Честных древ Животворящего Креста. Эти рисунки были недавно изданы доктором философии Езбеком Батираем, потомком мухаджиров [51]. Но еще ранее один из этих рисунков был найден Е.Л. Сосниной в Национальной библиотеке Франции и опубликован в г. Армавире [52]. Она же приводит и другие данные о наличии христианских верований среди адыгов.

Однако, христианство — по своим корням более раннее учение в регионе, чем ислам — не являлось доминирующей религией. Причина в этом, по словам Джемса Бэлла, таилась в ненависти к тем людям, которые исповедовали ее — русским. «До какой степени эта русская война способствовала здесь появлению у людей презрительного отношения к религии креста?» [53]. Впрочем, причина в успехах ислама крылась не только в политических обстоятельствах. Эта религия по своим социальным и ментальным параметрам оказалась исторически ближе и понятнее горцам и потому имела (и имеет) среди них успех [54].

Интересно изучать наблюдения англичан, исповедовавших христианство, о превосходстве ислама над другими религиями. По их мнению, «установление верховной власти ислама» должно было быть обязательным процессом для «создания правительства» [55]. И в этом они были правы, если вспомнить, скажем, историю возникновения государственности у арабов или имамата Шамиля. Но говоря об отсутствии централизованной власти на Северном Кавказе до XIX в., нужно учитывать наличие негласных институтов власти — таких, каким, например, была клятва. Горцы в разговоре с Дж. А. Лонгвортом «уверяли нас в том, что их королем является клятва...влиянию и влас-

ти...которого со времен незапамятных подчиняется все на Кавказе».

Следующей стороной жизни черкесов, занимавшей внимание англичан, было описание сельского хозяйства у черкесов. Понимая его низкий уровень, они, тем не менее, находили этому оправдание. Так оценивая взгляды французского путешественника Тейтбу де Мариньи — Джеймс Бэлл говорил о них — «его выводы иногда неточны» и указывал, что «коль зерновые уже давно являются главным продуктом питания народа или, лучше говоря, почти единственной пищей наибольшей его части, следует предположить, что их разведение всегда было соразмерно потреблению жителей» [56].

Впрочем, неплохо в целом осведомленные английские авторы не знали других наблюдений французских вояжеров, побывавших в Черкесии до них. Например, Ферран, путешествовавший по Черкесии в начале XVIII в., писал, что «страна Черкесия прекрасна, изобилует плодоносными деревьями, орошается водами, но несколько не возделана» [57]. Другой француз — Фредерик Дюбуа де Монпере, в 1833 г. указывал на то, что почва в горах Северо-Западного Кавказа имеет существенный недостаток — быстро сохнет и трескается.

В то же время, критикуя взгляды французских путешественников, Д. Бэлл характеризовал способ косябы у черкесов, как весьма нерациональный [58]. Другой английский путешественник Эдмонд Спенсер считал, что состояние сельского хозяйства в Черкесии составляет приятный контраст с Турцией или даже самой Россией. Приводя мнение русских путешественников (каких именно, он умалчивал) о том, что большинство жителей не занимается какими-либо сельскохозяйственными занятиями и их суще-

ствование зависит исключительно от грабежа, Спенсер обвинял этих путешественников в предвзятости выводов, характеризующих, как преднамеренно ошибочными [59].

Некоторые декабристы сообщали о неудовлетворительном состоянии земледельческой техники у горцев. «Наскоро осмотрел я еще на дворе соху, бороны, арбу — все было в плохом состоянии» [60]. — замечал А.Е. Розен. Он возлагал надежды на будущее, когда черкес «может сделаться хорошим земледельцем». Взгляды декабристов или любых других отдельных российских авторов того времени на данный вопрос, конечно же, невозможно оценивать как бесспорные. Но то же самое следует сказать и о зарубежных «экспертах».

Нужно сказать, что, оценивая хозяйство горских народов Северного Кавказа, нельзя пользоваться какой-то усредненной меркой, каждый раз стараясь выяснить состояние того же самого земледелия применительно к конкретной ситуации. Путешественники же (как зарубежные, так и отечественные), как и в целом авторы, писавшие о Кавказе, долгое время называли горцев общим именем «черкесы», и это может ввести в заблуждение исследователя. Уровень развития земледелия у горцев Северного Кавказа был различным: у кабардинцев он был более низким, в Чечне — заметно выше. Недаром она считалась житницей имамата Шамиля [61].

В то же время, нельзя не учитывать некоторые особенности менталитета горцев в прошлом, которые в то время не способствовали развитию земледелия, особенно интенсивного. «В краю, где война есть не что иное, как разбой, а торговля — воровство, разбойник в общем мнении гораздо почтеннее купца...» [62]. Однако кавказоведы Б.Х. Ортабаев и Ф.В. Тотоев, ссылаясь на

прогрессивного осетинского публициста Г. Шанаева, прямо указывают: «Не воин, а труженик — таков чеченец накануне Кавказской войны» [63]. Как отмечает С.Л. Дударев, «с этим нельзя не согласиться в целом, ибо они, конечно, подразумевают массы простых горских крестьян-общинников» [64]. Ратные доблести доминировали в сознании, но это совершенно не означает того, что автохтоны Северного Кавказа, в том числе и черкесы, в чем мы убедились выше, были чужды регулярного производительного земледельческого труда.

Подводя итог наблюдениям о хозяйстве черкесов в связи с замечаниями английских эмиссаров, отметим, что земледелие горцев Северо-Западного Кавказа соответствовало уровню их производительных сил и земледельческой техники, а они не могли быть предельно высокими в связи с тем, что в догосударственных обществах не существует для этого соответствующих предпосылок, в частности, товарного хозяйства или его элементов. Нехватка земли, особенно плодородной, преобладание скотоводства, характерные для горцев на соседнем Центральном Кавказе [65] играли, вероятно, свою отрицательную роль и в северо-западной части Кавказа.

Одним из важнейших вопросов для англичан был вопрос использования экономического потенциала края. В их мемуарах постоянно даются сводки о предметах, которые могли иметь товарную ценность и возможностях их коммерческого использования. Например, Джеймс Белл отмечал избыток хорошего дуба в посещенным им местах. В качестве других основных товаров для Англии он указал на воск, сало, мед, шкуры быков, коней, коз и ланей, шкурки зайцев и т. д. [66]. Им было обнаружено много железной руды и ему обещали еще больше

показать ее после окончания войны, как и указать места, где можно обнаружить свинец, серебро и драгоценные камни. Этот автор выразил надежду найти значительно более богатые и по более выгодным ценам «предметы экспорта в восточных провинциях, где существуют меньше торговых связей с Турцией» [67]. Стремление англичанина найти как можно больше местных природных ресурсов не было его личной инициативой. Колониальные устремления Англии в данном регионе были уже обозначены в опубликованной в 1833 году книге Уркхарта (по другому, Уркварта) «Турция и ее ресурсы» (Лондон, 1833), в которой он впервые обратил внимание на богатые неиспользованные возможности коммерческой и колониальной эксплуатации Северного Кавказа. Автор с сожалением констатировал, что «в настоящее время наша (т.е. английская. — *Авт.*) торговля, можно сказать, исключена из всех стран, омываемых Черным морем» [68].

Дж. Лонгворт пошел дальше своих соотечественников, не ограничиваясь рассуждениями о будущих выгодных перспективах. Он попытался осуществить «коммерческий эксперимент», в целях личного обогащения, в чем ему помогли местные жители [69]. Один из них предложил ему свое судно для перевозки сюда «кое-каких» товаров, предусмотрительно прихваченных с собой Лонгвортом из Англии для продажи, и находившихся пока что в Турции; в свою очередь, путешественник решил отправить в Турцию своего слугу-грека Деметрия с товарами, которые приобрел в Черкесии в обмен на первый свой груз, составлявшими в целом пятую часть всего имущества англичанина, состоявшего из воска, лисьих шкур и масла [70]. О том, что он привез в Черкесию, бизнесмен-путешествен-

ник (и не только) деликатно умалчивал. А это, как известно по номенклатуре прочих товаров других иноземных купцов, посещавших здешние берега, были соль, ткани, железо, английские винтовки и пр.

О возможностях экономического использования региона писали и декабристы. Некоторые из них отмечали, что горцы используют экономические возможности края не в полной мере. С.Н. Кривцов упрекал народы Северного Кавказа в необразованности и «неумении их пользоваться богатствами природы, столь для них щедрой» [71]. А.А. Бестужев весьма «продвинуто» с экономической точки зрения подходил к вопросам по переустройству края. В своем рассказе «Горная дорога из Дагестана в Ширван из Кунакенты» он для получения прибыли предлагал построить в горах гостиничный комплекс для любителей путешествий [72]. Из этого можно сделать вывод, что возможности экономического использования края были широкими, но их замечали в основном только представители зарубежных стран и российские наблюдатели.

Таким образом, взгляд англичан на народы Северо-Западного Кавказа в целом, был достаточно трезв и критичен. Но нередко они, в целях приобрести симпатии местных жителей, могли преувеличенно подчеркнуть те или иные их достоинства, и напротив, негативно высказаться о других народах, с представителями которых они здесь сталкивались, особенно о русских.

Британские вояжеры выдвигали целый ряд предложений по экономическому и отчасти политическому переустройству региона, руководствуясь, прежде всего моделью развития европейских стран. Однако, учитывая кавказскую специфику, такой подход нельзя не признать односторонним и негибким. Оценка уровня

развития кавказских народов была зависимой от ориенталистских воззрений англичан. Недаром один из самых видных декабристов Александр Марлинский, пребывавших в ссылке на Кавказе, в повести «Мулла Нур» написал: «Чтоб судить и осуждать Восток, надо сбросить с себя все европейское: понятия, привычки, предрассудки и решительно сказать самому себе: «Я сегодня родился» [73]. Здешние социально-экономические и политические порядки нуждались в изменениях с учетом местных особенностей и традиций. Другое дело, что прийти к этой мысли, предстояло в результате не одних только кабинетных рассуждений, а драматических, а то и трагических перипетий и немалых жертв во время сражений и стычек. И это касалось не только русского опыта на Кавказе, но и британского, например, в Индии.

Подводя итоги данной статьи, укажем, что затронуты оказались не все нюансы описания английскими вояжерами тех или иных сторон социально-экономического и политического развития черкесских племен, поскольку сложность темы требует значительно большего тестового формата. Мы коснулись лишь ряда основных аспектов впечатлений британцев, посетивших Черкессию в один из важных моментов ее истории. Их работы отражают боль-

шой интерес Британской империи к Кавказу, и его северо-западной части, в том числе. Ее правящие круги желали восстановить местное население против России, всячески возбуждая надежды у антироссийски настроенной части кавказцев на то, что, выражаясь словами литературного героя, появившегося из под писательского пера почти столет спустя, «нам поможет заграница». Впрочем, как отмечают исследователи, слухи по поводу иностранной помощи рождались и среди самих горцев без всякого иностранного участия и интересно то, что Бэлл и Лонгворт порой сами верили им [74]. Так или иначе, но поддержанию такого рода надежд и была во многом посвящена миссия названных выше лиц. Разумеется, Британию очень интересовали возможности кавказцев оказать реальное сопротивление процессу интеграции их в состав России, а также состояние экономических ресурсов этого богатого края. Но всем этим надеждам не суждено было сбыться. Несмотря на большие сложности и драматические обстоятельства, сопровождавшие процесс вхождения Северного Кавказа (как и всего Кавказа в целом), в состав России, его народы выбрали российский, а не британский или какой-либо еще, путь своего выхода на арену мировой истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дударев Д.С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд ист. наук. Армавир, 2016. 26 с.
2. Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
3. Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX в. М.: Каллиграф, 2015. 240 с.
4. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО–XX, 2000. 368 с., ил.
5. Хлудова Л.Н. Северо-Западный Кавказ: новая окраина глазами российских и зарубежных художников (конец XVII – 60-е годы XIX века) // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 7. Армавир, 2017. 220 с.
6. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1958. 630 с.; его же. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: 1958. 416 с.; Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечув-

- ствованном. СПб.: Русская симфония, 2009. 464 с.; Розен А.Е. Записки декабриста. 2-е изд., исправл. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 662 с.
7. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества, императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. 318 с.
 8. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. Ставрополь: СГУ, 2011.
 9. Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004. С. 24.
 10. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война дипломатия. М., 2009.
 11. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд., расш. и дополн. М.: SPSL. Русская панорама, 2003. С. 117–155.
 12. Хлудова Л.Н. Указ. соч.
 13. Мусукаев А. И. Введение // Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002.
 14. Нефляшева Н.Н. Вступление // Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 3–5.
 15. Великая Н.Н. Исламизация народов Северного Кавказа (VII–XIX вв.). М.: РИЖ, 2009. С. 14.
 16. Дударев С.Л. Образы России и русских в произведениях некоторых иностранных авторов первой половины – середины XIX в. в преломлении событий на Северном Кавказе // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края (г. Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. С. 518–524.
 17. Скиба К.В. Указ. соч.; Соснина Е.Л. Об остатках христианства в верованиях горцев Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX в. (по данным французских письменных источников) // Проблемы всеобщей истории. Вып. 8. Армавир, 2003; Салахотдинова Г.В. Распространение ислама и его влияние на жизнь горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 25 с.; Соснина Е.Л. Об остатках христианства в верованиях горцев Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX в. (по данным французских письменных источников) // Проблемы всеобщей истории. Вып. 8. Армавир, 2003. С. 175–187; Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011; Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 318 с.
 18. Работа Г.Ю. Клапрота была опубликована в Лондоне как раз накануне миссии Э. Спенсера (1834).
 19. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 46–47.
 20. Там же. С. 47.
 21. Лермонтов М.Ю. Герой Нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. С. 15.
 22. Цит. по: Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Грозный: Книга, 1991. С. 8.
 23. Толстой Л.Н. Казаки. Повести и рассказы. М., 1981. С. 158.
 24. Нечитайлов М.В. Вседневный мундир линейного казачества эпохи Кавказской войны // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар: Армавир, 2008. С. 94–98.
 25. Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном / предисл. В.А. Ковалева. Красноярск, 1990. С. 267.
 26. Бестужев — Марлинский А.А. // Сочинения в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 461.
 27. Бестужев — Марлинский А.А. // Сочинения в 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 180.
 28. Лонгворт Дж. А. Указ. соч..., с. 322.
 29. Там же. Нальчик, 2002. С. 436.
 30. Беляев А. Указ. соч..., с. 254.
 31. Дударев Д.С., Дударев С.Л. Указ. соч..., с. 100.
 32. Лермонтов М.Ю. Кавказец. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. С. 138.
 33. Тацит Публий Корнелий. Германия. XI.
 34. Эзбек (Едыдж) Батирай. Черкесы-адыги в рисунках европейских художников XVII–XIX вв. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2009, рис. 36–46.
 35. Лонгворт Дж. А. Указ. соч..., с. 381.
 36. Так на англоязычный манер, он именовал Натухай (вспомним английские топонимы Илсвич, Норвич и пр.).
 37. Там же. С. 175.
 38. Великая Н.Н. Указ. соч..., с. 33.
 39. Дударев С.Л. О специфике исламизации Северо-Западного Кавказа в 1830 – начале 1860-х гг. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказ-

- ские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. С. 145–149.
40. Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур // Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1958. С. 319–320.
 41. Дударев С.Л., Дударев Д.С. Об одном «языческом» обряде у мусульманского населения Дербента, описанном А.А. Бестужевым // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 17 Всероссийской межвузовской конференции. Армавир, 2010. С. 14–18.
 42. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. С. 123–124.
 43. Скиба К.В. Указ. соч.с, с. 23–24.
 44. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир, 2005. С. 121.
 45. Лонгворт Дж. А. Указ. соч., с. 204.
 46. Салахотдинова Г.В. Указ. соч., с. 18.
 47. Хавжoko Шаукат Муфти. Указ. соч., с. 190.
 48. Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бей), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Нальчик: Эль-Фа, 1995. С. 49.
Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Нальчик, 2007. Т. 1. С. 101.
 50. Езбек (Едыдж) Батирай. Черкесы-адыги в рисунках европейских художников XVII–XIX вв., рис. 62–63.
 51. Там же. Рис.29–30.
 52. Соснина Е.Л. Указ. соч., с. 187, рис. 1.
 53. Джеймс Бэлл. Указ. соч., с. 91.
 54. Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества (книга-размышление) // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 499–500.
 55. Лонгворт Дж. А. Указ. соч., с. 205.
 56. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Нальчик, 2007. Т. 2. С. 161.
 57. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известия европейских авторов XVIII–XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 111.
 58. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Нальчик, 2007. Т. 1. С. 235.
 59. Спенсер Э. Указ. соч., с. 89.
 60. Розен А.Е. Записки декабриста / подготовил Г.А. Невелев. 2-е изд., исправл. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 245.
 61. Дударев Д.С. Черты повседневной жизни северокавказских горцев в мемуарах декабристов // Проблемы южнороссийской истории. Вып. 16. Армавир, 2010. С. 44.
 62. Бестужев-Марлинский А.А. Мулла Нур // Сочинения: в 2 т. 1958. Т. 2. С. 391.
 63. Цит. по: Дударев С.Л. Из истории идейного противостояния вокруг дореволюционной истории Чечено-Ингушетии в конце эпохи перестройки (часть 1) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 9. Пятигорск, 2008. С. 191.
 64. Там же.
 65. Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир: АГПУ, 2008. С. 143.
 66. Джеймс Бэлл. Указ. соч., с. 129.
 67. Там же.
 68. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война дипломатия. М., 2009. С. 52.
 69. Лонгворт Дж. А. Указ. соч., с. 422.
 70. Там же.
 71. Кравченко В.Н. Всюду он был любим. Ставрополь: ЮРКИТ, 2002. С. 39.
 72. Бестужев-Марлинский А.А. Письма из Дагестана // Сочинения. Т. 2. М.: Худож. лит., 1981. С. 328.
 73. URL: <https://litbit.ru/ru/bestuzhevmarlinskiy-aleksandr/mullanur/iiUR> (Дата обращения: 28.11.24).
 74. Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. С. 105.

А.А. ГОЛОВЛЁВ

(г. Самара, РФ)

К 165-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ «КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ» НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

**Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня.
Часть 6. События в Чечне и галашевская экспедиция
(сентябрь – декабрь 1858 года)**

Второй этап плана по овладению Чечнёй, который ген.-лейт. Н.И. Евдокимов осуществлял в течение января–сентября 1858 г., успешно завершился взятием русскими войсками Аргунского и Чанты-Аргунского ущелий и замирением аргунских горцев¹. С отпадением от владений имамата центральных и западных горных районов Чечни, расположенных между реками Чанты-Аргун и Фортанга, войско имама Шамиля окончательно потеряло возможность беспрепятственно вторгаться на территорию горских этнических обществ, населявших труднопроходимые лесные ущелья рек Асса, Фортанга и Мереджи.

До начала реализации третьего этапа плана по овладению Чечнёй, в который намечалось окончательно замирить чеченцев и вытеснить имама Шамиля в Нагорный Дагестан посредством проведения крупной Веденской экспедиции, войскам ген.-лейт. Н.И. Евдокимова предстояло осуществить несколько вспомогательных действий. Во-первых, надо было укрепить занятые русскими войсками позиции, улучшить и обезопасить пути сообщения по ущелью Чанты-Аргуна. Во-вторых, в западных и восточных районах театра военных действий следовало провести локальные войсковые операции, направленные на обеспечение флангов Чеченского отряда перед началом Веденской экспедиции.

Как нам представляется, осенью 1858 г. русские войска, находившиеся в горах по ущелью Чанты-Аргуна, возглавлял командир Навагинского полка полк. М.П. фон-Кауфман². Он подчинялся ген.-м. П.И. Кемферту, который временно замещал ген.-л. Н.И. Евдокимова и командовал войсками, противостоявшими отрядам имама Шамиля. Н.И. Евдокимов переехал из Чечни в кр. Владикавказ для проведения экспедиции в ущелья Ассы, Фортанги и Мереджи.

Войска полк. М.П. фон-Кауфмана дислоцировались в трёх пунктах: главные силы стояли вблизи сожжённого тавлинцами аула Гакко (ныне с. Шатой), а отдельные отряды — у аулов Хал-Келой и Итум-Кале. Под руководством М.П. фон-Кауфмана, в своё время окончившего Николаевское инженерное училище, сооружались крепость при ауле Гакко и укрепление при ауле Итум-Кале.

Поскольку 10 сентября 1858 г. русскому командованию стало известно о большом сборе пеших и конных партий имама Шамиля, устремившихся в нагорную часть Большой Чечни, были приняты меры к усилению подвижного резервного отряда возле укр. Бердыкель [2]. К 13 сентября здесь были развёрнуты войска (2 батальона Виленского полка, 3 роты линейных батальонов №№ 10-го и 11-го, 2 дивизиона драгун, 2 сотни казаков, сотня горс-

Рис. 1. Часть полностью возведённой стены Шатовской крепости (рисунок неизвестного художника).

кой милиции, при 4 пеших и 4 конных орудиях) под командой полк. П.Г. Беллика.

Продолжая ранее начатые работы, войска М.П. фон-Кауфмана в сентябре-ноябре 1858 г. подняли каменные стены казематированных батарей, оборонительных казарм и стену строящейся Шатовской кр.

(рис. 1), до грудной высоты. Развернулись работы по заготовлению материалов, необходимых для сооружения крепости. В Итум-Кале ещё в сентябре солдаты окончили исправление башен, которые соединили глухой каменной стеной. Возводившееся при Итум-Кале укрепление было наименовано в честь коман-

- 1 Данная статья — продолжение серии статей, опубликованных в Вестнике Армавирского государственного педагогического университета. См.: Головлёв А.А., Дударев С.Л. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 1. Введение. Большая и Малая Чечня, Аух (1856–1857 гг.) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 31–49; Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 2. Взятие Аргунского ущелья (зимняя экспедиция 1858 г.) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 43–62; Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 3. Военно-политические события в Малой и Большой Чечне, Назрановском и Галашевском обществах (апрель-июнь 1858 г.) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 3. С. 27–43; Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 4. Движение русских войск в Шатовское общество (летняя экспедиция 1858 г.) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 122–140; Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 5. Замирение аргунских горцев (летняя экспедиция 1858 г.) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 61–77.
- 2 М.П. фон-Кауфман — младший брат К.П. фон-Кауфмана, будущего генерал-губернатора Туркестанского края, имя которого носил второй по высоте пик-семи тысячник на Памире (в советское время пик Кауфмана был переименован в пик Ленина).

дующего войсками Левого фланга Кавказской линии Евдокимовским. В кр. Шатоевской, укр. Евдокимовском и ауле Хал-Келой сооружались зимние помещения для солдат и офицеров. Между кр. Шатоевской (рис. 2) и укр. Евдокимовским действовала вьючная дорога, разработанная в скалах ущелья Чанты-Аргуна. Дальнейшему производству военно-инженерных и дорожно-строительных работ в горах отчасти помешало известие о том, что конные и пешие партии имама Шамиля появились на плоскости Большой Чечни. В виду угрозы их вторжения на плоскость Малой Чечни, и для прикрытия низовьев Сунжи, ген.-м. П.И. Кемферт приостановил некоторые менее значимые работы в горах. Из ущелья Чанты-Аргуна на плоскость Большой Чечни 21 ноября были передислоцированы 3 пехотных батальона при 4 орудиях. К ним присоединилась кавалерия (дивизион драгун и 4 сотни казаков), прибывшая из кр. Грозной [3].

В октябре 1858 г. на Левом фланге Кавказской линии произошло неординарное политическое событие [2]: театр военных действий в Чечне посетили сыновья императора Николая I, великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич³. Для встречи и сопровождения высоких царских особ по Большой Чечне, в конце сентября на р. Джалка, возле разорённого аула Чухум-Барц, был сосредоточен отряд ген.-м. П.И. Кемферта (8 батальонов пехоты, 4 эскадрона драгун, 13 сотен казаков, 2 сотни горской милиции, при 12 пеших и 4 конных орудиях). Кроме того, в укр. Бердыкель были перебазированы из главного отряда и кр. Воздвиженской 5^{1/2} батальонов пехоты, при 4 пеших орудиях, и 2 сотни казаков (2-й, 3-й и 4-й батальоны Куринского полка, 3-й батальон Белостокского полка, 4-й батальон Тенгинского полка, 2

роты 20-го стрелкового батальона, 2 сотни Донского № 76-го полка, при 4 орудиях лёгкой № 5-го батареи), а с линии — 9 сотен казаков и 4 пеших орудия (3 сотни 2-го Сунженского, 2 сотни Кизлярского, 2 сотни Донского № 68-го и по одной сотне Гребенского и Моздокского казачьих полков, при 4 орудиях батареи № 4-го батареи).

В ожидании приезда высоких посетителей — согласно плану маршрута, их должны были встретить на р. Хулхулау — русские войска занимались расчисткой сильно заросших старых просек, исправлением дороги и мостов. Неприятель следил за работами и передвижениями войск, временами завязывал перестрелки. После рекогносцировки 1 октября к аулу Гельдиген значительные силы горцев атаковали кавалерию ген.-м. П.И. Кемферта, возвращавшуюся в лагерь. Вечером того же дня орудия противника обстреляли лагерь [2].

Выехав 3 октября из укр. Хасавюрт, высокие гости направились через укр. Герзель-аул в укр. Хоби-Шавдонское. По пути следования Кумыкская милиция (при поддержке Чеченской милиции и сотни Донского № 70-го полка) отогнала в лес пехоту и кавалерию противника. На следующий день великие князья через укр. Умахан-юрт приехали в кр. Грозную⁴. Отсюда они 5 октября, в сопровождении кавалерии, через кр. Воздвиженскую, укрепления Аргунское и Зонах прибыли в строящуюся при ауле Гакко крепость. При проезде по ущелью Чанты-Аргуна наследников престола сопровождал конвой из 3 сотен казаков и Чеченской милиции. Места, удобные для устройства неприятельских засад, взяли под охрану стрелки Куринского и Навагинского полков и чеченские милиционеры. На другой день великие князья возвратились в кр. Воздвиженскую (рис. 3), и через

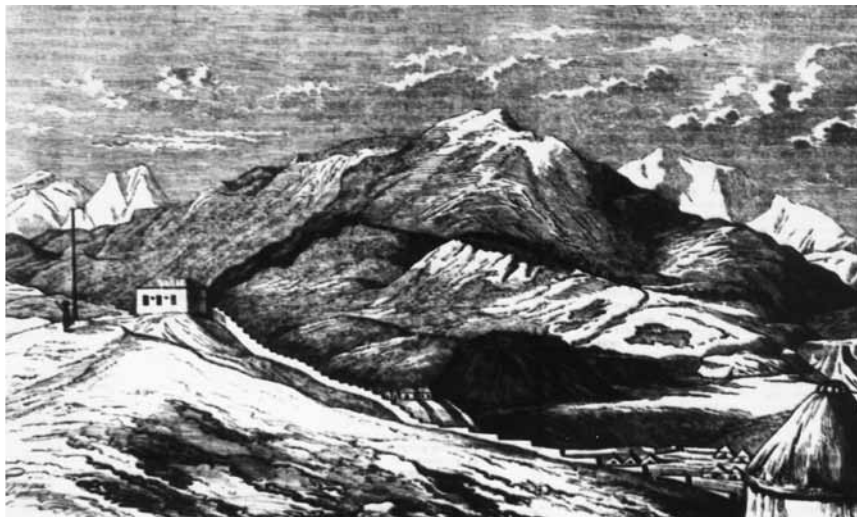

Рис. 2. Шатоевская крепость на фоне панорамы гор Чечни. Внизу справа — кибитки, в которых 5 и 6 октября 1858 г. проживали великие князья Николай Николаевич (старший) и Михаил Николаевич (рисунок неизвестного художника).

всю Малую Чечню и станицу Слепцовскую проследовали во Владикавказ.

В октябре–декабре 1858 г. под командованием ген.-л. Н.И. Евдокимова в горных районах западной части Левого фланга Кавказской линии была проведена вспомогательная войсковая операция, которая в военной истории известна под названием Галашевской экспедиции. Целью её являлось замирение многочисленного, но с давних пор неприязненного по отношению к России горского населения, жившего к западу от нагорной части Ма-

лой Чечни. К задачам экспедиции относились: рубка леса, прокладка просек, колёсных и вьючных дорог в труднопроходимых ущельях Ассы, Фортанги и Мереджи, и переселение жителей горных хуторов и аулов на предгорную плоскость.

Малочисленные горские общества, населявшие труднодоступные лесные дебри в бассейнах рек Асса, Фортанга и Мереджи, принадлежали к карабулакскому народу. Жители Галашевского, Мереджинского (то есть Мержойского) и других карабулакских обществ⁵ либо не признавали, либо формально призна-

3 До них в Чечне побывал осенью 1850 г. старший сын императора Александра II, наследник цесаревич и великий князь Николай Александрович. По М.Я. Ольшевскому [4], наследник престола сначала побывал в станице Червлёной. В укр. Горчьеводском ему были представлены почётные жители аулов Старый юрт и Новый юрт, а в крепости Грозной он посетил военный госпиталь и побывал у землянки Ермолова. Затем через Ханкальское ущелье наследник проехал в кр. Воздвиженскую, и оттуда через Урус-Мартан прибыл на Сунженскую линию.

4 В виду сбора крупных сил имама Шамиля и во избежание напрасных потерь в войсках, великие князья благоразумно изменили маршрут своего путешествия, и вместо Большой Чечни проследовали на р. Сунжу.

5 Очевидно, Галашевское общество населялось выходцами из разных карабулакских (орцхойских, или орстхойских) обществ. По сведениям Т. Цеюева [5], карабулакскими являются Белхаройское, Галайское, Гандалайское (Гандалой), Мержойское, Мужойское, Хаккойское (Хьяккой) и Цечойское (Цечей) этнические общества.

Рис. 3. Воздвиженская крепость. Вид с Низового укрепления (с левобережной поймы Аргуна). Так выглядела передовая русская крепость спустя 13 лет после её посещения наследниками престола Николаем Николаевичем (старшим) и Михаилом Николаевичем, в то время, когда Чечню посетил император Александр II (рисунок артиллерийского офицера А.Н. Нисченкова).

вали власть России. Привыкнув к своеволию и безудержной свободе, и, пользуясь недосыгаемостью для русского оружия своих горных убежищ, они беспрестанно совершали разбойные нападения⁶. В карабулакских горах удерживались русские пленные и скрывались абреки разных национальностей [2].

Хотя карабулаки и не могли, без военной помощи извне, серьёзно дестабилизировать обстановку в Военно-Осетинском округе, ген.-л. Н.И. Евдокимов понимал, что их нападения заставляют войска находиться в состоянии постоянной напряжённости и тревоги [7]. Поскольку Н.И. Евдокимов, как отмечал его биограф И.И. Ореус [8], всегда придерживался своей тактики не продвигаться с войсками вперёд до тех пор, пока надёжно не защищены тыл и фланги⁷, перед проведением в Чечне финальной Веденской эк-

спедиции вопрос о военной операции против карабулаков требовал скорейшего разрешения.

Исполняя приказ главнокомандующего Кавказской армией, ген.-ад. кн. А.И. Барятинского о поселении в большие аулы жителей Назрановского, Галашевского и других карабулакских обществ и переселении на плоскость горных аулов и хуторов, жители которых на системной основе участвовали в разбоях, ген.-л. Н.И. Евдокимов сформировал особый Галашевский отряд.

Для проведения Галашевской экспедиции главнокомандующий А.И. Барятинский командировал из Закавказского края в подчинение ген.-л. Н.И. Евдокимову 6 пехотных батальонов, первые из которых прибыли во Владикавказ 19 октября 1858 г. Предоставив батальонам, преодолевшим нелёгкий путь через Кавказский хребет, требуемый от-

дых, Н.И. Евдокимов с 25 октября начал сосредоточивать войска Галашевского отряда на трёх позициях [7, 9].

На позиции около Нестеровского поста, у самого выхода ущелья Ассы на плоскость, расположились войска под командованием полк. А.А. Иедлинского (4-й батальон Навагинского полка, рота 3-го батальона Навагинского полка, 3-я стрелковая рота Тенгинского полка — всего 1½ батальона; 4 сотни 1-го Сунженского полка, 2 лёгких орудия лёгкой №6-го батареи 20-й артиллерийской бригады и 2 конных орудия казачьей №15-го батареи). Позицию вблизи Назрановского укр. заняли войска, состоявшие из 1-го батальона Грузинского гренадерского полка, 3-го батальона лейб-гренадерского Эриванского полка и 2 сотен Донского казачьего №71-го полка. Войска под начальством полк. А.А. Баженова дислоцировались под Владикавказом (1-й и 2-й батальоны и 5-я стрелковая рота Тенгинского полка, 1-й батальон лейб-гренадерского Эриванского полка, 1-й батальон Рязжского полка, взвод Кавказского сапёрного №2-го батальона — всего около 4½ батальонов; дивизион горной №4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, 2 сотни Владикавказского и 2 сотни Горского линейного казачьих полков и сотня горской милиции). Под прикрытием войск Галашевского отряда началось переселение назрановцев в большие аулы. Переселение, произведённое под руководством помощника начальника Военно-Осетинского округа по управлению Назрановским участком, подполков-

ника Навагинского полка А.Н. Козлова, не вызвало противодействия назрановцев [7].

После переселения назрановцев из небольших аулов и хуторов, находившихся в глухих лесных трупцах гор, в большие аулы на плоскости, в которых российская власть могла осуществлять действенный надзор за умонастроениями и поведением жителей и правильно организовать общественное управление, войска Галашевского отряда приступили к вырубке просек и прокладке дорог в Чёрных горах. Так, 31 октября 1858 г. полк. А.А. Иедлинский направил 4-й батальон Навагинского полка вверх по ущелью Ассы к посту Алгус-Али, устроенному при устье р. Ерусалимки. Навагинцы занялись восстановлением дороги, размытой дождями. На следующий день вся колонна А.А. Иедлинского перешла от Нестеровского поста к аулу Мужич (= Мужичи), стоявшему на Ассе в центральной части Галашевского общества. Одновременно колонна полк. А.А. Баженова вошла в Аки-Юртовское ущелье для вырубки просеки и строительства дороги к его верховьям. 2 ноября 1858 г. к колонне А.А. Баженова присоединились Грузинский и Эриванский гренадерские батальоны и 2 сотни донских казаков, передислоцированные из-под укр. Назрановского. В Аки-Юртовское ущелье также прибыли ген.-л. Н.И. Евдокимов и его штаб. По приказу командующего войсками Левого фланга, наиб Малой Чечни Саибдула, перешедший на сторону русских, собрал отряд численностью до 2000 вооружённых чеченцев и совершил

6 По М.А. Иванову [6], соседи-ингуши считали карабулаков буйным, беспокойным и очень храбрым народом.

7 Иногда это важное правило нарушалось, и Н.И. Евдокимов рисковал ради стремительного и внезапного броска своих войск. Так было, например, при форсированном и скрытном почти 30-вёрстном марше Чеченского отряда на гору Даргендук 28 февраля 1858 г.

с ними набеги на немирные хутора и аулы⁸, в которых обосновались абреки, разбойничавшие по всему краю. При появлении отряда Саибдулы, выступившего из Малой Чечни, коренные жители и абреки всех доселе враждебных российской власти хуторов и аулов беспрекословно покорились. Принёсшее полную покорность горское население выдало наибу Саибдуле всех бывших в плену русских (27 чел.) и аманатов из лучших фамилий [3, 9].

Об отношении ген.-л. Н.И. Евдокимова к населению немирных хуторов и аулов, подчинившихся наибу Саибдуле, свидетельствует выдержка из журнала военных действий, представленного военному министру ген.-ад. Н.О. Сухозанету: «Принимая во внимание столь искреннюю и безусловную покорность народа буйного, никогда ещё не подчинявшегося нашей власти, и затруднительность переселения в зимнее время, я разрешил, однако, этим аулам оставаться в занимаемых ими местах еще в течение трех месяцев, с раннею же весною они выселятся на плоскость Малой Чечни в Галашевское общество» [3, с. 1118]. Как видно, никакой ненависти к горцам, приписываемой Н.И. Евдокимову некоторыми современными историками, он не испытывал. Напротив, учитывая тяжёлые условия зимы, генерал пошёл навстречу своим ещё вчерашним врагам, и отложил переселение в Малую Чечню на более благоприятное время.

В период с 3 по 23 ноября 1858 г. Галашевский отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова, усиленный 2-м и 3-м батальонами Рязского полка, прорубал просеки и строил дорогу по Акиюртовскому ущелью к аулу Мужичи. Главные силы отряда расположились на Ассе у аула Галашки [3].

Благодаря дорожно-строительным работам Галашевского отряда, русским войскам открылись гряды

лесные пристанища карабулаков, расположенные в глубине гор [10]. Так, 23 ноября 1858 г. дорога была проведена к аулу Мужичи. До конца ноября прокладывалась дорога по ущелью Ассы между постом Алгус-Али и аулом Алкун. Для удобства работы Галашевский отряд разделился надвое: одна его часть разрабатывала дорогу на участке от Мужичи до Алкуна, а другая часть — от Мужичи до Алгус-Али. Вырубив леса, мешавшие производству работ, войска проложили удобную повозочную дорогу. Одновременно с налаживанием путей сообщения, по приказу ген.-л. Н.И. Евдокимова, временно заведовавший Военно-Осетинским округом подп. А.Н. Козлов в сопровождении горской милиции объехал карабулакские аулы, лежавшие по Ассе, и объявил их жителям следующее. Поскольку эти жители долгое время враждебно относились к России и всегда покрывали злодеяния, совершавшиеся в российских пределах, они должны быть переселены из горных мест проживания в несколько больших аулов на плоскости, указанных командующим войсками Левого фланга. Объявив приказание Н.И. Евдокимова, подп. А.Н. Козлов приступил к переселению карабулаков с гор на плоскость. Большинство жителей было переселено, а их жилища предали огню. По уважительным причинам, меньшей части жителей было дозволено переселиться позднее [10].

Переселив карабулакские аулы, находившиеся в ущелье Ассы, Галашевский отряд 30 ноября 1858 г. выступил в Мереджинское общество, населявшее верховья Фортанги. В этот же день отряд переправился через Ассу, после чего решила судьба мереджинских жителей: «...они явились с изъявлением покорности и представили аманатов. С покорением этого небольшого, но

сильного по местности общества, между Тереком и Аргуном не осталось более непокорного населения, за исключением 8 чел. Назрановцев, осужденных за возмущение 25-го мая сего года, кои успели бежать из-под ареста и в настоящее время скрываются по лесам, бродя из одной балки в другую» [10, с. 1120]. После замирения Мереджинского общества, русские войска вплоть до 19 декабря рубили просеки и сооружали дорогу от Ассы до Мереджи, которая в перспективе могла бы обеспечить прямое сообщение от Владикавказа и Военно-Сунженской линии к Аргунской линии (укр. Евдокимовское — кр. Шатоевская).

Пока ген.-л. Н.И. Евдокимов руководил проведением Галашевской экспедиции, имам Шамиль, начиная с середины ноября, увеличил свои сборы на р. Шаро-Аргун, а в конце ноября объявил поголовный призыв в ополчение во всех подвластных обществах Чечни и Дагестана. При этом в горах распространялись слухи о том, что появившаяся в 1858 г. комета⁹ является предвестницей гибели христиан; и что турецкий султан умер, а вступивший на престол его брат уже послал на помощь мусульманам Чечни и Дагестана сильной войско [10].

В виду указанных обстоятельств, ген.-л. Н.И. Евдокимов ещё 1 декабря 1858 г. покинул Галашевский отряд, оставив вместо себя в качестве начальника командира Ряжского полка ген.-м. Н.С. Ганецкого. Под его командой войска Галашевского отряда вырубили просеку на 14-вёрстном пространстве от Ас-

сы до Мереджинской поляны, и по этой просеке проложили к поляне весьма удобную выючную дорогу [10]. С принесением покорности мереджинских жителей и устройством выючной дороги к их хуторам и аулам на Мереджинской поляне, цель и задачи Галашевской экспедиции были выполнены. Накануне Веденской экспедиции западные районы Левого фланга Кавказской линии стали вполне безопасными. Экспедиция, разработанная и образцово проведённая Н.И. Евдокимовым в условиях труднопроходимой лесной местности со сложным горным рельефом, завершилась без человеческих жертв. Причём, потеря не было как в Галашевском отряде, так и у назрановцев и карабулаков.

Вследствие военных действий и дипломатических усилий ген.-лейт. Н.И. Евдокимова, в 1858 г. все горские общества, населявшие между речью Терек — Шаро-Аргун, признали власть русского императора. По этому Н.И. Евдокимов озабочен введением нового, взамен упразднённого шамилевского, административного управления. В отношении ген.-ад. кн. А.И. Барятинского к военному министру ген.-ад. Н.О. Сухожанету упоминается о том, что командующий войсками Левого фланга изложил свои представления об устройстве быта и прочного управления в замирившихся горских обществах. Основываясь на них, А.И. Барятинский предписал Н.И. Евдокимову на пространстве между Тереком и Шаро-Аргуном с 1 сентября 1858 г. учредить 3 наместничества: Шатой, Чанты и Акко [11].

8 Часть названий небольших аулов и хуторов сильно искажена [7, 9]. По разным литературным источникам и старинным картам нам удалось идентифицировать населённые пункты, находившиеся в бассейнах рек Чож («Чужичу») = Чожичу, или Чужичи; «Азерзе» = Азы-ирзау, или Аза-ирзе), Фортанга (Даттых; «Шагот-Кох» = Шовгат-Кух), Нетхой и Шалажи («Чижикты») = Чижгиты, или Чижги) и Мереджи (Мереджи). Хутор «Беримчты», по всей видимости, располагался вблизи Мереджой-Беремских солёных источников. Хутора «Таутха» и «Ак-Юрзы» идентифицировать не удалось.

9 Имеется в виду комета Донати, открытая итальянским астрономом летом 1858 г.

В каждое наибство назначался чеченец-наиб, а все наибы подчинялись капитану Навагинского полка Н.А. Федосееву. До окончательного введения нового наибского управления, капитан Н.А. Федосеев был подчинён командиру Навагинского полка полк. М.П. фон-Кауфману. При возводившейся кр. Шатоевской учреждался чеченский народный суд (мехкеме), дела в котором решались по адату и шариату. На содержание наибского управления и мехкеме из казны выделялись денежные средства. Окончательное учреждение Шатоевского, Чантйского и Аккинского наибств с 24 штатными должностями (штаб-офицер или обер-офицер, управлявший наибствами; старшие адъютанты из числа обер-офицеров и словесные переводчики в каждом наибстве; председатель мехкеме, главный кадий, судьи или депутаты из почётных стариков, письменный и словесный переводчики; писари для управляющего наибствами, трёх наивов и народного суда) было завизировано императором, о чём объявлялось в приказе по Кавказской армии [12]. В этом же приказе устанавливались расходы на

канцелярские принадлежности для управляющего наибствами, народного суда и трёх наивов, и расходы на отопление и освещение помещений.

В другом отношении ген.-ад. кн. А.И. Барятинского к военному министру ген.-ад. Н.О. Сухозанету обосновывалась необходимость создания трёх дополнительных штатных должностей для управления карабулакским народонаселением (а именно, ещё одного, шестого по счёту, помощника к начальнику Военно-Осетинского округа, а также переводчика и писаря) [13]. Создание новых штатных должностей диктовалось существенным увеличением численности карабулаков на плоскости после переселения жителей горных хуторов и аулов из лесов, располагавшихся по Фортанге и Ассе.

Ген.-л. Н.И. Евдокимов, приехав в кр. Грозную, переключился на реализацию комплекса военно-организационных мероприятий в восточных районах Левого фланга Кавказской линии, направленных против сил имама Шамиля в Большой Чечне и связанных с подготовкой к наступлению в горы Ичкерии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 5. Замирение аргунских горцев (летняя экспедиция 1858 г.) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 61–77.
2. Журнал занятий и военных действий войск Левого Крыла Кавказской Линии с 8 сентября по 9 октября 1858 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 20-го октября 1858 года, № 1809 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1113–1114.
3. Журнал военных действий на Левом Крыле Кавказской Линии, с 3 по 23 ноября 1858 г., представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 24 ноября 1858 года, № 441 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1118.

4. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 годы // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. № 1. С. 133–182.
5. Цечоев Т. Орстойские фамилии // Орстхо. 1994. № 13 (29). С. 1–2.
6. Иванов М.А. В горах между реками Фортангой и Аргуном // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1904. Т. XVII. № 1. С. 31–68.
7. Рапорт командующего войсками Левого крыла Кавказской линии, ген.-л. Евдокимова, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 3 ноября 1858 года, № 1896 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1116.
8. Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов. 1804–1873 // Русская старина. 1889. Т. LXII. № 5. С. 357–387.
9. Зимние действия войск левого крыла Кавказской Линии в Большой и Малой Чечне // Кавказ. 1859. № 9. С. 43–44.
10. Журнал военных действий на Левом Крыле Кавказской Линии, с 28 ноября по 18 декабря 1858 г., представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 19-го декабря 1858 года, № 596 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1120.
11. Отношение ген.-адъют. кн. Барятинского к военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 15 ноября 1858 года, № 2518 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1116–1117.
12. Приказ по Кавказской Армии, от 31-го декабря 1858 года, № 501 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1121.
13. Отношение главнокомандующего Кавказской Армией, ген.-адъют. кн. Барятинского, к военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 22 ноября 1858 года, № 3332 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1117–1118.

А.А. ГОЛОВЛЁВ, Д.С. ДУДАРЕВ

(г. Самара, Москва, РФ)

ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ И ЧЕЧНЯ.**Часть 7. Веденская экспедиция (конец 1858 – начало 1859 года)**

*Русский топор принес
делу имама большой вред...*

Г.Н. Казбек [1, с. 385].

Перед воплощением третьего этапа плана по овладению Чечней, предполагавшего проведение Веденской экспедиции, войска Чеченского отряда ген.-лейт. Н.И. Евдокимова укрепили занимаемые позиции в ущелье Чанты-Аргуна, улучшили и обезопасили пути сообщения в этом ущелье. Бескровно проведённая в западных районах Левого фланга Кавказской линии вспомогательная Галашевская экспедиция достигла цели: прежде враждебные карабулакские общества признали российскую власть и переселились с гор на плоскость. Таким образом, перед проведением Веденской экспедиции проблема обеспечения безопасности фланга Чеченского отряда с западного направления была решена¹. Теперь предстояло произвести вспомогательные войсковые операции в восточных районах Левого фланга Кавказской линии (в пределах Ауха, Ичкерии и Большой Чечни), чтобы обезопасить фланг Чеченского отряда с восточного направления, а затем приступить к проведению Веденской экспедиции.

Находясь в кр. Грозной, ген.-л. Н.И. Евдокимов приступил к разруливанию ситуации, создавшейся в восточных районах Левого фланга Кавказской линии. Поскольку имам Шамиль ещё в начале декабря 1858 г. спустил своё огромное ополчение из гор Ичкерии на плоскость Большой Чечни, командующий войсками Левого фланга издал приказ о со-

средоточении войск Чеченского отряда, который осенью находился в оборонительном положении, и подготовке к наступательным действиям в Большой Чечне.

В целях отвлечения внимания противника от Чечни и содействия русским войскам, сражавшимся в Прикаспийском крае, ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал начальнику Кумыкского округа фл.-ад. полк. кн. Д.И. Святополк-Мирскому выступить с отрядом в Аух [3]. Кумыкский отряд Д.И. Святополк-Мирского вышел 7 декабря 1858 г. из укр. Хасав-Юрт и до 15 декабря находился в горах. Войска произвели рекогносцировку местности в окрестностях ауховских аулов Акташ-Аух (ныне Ленинаул), Юрт-Аух (Калининаул) и Эльбури-отар (Албури-Отар), рубили лес и строили дорогу. Сильный снег и выюга заставили отряд Д.И. Святополк-Мирского возвратиться в Хасав-Юрт. Отсюда 19 декабря 1858 г. Н.И. Евдокимов перебазировал Кумыкский отряд в Большую Чечню, в междуречье Мичик — Гумс [4, 5]. Кумыкский отряд должен был осуществлять локальные операции, сковывать и оттягивать на себя военную силу имама Шамиля, и, в результате, облегчить Чеченскому отряду прорыв в горы Ичкерии.

В целом, в декабре 1858 г. русские войска в восточных районах Левого фланга дислоцировались в укрепленных пунктах по периметру (кр. Воздвиженская, укрепления

Бердыкель, Тепли-Кичу, Умахан-Юртовское, Куринское, Хасав-Юрт, Кишень-Аух) и внутри (укрепления Хоби-Шавдонское и Шалинское) территории Большой Чечни. Кумыкский отряд полк. Д.И. Святополк-Мирского занял боевую позицию в междуречье Мичика и Гумса. В Шатоевском обществе передовой отряд русских войск стоял близ аула Хал-Келой на Шаро-Аргуне.

Главные силы имама Шамиля, возглавляемые его сыном Кази-Магомой, заняли лесное ущелье Басса и окрестные горы. Сборы Кази-Магомы прикрывали важный путь к столице имамата Шамиля. Значительная часть спустившегося на плоскость Большой Чечни горского войска расположилась в ауле Майртуп. Отсюда имам Шамиль не только угрожал гарнизону Хоби-Шавдонского укр., а также отряду полк. Д.И. Святополк-Мирского, переведённому на Мичик, но и контролировал проходы в ущелья рек Гумс, Гансол и Хулхулау, ведущие в центральную часть Ичкерии. На правом берегу Шаро-Аргуна передовому русскому отряду противостояли шароевцы и тавлинцы, во главе с шароевским наибом Умой² и двумя тавлинскими наибам [4].

Противоборствующие стороны простояли на указанных выше позициях, не совершая активных наступательных действий, примерно с неделю. Наконец, имам Шамиль решил действовать. По его приказу партии наибов Умы, Дебира и Хаджи-Магомата перешли через Шаро-Аргун и направились к переправе на Чанты-Аргуне, расположенной около аула Башин-Кале. Наибы должны были овладеть переправой

и разрезать Аргунскую линию, прервав всякое сообщение между кр. Шатоевской и укр. Евдокимовским. В случае успеха диверсии, имам обещал поддержать набов всеми наличествующими силами [4].

Однако полк. М.П. фон-Кауфман, вовремя предупреждённый о диверсии лазутчиками, незамедлительно отправил 6 рот пехоты из кр. Шатоевской и занял переправу у Башин-Кале. В свою очередь, по приказу ген.-лейт. Н.И. Евдокимова, фл.-ад. полк. М.И. Чертков перевёл в кр. Шатоевскую 7 рот пехоты Куринского полка. Тем временем, наибские партии, поднявшиеся в ночь с 10 на 11 декабря 1858 г. на Чантыйский перевал, были замечены местными жителями, поднявшими тревогу. Поскольку скрытно диверсию провести не удалось, наибские партии утром 11 декабря ушли обратно за Шаро-Аргун [4].

Неудавшаяся диверсия шамилевских набов послужила для ген.-л. Н.И. Евдокимова своеобразным сигналом к началу активных наступательных действий в Большой Чечне. Оставив часть войск в западных районах Левого фланга для завершения ранее начатых работ, Н.И. Евдокимов приступил к реализации начальной части третьего этапа плана по овладению Чечнёй. В третий этап Чеченский отряд должен был сначала прорваться в горы Ичкерии и продвинуться к укрепленному аулу Ведень³, а затем, после осады и штурма столицы имамата, перебазироваться для ведения боевых действий в Нагорный Дагестан.

Для наступления в Большую Чечню и прорыва в горы Ичкерии ген.-лейт. Н.И. Евдокимов к 20 декаб-

1 См. далее шестую часть из серии статей о генерале Н.И. Евдокимове в настоящем сборнике [2].

2 Чеченский наиб Ума (Умма) Дуев принадлежал к зумоевскому тайпу.

3 В описываемое историческое время общеупотребительное название столицы имамата Шамиля — Ведень. Поэтому в данной статье используется это старинное название селения. Современное его название — Ведено.

при 1858 г. сосредоточил войска Чеченского отряда на трёх позициях [4, 6, 7]. Возле укр. Бердыкель, на правом берегу Аргуна, базировался главный отряд из $5\frac{3}{4}$ батальонов пехоты (1-й батальон Белостокского полка, 2-й и 3-й батальоны Виленского полка, 2-й батальон Навагинского полка и сводно-линейный стрелковый батальон, сформированный из 4 рот), дивизиона драгун Нижегородского полка, 11 сотен казаков (3 сотни 2-го Сунженского, 4 сотни Моздокского, 2 сотни Гребенского, 2 сотни Донского №44-го полков), 3 сотен горской милиции, при 10 пеших и 8 конных орудиях. В кр. Воздвиженской был дислоцирован отряд, состоявший из 6 батальонов пехоты (3 батальона Куринского полка, батальон Белостокского полка, 1-й батальон Грузинского гренадерского полка, батальон Тенгинского полка), при 10 пеших орудиях, 3 сотен Донского №46-го полка и сотни горской милиции. На Мичике стоял Кумыкский отряд полк. Д.И. Святополк-Мирского в составе 5 батальонов пехоты (1-й батальон Белёвского, 1-й, 3-й, 4-й и сборный батальоны Кабардинского полка), 3 сотен казаков Донского №78-го полка, сотни горской милиции, при 6 орудиях [3], передислоцированный из Хасав-Юрта.

Согласно нашим подсчётам, общая численность русских войск, предназначенных для вторжения в горы Ичкерии и задействованных на охране тыловых коммуникаций, составляла примерно $21\frac{1}{2}$ батальона пехоты, до 28 сотен кавалерии и до 42 артиллерийских орудий разного предназначения.

Прорыв вглубь Ичкерии ген.-л. Н.И. Евдокимов задумал осуществить по ущелью р. Басс. Об этом, в частности, сообщал В.П. Авенариус [8], передавая разговор между главнокомандующим Кавказской армией кн. А.И. Барятинским и Н.И. Евдо-

кимовым. Переспрашивая Н.И. Евдокимова о выборе оптимального пути для движения Чеченского отряда к укреплённому аулу Ведень, А.И. Барятинский поинтересовался, не изменил ли командующий войсками Левого фланга своё мнение о предпочтительности движения к Веденю не кратчайшим путём по ущелью Хулхулау, а окружным путём по ущелью Басса. Мнение о целесообразности вторжения вглубь Ичкерии по ущелью Басса, через урочище Басын-Берды⁴ и аул Алистанджи (= Элистанжи), Н.И. Евдокимов аргументировал следующими доводами: если двигаться к Веденю прямым путём по Хулхулау, то придётся штурмовать почти неприступную кручу, что сопряжено с немалыми потерями личного состава; при движении по Бассу можно охватить столицу имамата с тыла, и, самое главное — сберечь жизни солдат и офицеров.

Ген.-л. Н.И. Евдокимов планировал занять ущелье Басса неожиданным и скоординированным продвижением войск Чеченского отряда с трёх направлений. В таком случае, жившие в горах между ущельями Басса и Аргуна чеченцы выводились из сферы влияния оккупировавших этот район тавлинских партий. Кроме того, в ходе реализации начальной части третьего этапа плана Н.И. Евдокимова, для облегчения выполнения задач Веденской экспедиции, предполагалось задействовать военно-транспортную инфраструктуру, созданную в январе – марте 1858 г. русскими войсками в ущельях Чанты- и Шаро-Аргуна.

Веденская экспедиция началась 21 декабря 1858 г. В этот день, за 2 часа до рассвета, из кр. Воздвиженской выступил обходной отряд во главе с командиром Тенгинского полка полк. А.А. Баженовым ($4\frac{1}{2}$ батальона Тенгинского, Белостокс-

кого и Куринского полков, при 6 горных орудиях, и горская милиция). Отряды А.А. Баженова предстояло выполнить тяжёлую задачу: через укр. Аргунское, разорённые аулы Дутин и Зазерган подняться на лесной перевал Чёрных гор, находившийся между истоками рек Шали-ахк (= Шела-ахк) и Булк⁵, а затем спуститься к ущелью Басса, выйти в тыл к аулу Агишты и угрожать аулам Тауэнь (= Тевзана, Киров-Юрт) и Элистанжи. Колонна полк. А.А. Баженова должна была проделать огромный путь по снежным горам и с лесного перевала прорубить просеку до самого левого берега Басса [6].

Одновременно с выступлением в поход колонны полк. А.А. Баженова, оставшиеся в кр. Воздвиженской войска, под начальством командира Куринского полка фл.-адъют. полк. М.И. Черткова, переправились на правый берег Аргуна и выдвинулись к Шалинской просеке. По замыслу командующего войсками Левого фланга, к колонне М.И. Черткова на этой просеке должны были присоединиться войска (2-й и 3-й батальоны Виленского полка, 2 роты 20-го стрелкового батальона, при 4 орудиях), направленные из-под Бердыкеля.

Колонна полк. М.И. Черткова, усиленная бердыкельским подкреплением, составила авангард главных сил Чеченского отряда. Авангардной колонне М.И. Черткова предписывалось выбить противника из урочища Басын-Берды, занять выгодную позицию и ожидать подхода главных сил Чеченского отряда под командованием ген.-м.

П.И. Кемферта. Вместе с колонной П.И. Кемферта в Басын-Берды должен был прибыть ген.-л. Н.И. Евдокимов. Отсюда войскам предстояло пробиться в места, никогда прежде не видевшие русского оружия.

К лесистым высотам Басын-Берды авангардная колонна полк. М.И. Черткова подошла 21 декабря в 11 часов дня. С лесных склонов и оврагов чеченцы и тавлинцы начали стрелять по войскам. Неизвестно, как долго продолжалась бы перестрелка с горцами, но она прекратилась, как только в тылу у защитников Бассовского ущелья внезапно обнаружилась обходная колонна полк. А.А. Баженова. Тавлинцы, получив известие о выходе колонны А.А. Баженова в тыл войска, оборонявшего теснину Басса, тут же устремились на правый берег реки и покинули все населённые пункты левобережья. Жившие на левом берегу Басса чеченцы тотчас явились к русскому командованию с изъявлением покорности. В тот же день вечером к ген.-л. Н.И. Евдокимову прибыли старшины одного горного участка, и, получив от него приказ, «...на другой же день показали пример переселения на указанные пункты плоскости Большой Чечни» [6, с. 1121]. Узкий проход в ущелье Басса был взят Чеченским отрядом без потерь (были ранены 2 солдата и казак, контужен полк. М.И. Чертков).

Решающую роль во взятии горных ворот, ведущих вовнутрь ущелья Басса, сыграла обходная колонна полк. А.А. Баженова. Маршрут колонны частично прошёл по дороге, проложенной войсками ген.-

4 То же, что Басын-Берд (название можно перевести как «Бассовский обрыв»). Урочище находится слева от места выхода р. Басс из ущелья Чёрных гор на плоскость Большой Чечни. По утверждению И.М. Попова [9, с. 16], некогда при входе в Бассовское ущелье существовал аул «Басын-берды».

5 Булк (= Булкх) — правый приток р. Вашингдары, которая впадает справа в Шаро-Аргун. На Вашингдаре, ниже устья Булка, находился аул Зазерган. По И.М. Попову [9], в Зазергане жили представители тайпа чермой.

л. Н.И. Евдокимова зимой и весной 1858 г. на вершину хребта Даргендук. На всём пути следования колонна А.А. Баженова не встретила неприятеля (сильный гарнизон находился только в укреплениях на Даргендуке). Без единого выстрела колонна преодолела ущелья Шаро-Аргуна и Вашиндары, и через аул Зазерган вышла к хутору Хочарой⁶.

Вблизи Хочароя произошло знаковое для Чечни историческое событие. К полк. А.А. Баженову явился старшина окрестных аулов, знаменитый шамилевский наиб Дуба⁷, многолетний и непримиримый противник России. Наиб Дуба изъявил покорность и предложил выдать аманатов. Приняв покорность жителей чеченских аулов, А.А. Баженов выдвинул горцам требование о переселении на плоскость. В условленный срок чеченцы пообещали переселиться [6].

В дни прорыва в ущелье Басса главных сил Чеченского отряда не бездействовал и Кумыкский отряд полк. Д.И. Святополк-Мирского (1-й батальон Белёвского полка, 3½ батальона Кабардинского полка, 2 сотни Донского №78-го полка, 4 сотни Донского №70-го полка, 2 сотни Кизлярского линейного казачьего полка, при 4 пеших и 4 конных орудиях), стоявший на Мичике. Отряд успешно решал поставленную задачу: постоянно угрожать войску имама Шамиля своими движениями в Ичкерия. Так, получив 21 декабря подкрепление из Дагестана (2-й батальон Белостокского полка, при 4 горных орудиях), отряд Д.И. Святополк-Мирского совершил рекогносцировку по р. Гансол (до аула Бачи-Юрт). На следующий день, отряд провёл рекогносцировку к аулу Али-Султан-Кале. Кроме того, войска Кумыкского отряда совершали движения вниз и вверх по течению Мичика и Гумса, участвовали в боях с горцами, занимались рубкой леса в ле-

вобережье Гумса и исправили мост через Мичик [5, 6].

Войска Чеченского отряда, вступившего в ущелье Басса, незамедлительно приступили к рубке леса по левому берегу реки. Желая воспрепятствовать рубке леса и не допустить перехода русских войск на правый берег Басса, сильная партия тавлинцев (в несколько значков), с правого берега, завязала перестрелку с передовой цепью, прикрывавшей рубщиков леса. По приказу ген.-л. Н.И. Евдокимова, командующий кавалерией Чеченского отряда полк. К.Х. Тромповский с 4 сотнями казаков Моздокского полка, горской милицией и 2 орудиями конно-резервной казачьей батареи, атаковал неприятеля. Предводимые начальником Чеченского округа полк. П.Г. Белликом горские милиционеры, при поддержке моздокских казаков, бросились на противника и быстро вытеснили его в лес. Благодаря удачной стрельбе конно-казачьих орудий вырубка леса на левом берегу Басса не прекращалась в течение всего дня [6].

Важное событие произошло 24 декабря 1858 г.: в главный Чеченский отряд прибыли войска, работавшие в Галашевском и Аккинском обществах. Прибывшее подкрепление разделилось: 3-й батальон Ряжского полка, при 2 горных орудиях, сотня Горского казачьего полка и взвод сапёр направилась в кр. Воздвиженскую и далее к главным силам Чеченского отряда в Басын-Берды, а 2-й батальон лейб-гренадерского Эриванского полка проследовал к хутору Хочарой и влился в состав обходной колонны полк. А.А. Баженова [6, 7].

В период с 24 по 26 декабря 1858 г. часть войск Чеченского отряда занималась рубкой леса и устройством колёсного сообщения между позицией главных сил в Басын-Берды и Воздвиженской, служившей

важнейшим складочным пунктом и местом сдачи больных и раненых. Причём, 25 декабря войска (в составе батальона Белостокского полка, при 2 лёгких орудиях, и части горской милиции под начальством полк. П.Г. Беллика) прикрывали работы только что покорившихся чеченских горцев, возводивших первый на плоскости аул у Нового Атаги (= Новые Атаги) — пункта на юго-западной границе Большой Чечни, назначенного русским командованием для переселения горцев.

Полк. А.А. Баженов, переждав сильные туманы, не позволявшие обозреть местность и определить направление для прокладки просеки, распорядился о начале рубки леса. Вплоть до 29 декабря обходная колонна прорубала просеку, отбивая яростные атаки противника. Горцы строили завалы, перегораживавшие просеку, устраивали многочасовые перестрелки. Отчаянно бросались то на правую, то на левую передовые цепи, атаковали с фронта рабочую колонну. Но всё безуспешно: просека была доведена почти до аула Агишты. В стычках при рубке просеки колонна А.А. Баженова понесла следующие потери: нижние чины — убито 3 и ранено 53 чел.; офицеры — ранены 3 чел. [6].

Действовавшие в ущелье Басса главные силы Чеченского отряда, начиная с 22 декабря и почти до конца месяца, подвергались орудийным обстрелам противника. Между двумя берегами Басса то и дело разгорались артиллерийские

дуэли, в ходе которых русские орудия подавляли огонь горских орудий.

В конце декабря 1858 г. войска Чеченского отряда занимались подготовительными работами, предшествовавшими наступлению вглубь ущелья Басса. В частности, 29 и 30 декабря у Басын-Берды устраивалась засека для вагенбург⁸, уничтожались брошенные жителями горные аулы, а семейства замирившихся чеченцев сопровождалась к новым местам жительства на плоскости. Благодаря привлечению к работам дополнительной войсковой колонны, 30 декабря 1858 г. новая колёсная дорога из Воздвиженской к лагерю главных сил Чеченского отряда у Басын-Берды была введена в строй [6].

Поскольку все условия для дальнейшего продвижения Чеченского отряда вглубь ущелья Басса были выполнены, ген.-л. Н.И. Евдокимов решил действовать. Согласно его плану, основные силы Чеченского отряда, продвигаясь вверх по Бассу, должны были овладеть лесной частью ущелья и соединиться с обходной колонной полк. А.А. Баженова. Причём, обходной колонне предписывалось одновременно совершить встречное движение и выйти к аулу Агишты для того, чтобы облегчить наступление главных сил. На рассвете 31 декабря 1858 г. командующий войсками направил главные силы Чеченского отряда под начальством ген.-м. П.И. Кемферта вглубь ущелья Басса. В вагенбурге у Ба-

6 Название этого хутора вряд ли связано с созвучными этнонимами хъачарой или харачой (хорочой), поскольку данная местность не входила в зону расселения представителей указанных тайпов.

7 Согласно И.И. Ореусу [10, с. 137], в 1847 г. в сакле наиба Дубы русские нашли два серебряных знака, которые он получил за военные подвиги, с надписями: «Имам Шамиль этого храброго наиба награждает первоклассным орденом и молит Бога, да поможет он ему идти по истинному пути» и «Это герой искусный в войне и бросающийся на неприятеля, как лев». Потомки наиба Дубы (например, Ахмадовы) и поныне живут в Чечне.

8 Вагенбург — полевой опорный пункт, убежище для войск, созданное для отражения атак неприятеля из транспортных (обозных) повозок, смыкающихся в один ряд в виде четырёхугольника или круга. Защита вагенбургов нередко усиливалась окопами, засеками и другими искусственными сооружениями.

сын-Берды Н.И. Евдокимов оставил резерв (большая часть кавалерии, 8 рот пехоты, при 6 батарейных и 8 конных орудиях). Левая цепь Чеченского отряда (4-й батальон Куринского полка, 3-й батальон Виленского полка, 2 роты 20-го стрелкового батальона, при 2 горных орудиях) под командой полк. М.И. Черткова, переправилась на правый берег Басса и вышла в тыл неприятельского укрепления, возведённого по правилам полевой фортификации. Не желая попасть в окружение, горцы бежали из укрепления в дремучий лес, преследуемые 3 ротами пехоты с 2 орудиями. Горцы, занимавшие позиции на лесных высотах левого берега Басса, поспешно переправились на правобережье реки. Благодаря этому, главные силы П.И. Кемферта продвинулись в глубину ущелья Басса примерно на 4 версты, и остановились в лесу в 2 верстах от аула Агишты. К этому аулу в тоже время приблизилась обходная колонна А.А. Баженова. Оценив ситуацию, тавлинцы зажгли Агишты и отступили в аул Таузенъ. С уходом тавлинцев жители окрестных чеченских аулов стали возвращаться из леса, изъявляя покорность царской власти, и перевоза в прежние места жительства собственное имущество, спрятанное перед началом Веденской экспедиции [6].

Вхождение Чеченского отряда в пределы Ичкерии стимулировало такой же процесс массового перехода чеченского населения из-под власти дагестанского имама к русским, какой произошёл в июле-сентябре 1858 г. в аргунских горах Чечни. В знак принятия царской власти, ичкеринские горцы переселялись в подконтрольные русским войскам районы на плоскости Большой Чечни.

Вопрос о переселении чеченских горцев, признавших подданство русского царя, под защиту войск Че-

ченского отряда на плоскость Большой Чечни, по-разному оценивается современниками тех событий и некоторыми теперешними национальными историками. Последние стараются привнести в вопрос о переселении горцев на плоскость Чечни негативный (и даже трагический) оттенок, и ретушируют исторические свидетельства современников на свой лад, подправляя их под собственные идеологические конструкции.

Так, современные грозненские авторы [11, с. 88], сообщая о переселении более 800 чеченских семейств с гор на плоскость Большой Чечни (со ссылкой на воспоминания графа Д.А. Милютина), и пытаясь показать бесчеловечность действий русского военного командования, высказывают собственное эмоциональное умозаключение: «...можно себе представить, какие страдания должны были вынести женщины и дети, выселяемые на далекое расстояние, в чистое поле, в лютую зимнюю стужу...»⁹.

О том же историческом событии, но без надуманной и тенденциозной интерпретации, в 1859 г. писал И.И. Ореус: «По мере отступления Кази-Магомы с Тавлинцами, Чеченское население изъявляло свою покорность, высылало депутатов и заложников, и соглашалось на выселение из гор на плоскость. Таким образом, более 800 чеченских семейств переселено из суровых гор в привольную плоскость, где они, временно, были размещены у своих мирных соплеменников» [13, с. 547]. Ген.-л. Н.И. Евдокимов по этому поводу сообщал следующее: «Переселение покоряющихся жителей из гор на плоскость продолжается; по настоящее время выведено уже свыше 800 сем., располагающихся частью на местах, указываемых им для прочного водворения аулов, частью же, до наступления

тепла, по мирным аулам у знакомых и родственников» [6, с. 1123]. Как видно, русское командование не бросило чеченских горцев — новых подданных царя, согласившихся переселиться на плоскость — на произвол судьбы: в чистое поле, в лютую зимнюю стужу. Напротив, в исторической перспективе, переселенческая деятельность русского командования имела для чеченцев положительное значение, так как ускорила процесс заселения ими благодатной, плодородной плоскости, на которой посредством заключения многочисленных межтайповых браков¹⁰ не только укреплялась этническая консолидация чеченского народа, но и постепенно вырабатывался общелитературный язык.

После оставления Агишты, в ближайшем к нему ауле Таузень обосновался наиб Даниэль-бек со своей партией. Лазутчики сообщали, что имам Шамиль переехал в аул Элистанжи и занялся укреплением завалов, сооружённых на дороге в Ведень. Ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал Кумыкскому отряду полк. Д.И. Святополк-Мирского 1 января 1859 г. направиться с позиции на Мичике в ущелье Басса для соединения с Чеченским отрядом [5, 6]. При движении к Бассу, на переправе через Гельдигенскую оросительную канаву, Кумыкский отряд попал под орудийный огонь неприятеля.

Благодаря умелым действиям кавалерии и меткой стрельбе конно-резервной казачьей батарее, под начальством командира Гребенского полка подп. В.А. Петрова, противник незамедлительно ретировался. В ущелье Басса Кумыкский отряд вступил 3 января, где соединился с главными силами. За всё время нахождения в Большой Чечне в Кумыкском отряде погибших не было (ранено 2 рядовых).

Начиная с 2 января 1859 г., войска Чеченского отряда занялись очисткой ущелья Басса от векового, дремучего леса, закрывавшего непроходимой завесой всё пространство от урочища Басын-Берды до аула Агишты. Понимая стратегическое значение пути, проходившего по ущелью Басса, для прорыва русских войск не только в различные нагорные общества Чечни, но и к аулу Ведень, имам Шамиль ещё весной 1857 г. лично выбрал место для создания оборонительных сооружений. Несколько рядов бревенчатых завалов, проложенных с почти отвесных уступов высот, поросших дремучим лесом, пересекли ущелье Басса до русла по обеим сторонам реки. Теперь же, когда русские войска проникли в ущелье Басса, имам Шамиль укрепил оборону этих завалов несколькими сомкнутыми редутами и перегородил русло толстой бревенчатой стеной. На подходах

9 Данное умозаключение не соответствует исторической действительности. Слов нет, любое переселение (даже в наше время, например, переезд из одной квартиры в другую) создаёт немало проблем для людей. Тем более, зимнее переселение с гор на плоскость. Однако расстояние от ущелья Басса до плоскости (например, до аула Новые Атаги) никак нельзя назвать дальним. Предгорная плоскость Чечни в 1858–1859 гг. не была чистым полем, как думают вышеупомянутые грозненские авторы. На плоскость Чечни в середине XIX в. уже не сбегались зайцы и олени (как это было, по преданию, в XVII в.), чтобы «...взглянуть на никогда не виданного ими человека» [12, с. 369]. Современники не пишут и о том, что зимой 1858–1859 гг. в Чечне стояли лютые сибирские морозы. Напротив, в горах днём фиксировались положительные, а по ночам — небольшие отрицательные температуры воздуха. Чередовались пасмурные и солнечные дни, метели и дожди, а на дороге была то гололедица, то непролазная, липкая грязь. Переселяя с гор на привольную плоскость чеченцев, знавших подданство России, ген.-л. Н.И. Евдокимов предоставлял им войска для защиты от возмездия со стороны тайлинских партий.

10 Живя в горах, чеченцы брали себе жён преимущественно из соседних тайпов, и, таким образом, формировалось тухумное родство. С переселением на плоскость появилась возможность заключения браков между представителями самых разных тайпов, населявших в горах далеко удалённые друг от друга районы.

к аулу Таузенъ ускоренно возводились новые укрепления. Готовясь к решительным боям с русскими войсками, имам Шамиль мобилизовал горцев даже из самых отдалённых местностей и довёл численность своего войска до 12 тыс. чел. Большая часть войска имама располагалась на позициях в ущелье Басса. Пространство между Бассом и Хулхула заняли партии наибов Казимагомы и Даниэль-бека общей численностью до 4 тыс. бойцов [5].

Очищение от леса занятой русскими войсками части ущелья Басса завершилось 14 января 1859 г. Скаты гор, прилегавшие к ущелью, были также обезлесены. Войска проложили в ущелье дорогу, по которой открылось беспрепятственное движение. Ничто теперь не мешало ген.-л. Н.И. Евдокимову атаковать укрепленную неприятельскую позицию у Таузена. Однако командующий войсками понимал, что лобовая атака позиций неприятеля с фронта могла привести к значительным потерям в войсках, и не обещать успех.

Ещё А.Л. Зиссерман [14, с. 245–246], имея в виду Н.И. Евдокимова, писал: «Где нужна была работа, для скорейшего достижения цели, он не щадил сил солдата и не редко напирал их до крайних пределов, но за то редко кто так щадил кровь войска, редко кто так поражал неприятеля с незначительными потерями с своей стороны». Слова А.Л. Зиссермана нашли подтверждение как при штурме войсками ген.-л. Н.И. Евдокимова Аргунского ущелья и занятии Чанты-Аргунского ущелья, так и во время Веденской экспедиции.

Согласно приказу ген.-л. Н.И. Евдокимова [5], обходная колонна полк. А.А. Баженова (1-й батальон и 2-я стрелковая рота Тенгинского полка, 2-й батальон Куринского, 3-й батальон и 3-я рота 1-го батальона лейб-гренадерского Эриванского

полка, 1-й батальон Грузинского гренадерского полка, 2-й батальон Белостокского полка, 2 сотни Гребенского казачьего полка, при 6 орудиях) в полночь с 14 на 15 января 1859 г. снялась с позиции у аула Агишты и по прорубленной просеке вернулась на хутор Хочарой. Двигаясь дальше через снежные горы, колонна А.А. Баженова должна была обойти укрепленную позицию неприятеля у аула Таузенъ с тыла. Главные силы Чеченского отряда под начальством ген.-м. П.И. Кемферта (1-й и 2-й батальоны Рязского полка, 2 батальона Белостокского полка, 3-й батальон Виленского полка, 5-й батальон Куринского полка, 3-й батальон Кабардинского полка, 2 стрелковые роты Кавказских линейных №9-го и 10-го батальонов, 2 роты 20-го стрелкового батальона, при 8 орудиях), оставив на позиции у Агишты 2 батальона пехоты, направились по житейской тропе вверх по левобережной стороне Басса. Главную колонну П.И. Кемферта спереди, справа и слева прикрывали передовые охранные цепи. По левому берегу двигалась правая цепь полк. Д.С. Наумова (1-й батальон Навагинского полка, 1-й батальон Белёвского полка, 2 роты лейб-гренадерского Эриванского полка, при 2 горных орудиях), а по правому берегу реки двигалась левая цепь полк. М.И. Черткова (3-й батальон Рязского полка, 1-й батальон Куринского полка). Кроме того, для обхода самого аула Таузенъ была сформирована специальная левая колонна под командой полк. Э.Б. Иверсена (2 батальона Кабардинского полка, при 2 горных орудиях), которая следовала по лесному хребту правого берега Басса. Передняя цепь главной колонны П.И. Кемферта, пройдя 2½ версты от аула Агишты, была встречена выстрелами из-за завалов. Имея приказ Н.И. Евдокимова не атаковать неприятельские зава-

лы до появления обходной колонны А.А. Баженова, П.И. Кемферт остановил движение войск. Ожидая прибытия обходной колонны, П.И. Кемферт приказал открыть огонь по лесным завалам из 4 горных орудий. Почти 2 часа длилась и перестрелка вдоль всей линии завалов и в левой цепи. Наконец, противник засуетился по всей линии боевого соприкосновения, обнаруживая явные признаки волнения. Тогда П.И. Кемферт двинул 4 стрелковые роты на штурм завалов. Горцы сделали залп из ружей, после чего покинули 4 первых завала и заняли оборону в 2 последних, почти неприступных по местоположению, завалах. Тем временем, правая цепь Д.С. Наумова, заняв 2 завала по пути своего движения, устремилась к неприятельскому редуту, стоявшему на господствующей высоте. С редута, захваченного 1-м батальоном Навагинского полка, открылись линии других завалов, возведённых на горном склоне левого берега Басса. Примерно в то же время левая цепь Э.Б. Иверсена, двигавшаяся по хребту на правой стороне Басса, вышла к глубокому рву, за которым располагались завалы. Встретив труднопреодолимое препятствие, стрелки остановились. Однако в это время противник, атакованный 2 ротами 1-го батальона Рязжского полка, бросился бежать из укрепления, преграждавших ущелье на левой стороне Басса. Для поддержки атаки рязжских рот, П.И. Кемферт направил 3-й батальон Рязжского полка, шедший по правой стороне реки. Горцы бросили завалы, обойдённые русскими войсками с двух сторон, и бежали через лес в аулы Хатуни

и Таузень. Преследуя неприятеля, П.И. Кемферт занял аул Таузень. В этот момент на вершине горы показалась обходная колонна А.А. Баженова, преодолевшая горы, покрытые глубоким снегом. Неожиданное появление этой колонны в тылу противника оказало на него сильное моральное воздействие [5]. Вместе с тем, во многом благодаря умелому руководству боевыми действиями П.И. Кемферта, при прорыве неприятельской обороны на Бассе и взятии аула Таузень, главные силы Чеченского отряда избежали безвозвратных потерь (всего несколько военных было контужено и погибло несколько лошадей)¹¹.

Как сообщает Гаджи-Али [15], горское войско отступило из Таузень в аул Элистанжи, перед которым, по приказу имама Шамиля, возводились завалы. Взятие Таузень — важного стратегического пункта, расположенного в узле дорог на аул Ведень (всего 12–14 вёрст), в Андию, Чеберлой и Шатой — имело большое военно-политическое значение. После падения Таузень, оборонительные сооружения имама Шамиля на Даргендуке, стоившие горцам значительных трудовых усилий и имевшие сильный гарнизон, потеряли всякое военное значение. Касаясь политического значения военной победы, одержанной в ущелье Басса, ген.-л. Н.И. Евдокимов писал: «Напрасно также уверяет Шамиль Чеченцев, что он отступил для того, чтобы заманить русских в глубину Ичкерии, где ожидает их совершенная гибель; никто уже ему не верит с тем безотчетным ослеплением, с каким слушали его доселе» [5, с. 1124].

11 Гаджи-Али, приближенный имама Шамиля, неопределённо пишет о потерях русских войск при их движении к аулу Таузень: «В лесу произошла большая перестрелка, от которой русские много потерпели» [15, с. 57]. О том, что взятие Таузень русскими войсками произошло почти без выстрела и «... без всякого урона с нашей стороны...», сообщается в газете «Кавказ» [7, с. 44].

Войдя в Таузень, ген.-л. Н.И. Евдокимов не сделал и шага вперёд до тех пор, пока не обезопасил только что отвоеванное пространство. Войска Чеченского отряда занялись рутинной работой: расчисткой территории от леса и устройством колёсной дороги. В результате усердной работы, к 26 января 1858 г. между вагенбургом у Басын-Берды и Таузенем была расчищена широкая (до 600 саженьей) просека, по которой проведена колёсная дорога. Кроме того, при ауле Таузень было построено временное промежуточное укрепление — засека на пехотный батальон с 4 орудиями. За всё время работ противник лишь один раз совершил нападение: 18 января предпринял попытку прорваться с правой стороны Басса к вагенбургу. Однако оставленная Н.И. Евдокимовым в резерве кавалерия под командой полк. гр. И.Г. Ностица отбила вылазку горцев. Потеря в бою заключалась в 4 убитых и 3 раненых нижних чинах [16].

Оставив в укр. Таузень гарнизон, главные силы Чеченского отряда под командой ген.-м. П.И. Кемферта 27 января 1859 г. выдвинулись к неприятельскому аулу Элистанжи. По приказу имама Шамиля аул был сожжён [15], а горская партия отошла на правый берег Элистанжинского оврага (= р. Элистанжи). Русские войска расположились лагерем у сожжённого аула, и до 6 февраля рубили просеку (шириной до 500 саженьей) и строили колёсную дорогу в укр. Таузень. С плоскости Большой Чечни в новое укрепление завезли необходимое на первое время количество провианта, фуража и патронов [16].

По сведениям И.И. Ореуса [17], после занятия Элистанжи ген.-л. Н.И. Евдокимов предполагал дать войскам трёхдневный отдых. Однако в ночь с 5 на 6 февраля 1859 г. лазутчики сообщили генера-

лу о том, что на днях войско имама Шамиля (12 тыс. чел.) должно пополнить серьёзное подкрепление (6 тыс. чел.). Внезапное известие изменило планы Н.И. Евдокимова. Во-первых, состоявший при Н.И. Евдокимове переводчик и проводник майор милиции Бата Шамурзаев¹² высказал мнение о целесообразности безотлагательного выдвижения войск Чеченского отряда к Веденю с тем, чтобы подоспеть к этому аулу до появления неприятельского подкрепления. Майор Б. Шамурзаев предлагал ещё направить особый отряд в обход Веденя с юга, с таким расчётом, чтобы он прибыл в конечный пункт маршрута одновременно с подходом главных сил Чеченского отряда к резиденции имама с севера. Во-вторых, Н.И. Евдокимов и сам допускал, что маневр обходного отряда может заставить имама Шамиля сосредоточиться на защите аула Ведень и стратегической дороги в Андию, и потому ему придётся вывести горские партии с позиций, находившихся на прямой дороге из Элистанжи к Веденю, по которой предстояло следовать Чеченскому отряду.

Пересечённая глубокими и крутыми оврагами и покрытая дремучими лесами горная местность, лежащая на дороге от Элистанжи к Веденю, создавала для неприятеля на каждом шагу удобные места для обороны. Штурмовать позиции горцев в дремучих лесах и преодолевать с боями глубокие лесные овраги (Элистанжинский, Арджи-Ахк, Ахкичу) — дело чрезвычайно рискованное. Желая приблизиться к аулу Ведень без больших потерь и вынудить имама Шамиля убрать своё войско с прямого пути к ущелью Хулхулау, ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал колонне полк. А.А. Баженова (3-й батальон лейб-гренадерского Эриванского полка, 1-й батальон Грузинского гренадерского пол-

ка, 1-й батальон Белёвского, 2-й батальон Белостокского, 1-й батальон Тенгинского пехотных полков и 2-я стрелковая рота Тенгинского полка, при 6 горных орудиях, сотня 2-го Сунженского казачьего полка, горская милиция) вечером 6 февраля 1859 г. выступить к столице имамата дальним обходным путём через горы, покрытые глубоким снегом. Вытеснив партию ичкеринского наиба Идиля с правого берега Элистанжинского оврага, колонна А.А. Баженова свернула на юг, и в лунную ночь взобралась на горный водораздел между реками Элистанжи и Арджи-Ахк. Утром 7 февраля 2 передовых батальона с 4 орудиями вышли на вершину, возвышающуюся над аулом Ведень. Чуть позже войска А.А. Баженова вступили в аул Харачой, расположенный на прямой дороге из Чечни в Андию. По свидетельству Н.И. Евдокимова, жители Харачоя «... не только не сопротивлялись, но встретили наши войска с изъявлением живейшей радости» [16, с. 1128]. Вероятно, радужный приём жителей Харачоя, в котором русские войска раньше никогда не бывали, объясняется присутствием в колонне А.А. Баженова майора Баты Шамурзаева. В своём родовом ауле он имел много родственников, а в Ичкерии, Большой Чечне и Качкалыке был известен как отважный наиб.

Нестандартное решение об отправке обходной войсковой колонны в глубокий тыл противника полностью оправдалось: имам Шамиль, опасаясь атаки на Ведень и угрозы прервать сообщение с Андией, перевёл партию наиба Идиля и другие горские партии, засевшие в лесах и оврагах междуручья Элис-

танжи — Хулхулау, в окрестности своей столицы. Вместе с этим, для войск Чеченского отряда открылся прямой путь из Элистанжи к ущелью Хулхулау и Веденю.

Перед выступлением 7 февраля 1859 г. главных сил Чеченского отряда из Элистанжи к аулу Ведень горское войско дислоцировалось в следующих местах: имам Шамиль, его сын Кази-Магома и большая часть тавлинских наивов (с отрядом до 6 тыс. чел. пехоты и кавалерии, при 6 орудиях) располагались в укрепленном ауле Ведень; наиб Идиль с партией в 300 конных и пеших бойцов защищал правый берег Элистанжинского оврага, укрепленного завалами и орудийными батареями; чеченские наивы Осман и Талгик с партиями, усиленными тавлинцами, под общим командованием дагестанского наиба Даниэль-Султана, обороняли ущелье Хулхулау. Главные силы Чеченского отряда (19½ батальонов пехоты, при 14 горных орудиях и 2 пушечных мортирах, 8 сотен казаков и более 3 сотен горской милиции) ген.-л. Н.И. Евдокимов сконцентрировал на просеке между Таузенем и Элистанжи. Тыловые коммуникации оберегали войска, дислоцированные около укр. Шали (сюда были переведены летучий отряд полк. В.А. Петрова в составе 7 сотен казаков, при 4 конных орудиях, вагенбург, а также 4 батарейных и 2 лёгких орудия), Басын-Берды (отряд полк. И.Г. Ностица в составе батальона пехоты, при 2 лёгких орудиях, 2 дивизионов драгун, 6 сотен казаков, при 4 конных орудиях, и горской милиции), укр. Таузень (батальон пехоты, горская милиция) и аула Элистанжи (батальон пехоты, при 4

12 Бата Шамурзаев (Шамирз Бота) — бывший наиб имама Шамиля, перешедший на сторону русских. Представитель чеченского тайпа хорочой (из Бэйкиш-некье). По отзывам чеченских стариков, слышанным нами в 80-х гг. XX в., Шамирз Бота был храбрым, но властолюбивым человеком.

батареиных и 2 лёгких орудиях, горская милиция) [16].

Главы силы Чеченского отряда под начальством ген.-м. П.И. Кемферта состояли из трёх колонн [16]. Авангардной колонной (2½ батальона Кабардинского полка, 2-й батальон Белёвского полка, 3 роты 20-го стрелкового батальона, 2 роты сводно-линейного батальона, рота Кавказского сапёрного №2-го батальона, при 4 горных орудиях, и 3 сотни горской милиции) командовал полк. Д.И. Святополк-Мирский. Среднюю колонну (1-й, 2-й и 3-й батальоны Рязского полка, взвод полупудовых мортир, сотня 2-го Сунженского, сотня Гребенского и 2 сотни Кизлярского казачьих полков) возглавлял ген.-м. Н.С. Ганецкий. В арьергарде находилась колонна ген.-м. бар. А.А. Розена 3-го (1-й, 4-й и 5-й батальоны Куринского полка, при 2 горных орудиях, под командой полк. М.И. Черткова, и 2-й батальон Навагинского, 1-й батальон Белостокского и 3-й батальон Виленского полков, при 4 горных орудиях, сотня Моздокского казачьего полка, под командой полк. Д.С. Наумова). В арьергардной колонне находились выюки главных сил Чеченского отряда.

Авангардная колонна выступила с лагерной стоянки 7 февраля в 5 часов утра [16]. Вслед за ней, поочередно снимались подразделения, шедшие друг за другом по узкой (одноколейной) дороге в дремучем лесу. Неизведанная и дикая местность, по которой проходили войска, даже при полном отсутствии противника, чрезвычайно затрудняла движение. То и дело приходилось преодолевать бесконечные подъёмы и спуски, покрытые гололедицей или глубокой грязью. Всё это крайне утомляло людей и лошадей, и существенно замедляло движение. Колонны растянулись по всей линии десятивёрстной до-

роги между Элистанжи и Хулхулау, и сделались легко уязвимой мишенью для противника.

Согласно В.П. Авенариусу [8, с. 224], путь к укрепленному шамилевскому аулу Ведень через аул Элистанжи был чрезвычайно затруднительным и «...представлял для колесного передвижения тяжелых орудий и воинского обоза массу природных препятствий: по головолономным крутизнам через овраги и потоки приходилось строить мосты, чрез сплошную глушь вековых лесов прорубать просеки. В довершение всего и погода в течение января месяца стояла отчаянная: снежные метели сменялись оттепелью и проливными дождями, разведившими невылазную грязь».

К аулу Джантемир-юрт, располагавшемуся на правом берегу левого притока Хулхулау¹³, в 10 верстах от Элистанжи и 2 верстах от Веденя, авангардная колонна продвигалась 8 часов [16]. Арьергард прибыл на новую позицию только на следующий день (8 февраля) в 2 часа ночи. В виду приближения русских войск, неприятель попытался сжечь оставленный жителями Джантемир-юрт, но горская милиция, следовавшая в голове авангарда, спасла аул от пожара.

По прибытию 7 февраля в Джантемир-юрт, ген.-л. Н.И. Евдокимов в сопровождении кавалерии проехал верхом по Веденской поляне примерно версту в направлении резиденции имама Шамиля. Осмотрев укрепления Веденя, Н.И. Евдокимов под огнём неприятельской артиллерии вернулся в лагерь. Потеря Чеченского отряда за весь день 7 февраля заключалась в 1 убитом и 4 раненых нижних чинах и нескольких убитых и раненых лошадях [16].

Ночь с 7 на 8 февраля 1859 г. стала одной из самых тяжёлых в жизни Н.И. Евдокимова. Душевные

страдания, перенесённые генералом в эту тревожную и бессонную ночь, описаны в письме его бывшего соратника П.Г. Беллика к графине А.А. Евдокимовой¹⁴. Н.И. Евдокимов, не раз рисковавший своей жизнью и находившийся на волоске от смерти, страшно переживал от мысли о том, что он ничем не может помочь ни обходной колонне полк. А.А. Баженова, ни сильно растянувшимся по узкой дороге к Джантемир-юрту главным силам отряда, в случае, если на них нападут горцы. С наступлением сумерек, Н.И. Евдокимов послал в отряд А.А. Баженова, одного за другим, 6 милиционеров с записками о необходимости немедленного отступления¹⁵. Постоянно думая об опасной ситуации, генерал не находил места всю ночь: нервничал, курил трубку.

Переживания ген.-л. Н.И. Евдокимова, как ответственного командующего войсками, понятны и оправданны. Однако войско имама Шамиля не собиралось атаковать ни обходную колонну А.А. Баженова, ни главные силы Чеченского отряда. Основное внимание имам Шамиль сосредоточил не на атакующих действиях, а на усилении обороны своей резиденции. Возможно, что наступательные действия

18-тысячного горского войска скрывало недостаточное продовольственное обеспечение, обнаружившееся ещё в Элистанжи [15].

Части Чеченского отряда, приходившие на новую позицию у Джантемир-юрта, размещались в специально отведённых для них местах. Первая ночь для обессиленных солдат прошла под открытым небом. Вспоминая об этом, П.Г. Беллик писал: «Снег лежал глубокий, дров близко не было, а палатки находились далеко в обозе; а потому солдаты ложились прямо на снег и спали крепким сном» [17, с. 106]. Суровая походная жизнь влияла на рост числа простудных заболеваний: полевой лазарет отряда работал круглосуточно [8].

В период с 8 февраля по 18 марта 1859 г. войска Чеченского отряда проделали колоссальную подготовительную работу перед осадой укрепленного аула Ведень [18–20]. Обустроивался передовой лагерь у Джантемир-юрта, к которому прорубалась просека¹⁶ и вместо прежней вьючной дороги строилась новая колёсная дорога через Элистанжинский овраг, Арджи-Ахк и Ахкичу. Прокладке колёсной дороги сильно мешали неблагоприятные погодные условия.

13 Упомянутый левый приток Хулхулау называется Ахкичу (старинное русское название — Шумок; нижнее течение Ахкичу на царских картах подписывалось как Шаудан). Место, на котором в 1859 г. находился Джантемир-юрт, в настоящее время расположено в черте с. Ведено (чуть севернее от развалин русской крепости).

14 Извлечение из этого содержательного письма, написанного отставным генерал-майором П.Г. Белликом в г. Грозном 25 марта 1888 г., когда он был сильно больным, опубликовал И.И. Ореус [17].

15 В письме П.Г. Беллика содержится много интересных фактов. Оказывается, Б. Шамурзаев уговорил Н.И. Евдокимова не только срочно двигаться с главными силами к Ведено (и не делать ночлег на Арджи-Ахке), но и послать обходной отряд в тыл неприятеля. Б. Шамурзаев и Н.И. Евдокимов изъяснялись по-татарски (очевидно, по-кумыкски). Ночная температура воздуха в горах составляла -3° , а после 9 часов утра «...солнце грело, как весною, снег стал таять, и образовалась по дороге грязь глинистая, вязкая и глубокая...» [17, с. 106]. По П.Г. Беллику, вечером в Джантемир-юрте на войска, изурнённые марш-броском, обрушился сильнейший ураган.

16 Во время рубки просеки произошёл очередной трагический случай (подобный тому, который имел место 21 июля 1858 г. при рубке леса около аула Большие Варанды). Сотня Кизлярского полка во главе с есаулом Назаровым, сопровождавшая 9 февраля 1859 г. небольшую колонну из лагеря в Таузен, желая избежать слишком грязной дороги, самовольно свернула с дороги в лес и направилась по тропинке без соблюдения должных мер безопасности [14, 16]. Сотня попала в засаду: погибли есаул и 7 казаков, ещё 11 казаков было ранено. От полного поражения кизлярцев спасла вовремя прибывшая помощь: при первых выстрелах «...на выручку атакованных понеслись из лагеря Чеченская милиция и сотня казаков 2-го Сунженского полка...» [16, с. 1129].

Для того, чтобы обеспечить безопасность передового лагеря, ген.-л. Н.И. Евдокимов ещё 8 февраля направил штурмовую колонну ген.-м. П.И. Кемферта на водораздел лесного хребта¹⁷, простиравшегося вдоль правого берега правого притока Хулхулау. Партия наиба Даниэль-Султана, стрелявшая по лагерю с водораздельных высот, отступила в Ведень и аул Эрсеней [16].

Появление Чеченского отряда под Веденем изменило поведение чеченских наибов, некогда заклятых врагов русских. Так, наиб Талгик¹⁸, по сообщению ген.-л. Н.И. Евдокимова, «...взял на себя содействие в обеспечении части нашего пути сообщения между Шали и Таузенем» [18, с. 1131].

Узнав о том, что имам Шамиль принуждает чеченцев, живших в междуречье Басс — Гумс, переселяться выше в горы, ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал отряду полк. гр. И.Г. Ностица, строившему дорогу из укр. Шалинского к месту выхода Хулхулау на плоскость Большой Чечни, воспрепятствовать действиям имама [18]. Чеченцы не желали переселяться в горы, поэтому они не только не мешали прокладке дороги, но даже торопили русские войска с движением вперёд. Отряд И.Г. Ностица, пройдя вверх по ущелью Хулхулау, 25 февраля 1859 г. остановился вблизи аула Цудахар¹⁹. Заняв ключевые позиции, отряд стал прикрывать выселение чеченских горцев на плоскость. Н.И. Евдокимов об этом сообщал: «Народ толпами выходит и начинает выселяться на плоскость в новые аулы, по указанию начальника Чеченского округа полк. Белика» [18, с. 1131]. Явные перемены в настроении ичкеринцев были видны из сообщения, доставленного лазутчиками командующему войскам: чеченцы посылали к имаму Шамилю своих депутатов с прось-

бой оставить Ведень и удалиться в Дагестан.

Поскольку из Чеберлоевского общества в Ведень начали подвозить продовольствие и фураж, ген.-л. Н.И. Евдокимов ещё 23 февраля перерезал прямое сообщение с этим чеченским обществом (и одновременно с Андией) постройкой 2 редутов (каждый на роту пехоты и 1 горное орудие) [18].

Верные имаму Шамилю наибы Осман и Умалат 26 февраля напали на оставленный полк. И.Г. Ностицем у аула Сержень-юрт небольшой отряд под командой полк. В.А. Петрова (4 сотни казаков, при 2 конных орудиях, и 2 роты Виленского полка). Услышав канонаду, И.Г. Ностиц с дивизионом драгун и 2 сотнями казаков помог отряду В.А. Петрова отразить нападение [19].

Перед началом осады укрепленного аула Ведень, войска Чеченского отряда занимались инженерно-строительными работами и разведывательными деятельностью [19, 20]. Плохая погода (дождь, снег), установившаяся в последних числах февраля, помешала закончить прокладку колёсной дороги между Элистанжи и Джантемир-юртом. Более того, испорченная распутицей дорога стала почти не доступной для езды: по ней нельзя было доставлять в лагерь осадные орудия и снаряды, а подвоз продовольствия сделался затруднительным. По мере возможности, войска исправляли и достраивали дорогу.

Важное событие произошло 10 марта 1859 г. [20]. Под грохот орудий неприятеля, на правом берегу левого притока Хулхулау, в полуверсте ниже укрепленного аула Ведень²⁰, ген.-л. Н.И. Евдокимов заложил новое укрепление — будущую штаб-квартиру Куринского полка. Затем, 13 марта, генерал с 1½ батальонами пехоты произвёл разведку той части ущелья Хулхулау, которая нахо-

дилась ниже Веденской поляны. По заданию Н.И. Евдокимова, в ночь с 16 на 17 марта майор Кабардинского полка В.А. Гейман с 3 ротами пехоты осмотрел местность, прилегающую к передовому неприятельскому редуту, а также овраг левого притока Хулхулау, лежавший напротив Веденя. По заданию Н.И. Евдокимова, полк. А.А. Баженов с 2¹/₂ батальонами пехоты 17 марта заложил ре-

дут на левом берегу правого притока Хулхулау, в 450 саженях от неприятельского редута. Наконец, в ночь с 17 на 18 марта 1859 г. колонна полк. М.И. Черткова (3³/₄ батальона пехоты) блокировала аул Ведень с запада и стала вести траншею к Старому Веденю. В совокупности, все эти действия позволили Н.И. Евдокимову 18 марта 1859 г. приступить к осаде столицы имамата Шамиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Казбек Г.Н. Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834–1861 г. Очерк истории 79-го пехотного Куринского Его Императорского Высочества Великого князя Павла Александровича полка / под ред. И.С. Чернявского. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1885. 535 с.
 2. Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 6. События в Чечне и Галашевская экспедиция (сентябрь – декабрь 1858 г.). (поставить актуальные страницы этой статьи из текста в настоящего сборника)
 3. Рапорт начальника Кумыкского округа, фл.-адъют. полк. кн. Святополк-Мирского, к командующему войсками Левого крыла Кавказской линии, ген.-л. Евдокимову, от 16 декабря 1858 года, № 19 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1119–1120.
 4. Журнал военных действий на Левом крыле Кавказской линии, с 28 ноября по 18 декабря 1858 г., представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 19 декабря 1858 года, № 596 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1120.
 5. Журнал военных действий Чеченского отряда с 1 по 15 января 1859 г., представленный командующим войсками Левого крыла Кавказской линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 20 января 1859 года, № 43 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1123–1124.
 6. Журнал военных действий Чеченского отряда с 21 декабря 1858 года по 1 января 1859 г., представленный командующим войсками Левого крыла Кавказской линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 4 января 1859 года, № 12 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления гене-
-
- 17 В русской военной литературе хребет этот обозначается как Декендук. Максимальные точки хребта имеют высоту более 800 м н. у. м.
 - 18 Широко известный в Чечне наиб Талгик (= Тэлхиг) — представитель ичкеринского тайпа куршлой.
 - 19 Согласно И.М. Попову [9], аул получил своё название от цудахарцев (даргинцев), переселившихся из Дагестана из-за нехватки земли. С приближением русских войск к столице имама Шамиля большая часть цудахарцев вернулась на родину, а аул Цудахар заселили представители хороочевского тайпа. В настоящее время аул Цудахар называется Ца-Ведено (= Цен-Ведана, или Ахи-чун-юрт). Потомки цудахарцев, оставшихся жить в Чечне, образовали в составе чеченского народа тайп цадахарой.
 - 20 Укреплённую резиденцию имама Шамиля называли ещё Новым Веденем, в отличие от прежней резиденции, находившейся на левом берегу Ахичу и называвшейся Старым Веденем (= Заумахан-Веденем).

- рал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1121–1123.
7. Зимние действия войск левого крыла Кавказской линии в Большой и Малой Чечне // Кавказ. 1859. № 9. С. 43–44.
 8. Авенариус В.П. Орел Чечни и Дагестана // Задушевное слово. 1917. № 14. С. 222–224.
 9. Попов И.М. Ичкерия (Историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. IV. Тифлис: В Типографии Главного управления Наместника Кавказского, 1870. С. 1–23.
 10. Шамиль и Чечня // Военный сборник. 1859. Т. IX. № 4. Отд. II. С. 121–164²¹.
 11. Гапуров Ш.А., Сугаипова А.М., Товсултанов Р.А. Генерал Евдокимов и окончание Кавказской войны в Чечне // Известия Чеченского государственного университета. 2016. № 1. С. 82–91.
 12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. Кавказ. Санктпетербург: Печатано в типографии Департамента уделов, 1871. 640 с.
 13. Ведень // Военный сборник. 1859. Т. VI. № 4. Отд. II. С. 542–558.
 14. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. III. С.-Петербург: Типография В. Грацианского, 1881. 538 с.
 15. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала: Дагнигоиздат, 1990. 78 с.
 16. Журнал занятий и действий войск Чеченского отряда с 15 января по 10 февраля 1859 года, представленный командующим войсками Левого крыла Кавказской линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 12-го февраля 1859 года, № 19 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1127–1129.
 17. Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов, 1804–1873 // Русская старина. 1889. Т. LXIII. № 7. С. 81–109.
 18. Журнал военных действий и занятий войск Чеченского отряда с 10 по 26 февраля 1859 года, представленный командующим войсками Левого крыла Кавказской линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 8 марта 1859 года, № 56 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1131.
 19. Журнал занятий и военных действий войск Левого Крыла Кавказской Линии с 26 февраля по 8 марта 1859 года, составленный командующим этими войсками ген.-л. Евдокимовым // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1131–1132.
 20. Журнал военных действий и занятий войск Левого крыла Кавказской линии с 8 по 20 марта 1859 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 20 марта 1859 года, № 85 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 12. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. Тифлис, 1904. С. 1134–1135.

21 Нами установлено, что автором статей «Шамиль и Чечня» и «Ведень» является И.И. Ореус.

Н.М. ЕРЁМИН

(г. Губкин, РФ)

КАВКАЗСКИЕ КАЛЕНДАРИ

Книжные фолианты с таким названием издавались с 1846 по 1917 г. (всего 57 выпусков) Главным управлением Наместника Кавказского края и печатались типографией этого же ведомства. Автору довелось изучить отдельные экземпляры данного издания, которые хранились в отделе редких книжных изданий Чечено-Ингушского Государственного объединённого музея в начале 90-х годов XX века. Целью нашего научного интереса была история терского казачества.

Внешне прекрасно оформленные, в твёрдом переплёте, календари содержали в первую очередь значимые даты в истории Кавказского наместничества, необходимые сведения о народонаселении данного региона, статистические данные о Терском и Кубанском войсках, список станиц и хуторов с их названием, указателем расстояния от Тифлиса до пункта назначения, географическими координатами широта и долгота, высота над уровнем моря, указывалось количество дворов, численность населения (отдельно мужского и женского), приводилась дата «устройства» на данном месте, что нередко не совпадала с датой первого упоминания о данной станице в исторических документах. Имелись данные об общественных строениях. Так в «Кавказском календаре» за 1867 год сообщалось, что в станице Червлённой были здания бригадного, полкового и станичного управления, военно-судебной комиссии, полковой лазарет, школа, аптека, полковая и сотенная канцеля-

рия, гауптвахта, почтовая станция и хлебный магазин [1]. Приводились сведения о том, что в Терском казачьем войске казаков-мужчин 57606 человек, а всего населения в станицах на то время было 115520 жителей [2].

Календарь указывает, что в Терском войске на данный 1867 год 77 станиц, 102 хутора, а также причисленные к войску 415 кибиток калмыков [3]. В военном отношении казаки состоят на службе в Горско-Моздокском, Гребенском, Кизлярском, 1 и 2 Владикавказских, 1 и 2 Сунженских полках. «Служба обязывает казака, по достижению им известного возраста, быть внесённым сперва в разряд малолеток, потом в комплект строевых частей, далее выйти на льготу и только по мере надобности нести кордонную службу или перейти в отставные, не могущие служить по неспособности» [4].

С критической иронией описана повседневная жизнь казачества: «У гребенцов, например, весь дом и всё хозяйство держится, по преимуществу, трудами и заботами хозяйки. Постоянный мужской, тяжёлый труд сообщил гребенской женщине своего рода мужественность, которая проявляется не только в развитии физической силы, но и в здравом смысле, в решимости и стойкости характера. Самостоятельность во всех заботах по хозяйству, переданных ей вполне на руки, сделали то, что гребенские казачки (по замечанию людей наблюдательных) и сильнее, и умнее, и развитие, и красивее каза-

ков, являющихся со службы на побывку дома большею частью для гульбы и отдыха. Впрочем, тип гребенской казачки в последнее время стал значительно вырождаться» [5].

«Кавказские календари» также являлись и путеводителями для путешественников и следующих по казённой надобности военных лиц, а также чиновников. Лица, желавшие следовать в почтовых экипажах, могли оплатить за кареты с двумя местами внутри и одним на козлах и разные другие экипажи.

В календаре был перечень пронумерованных маршрутов (более двухсот) следования от таких значимых городов как Тифлис, Владикавказ, Ставрополь, Баку, Екатеринодар с обязательным указанием расстояния от начала путешествия до прибытия в пункт назначения и рас-

стоянием между почтовыми станциями по пути следования. В качестве примера приведём маршрут №82 [6] от Владикавказа до Серебряковской пристани на Каспийском море, который следовал от столицы терских казаков Владикавказа через ингушское селение Базоркино, укрепление Назрань, станицы Слепцовскую, Самашкинскую, Алхан-Юртовскую в город Грозный, далее в станицы Петропавловскую, Николаевскую, где был паром, а затем по левому берегу Терека через станицы Червлённую, Щедринскую, Шелкозаводскую, почтовую станцию Щербаковская до станицы Дубовской и город Кизляр, а далее по прикаспийской низменности с остановками в Чунгульской, Горькореченской, Кольничьей, Тараканбуровской, Ямановской прибыть проделав путь в 610 вёрст к пристани Серебряковской, с которой по морю можно было добраться до Астрахани.

В Календаре за 1881 год высказывался и обосновывался проект строения железной дороги от станции Прохладной через левобережные станицы до Кизляря и пристани Брянской на Каспии. Тут же мы можем найти сведения о лечебных и иных заведениях в Терской области. Так войсковой больницей в бывшей крепости Шелкозаводской заведовал коллежский советник Ксавер Повлович Лисовский, а местное почтовое отделение возглавлял коллежский регистратор Евстафий Фёдоров. В самом поселении при бывшем укреплении Шелкозаводское проживало душ мужских 61 и женских — 70, а всего 131.

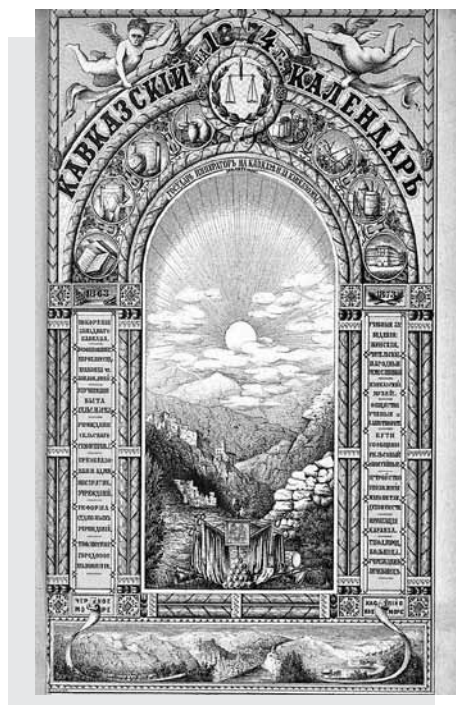
В Календаре на 1867 год дано описание местности в среднем течении реки Терек «...почти по всей линии от станицы Екатериноградской до Шелкозаводской берег Терека представляет сухую степь с весьма скудною бурьянистую рас-

тительностью, едва прокармливающей станичный скот. Только в дождливое лето удаются здесь хорошие урожаи пшеницы и проса, да в обилии рождаются арбузы и дыни. Пойменный берег Терека богат зеленью и вблизи станиц занят под сады и виноградники, а противоположный ему берег до того сух, что там нет ни деревца и на глиняных его скалах к концу лета трава совершенно выгорает» [7].

Обязательным считалось упоминание в Календарях библиографического указателя книг и статей, относящихся к истории Кавказского и Закавказского краёв, рассказы об истории войск и войн на Кавказе, печатались статьи по археологии и этнографии.

Для нас, современников «Кавказские календари» — богатейший источник сведений о минувшем времени, знание которого может позволить правильно оценить происходящие ныне события.

В заключение надо обязательно вспомнить имена тех людей, что сохранили для нас события и дела ушедших поколений. Редакторами «Кавказского календаря» были: К.А. Задолинский 1867–1868, Н.К. Зейдлиц 1869, П.Н. Ребровский 1870–1875, действительный

статский советник Шавров 1870–1881, Е.И. Кондратенко 1885–1904, Д.Д. Пагирев 1905–1907, В.В. Стратонов 1908–1909, А.А. Эльзингер 1912–1914 и Н.П. Стельмащук 1912–1916.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кавказский календарь на 1867 год, издан Главным управлением Наместника Кавказа. Типография управления Наместника Кавказского. Тифлис, 1866. С. 365.
2. Там же. С. 336.
3. Там же. С. 321.
4. Там же. С. 327.
5. Там же. С. 329.
6. Кавказский календарь на 1879 год. Издан ГУ Наместника Кавказа. Типография управления Наместника Кавказского. Тифлис, 1878. С. 72.
7. Кавказский календарь на 1867 год. Издан ГУ Наместника Кавказа в типографии управления Наместника Кавказского. Тифлис, 1866. С. 323.

Н.С. КОВАЛЕНКО

(г. Армавир, РФ)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ О СТАНИЧНЫХ АТАМАНАХ ПРЕДГОРНОЙ КУБАНИ

Анализ историографии демонстрирует, что в рамках регионоведческих исследований по дореволюционной истории предгорной Кубани никогда не предпринимались попытки создать генеалогический фонд руководителей местных администраций (станичных атаманов, волостных и аульных старшин). Такое положение вещей во многом связано с тем, что кубанская биографика как самостоятельный раздел соответствующей вспомогательной исторической дисциплины переживает затянувшуюся стадию становления. Вместе с тем изучение жизненных обстоятельств конкретных лиц, стоявших во главе станичных, сельских и аульных правлений, представляет интерес, в том числе, потому, что позволяет установить, насколько на практике реально соблюдались требования, предъявлявшиеся имперским законодательством к кандидатам на замещение выборных должностей. Не менее перспективным видится обращение к вопросу о наследовании социального статуса детьми лиц, наделявшихся властью, а также к горизонтальной генеалогии, и прежде всего к коммуникации представителей сельской элиты с людьми иной сословной и этнической принадлежности и простыми обывателями.

В настоящей работе мы хотели бы поделиться с коллегами собственным опытом составления генеалогической карточки наиболее известного атамана станицы Ярославской Майкопского отдела Ку-

банской области, вахмистра Матвея Андреевича Тисковского. Отдельные сюжеты, связанные с жизнью этого незаурядного человека, ранее освещались в публикациях, посвященных инфраструктуре вышеупомянутого поселения и взаимодействию коренных ярославцев с иногородними греческого происхождения [1]. По мере выявления новых материалов о Тисковском возрастала потребность в систематизации разрозненных биографических сведений. В конечном итоге, мы решили осуществить её, основываясь на схеме «персонального досье», предложенной в методическом пособии А.В. Краско и включающей 13 пунктов [2]. Некоторые из них (полученное образование, опубликованные труды и иконография) в связи с отсутствием в нашем распоряжении на сегодняшний день соответствующей информации пришлось опустить. Тем не менее, в результате обобщения первичных данных нам удалось получить содержательную анкету, дающую цельное представление о таких аспектах жизни М.А. Тисковского, как время рождения и смерти, имущественное положение, служебная карьера, деятельность в период нахождения во главе Ярославского станичного правления, семья и социальные связи. При этом мы стремились уйти от простого приведения биографических фактов и очертить те сюжеты, которые нуждаются в дальнейшем обстоятельном изучении.

МАТВЕЙ АНДРЕЕВИЧ ТИСКОВСКИЙ

1. Фамилия, имя, отчество: Тисковский Матвей Андреевич.

2. Дата и место рождения: родился около 1872 г. (при венчании в 1898 г. ему было 26 лет) в станице Ярославской Майкопского уезда Кубанской области [3]. Исходя из разницы в 1 год между зафиксированным в источниках возрастом Тисковского по состоянию на 27 февраля (25 лет) и 29 июля (26 лет) 1898 г. [4], нами был сделан вывод, что день его появления на свет должен был находиться в промежутке между двумя указанными датами. Далее, зная, что во второй половине XIX в. имена для новорождённых казаков, как правило, выбирались с помощью месяцеслова, мы решили уточнить, когда в пределах очерченного выше периода года Русская православная церковь вспоминала святых, носивших имя Матвей. Оказалось, что между 27 февраля и 29 июля это происходило только 30 июня в рамках празднования Собора двенадцати апостолов [5]. Отсюда последовало наше предположение, что крестины Матвея Андреевича, вероятнее всего, датировались именно данным числом. Что же касается его рождения, то оно, очевидно, должно было произойти несколько раньше, но непременно также в конце первого летнего месяца.

Несмотря на то, что метрическую запись о появлении на свет М.А. Тисковского нам пока не удалось обнаружить, можно считать бесспорным, что родителями будущего атамана являлись казак станицы Ярославской Андрей Михайлович Тисковский и его законная жена Ульяна (Иулиания) Авксентьевна. При этом важно отметить, что первоначально на предмет того, как звали мать Матвея Андреевича, у нас имелись сомнения. Мы вполне допускали, что в

начале 1870-х гг. Андрей Михайлович мог быть женат не на той же самой женщине, в браке с которой он проживал по состоянию на февраль 1881 г. После же обнаружения в метриках Сергиевской церкви станицы Нижне-Фарской за 1868 г. информации о рождении у Тисковских 2 апреля 1868 г. сына Георгия все наши сомнения оказались развеяны. В сочетании с более поздними сведениями данный источник однозначно подтвердил, что женой А.М. Тисковского, как минимум, в 1868–1881 гг. и, следовательно, матерью его сына Матвея была не кто иная, как Ульяна Авксентьевна [6].

3. Вероисповедание: православный.

4. Дата и место смерти, место захоронения: согласно воспоминаниям большевички А.Г. Ананьевской, опубликованным в 1957 г., был в числе «семи отъявленных контрреволюционеров», расстрелянных в станице Ярославской 27 февраля 1918 г. [7]. Впоследствии этим же днём гибель Матвея Андреевича датировал краевед Н.И. Харченко [8]. Другой советский мемуарист В.М. Бурлаев сообщал, что Тисковский и его сподручные «получили по заслугам» в феврале 1918 г., но конкретной даты их казни не называл [9]. Из более раннего источника, коим является приговор ярославского сбора от 17 марта 1919 г., который дословно приводится в работе А.Ю. Соколова, в свою очередь, следует, что смерть Тисковского наступила 25 февраля 1918 г. [10].

5. Сословная принадлежность: из казаков станицы Ярославской Майкопского отдела Кубанской области.

6. Наличие недвижимого имущества: по сведениям за 1909–1911 гг., владел в станице Ярославской 7 десятинами земли [11].

7. Место службы, чины, должности, награды. Профессиональные достижения.

В 1894 г. принял присягу и поступил для несения военной службы в 1-й Урупский конный полк. 27 февраля 1898 г. последовало его увольнение на льготу с чином вахмистра (в начале XX в. иногда ошибочно указывался урядником). Спустя месяц, 24 марта приказом по Майкопскому отделу был зачислен в 3-ю очередь (так в документе; в действительности же, по видимому, во 2-ю очередь) конного состава вышеуказанного подразделения [12]. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. был действительным членом Ярославского временного местного комитета Российского общества Красного креста [13]. Приказом по Кубанской области от 1 июня 1907 г. № 195 был утверждён атаманом станицы Ярославской [14]. В период его нахождения в этой должности, 26 августа 1907 г. в станичном правлении прошли торги на отдачу в трёхлетнюю аренду, начиная с 24 сентября 1907 г., школьного участка площадью 100 десятин [15]. В 1908 г. было открыто кредитное товарищество [16]. Тогда же получено разрешение на возведение в Ярославской новой каменной церкви, начато строительство двухэтажного кирпичного здания для двухклассного училища, установлены таксированные цены на печёный хлеб и мясную продукцию [17].

Приказом по Кубанской области от 16 июня 1909 г. № 362 была удовлетворена просьба Тисковского об увольнении с должности «по домашним обстоятельствам» [18]. Несмотря на очевидные достижения Матвея Андреевича, итоги его первого атаманства, судя по всему, были оценены частью местной интеллигенции негативно. Об этом может свидетельствовать то, что в преддверии выборов главы Ярославско-

го станичного правления, прошедших в 1909 г., в «Кубанских областных ведомостях» была помещена короткая анонимная заметка. Её автор призывал выборщиков проявлять осмотрительность и «не выбирать, как в 1906 г. только “молодого”, достоинства которого этим все и исчерпывались» [19]. Учитывая, что в 1906 г. атаманом рассматриваемой станицы был избран старший урядник Дмитрий Дмитриевич Храпов, которому на тот момент шёл 44 год [20], мы находим более вероятным то, что при наборе текста, присланного анонимом в редакцию главной кубанской газеты, произошла опечатка. В исходном варианте, на наш взгляд, содержалась отсылка к выборам 1907 г., завершившимися победой М.А. Тисковского, которому, как можно понять из примерной даты его рождения, определённой выше, в то время ещё не было 35 лет.

6 мая 1910 г. император Николай II пожаловал Матвею Андреевичу «за особые труды и заслуги, оказанные по Наместничеству Кавказскому» нагрудную серебряную медаль на Станиславской ленте [21]. Меценат. В 1910 г. за пожертвования на нужды учебных заведений станицы Ярославской удостоился благодарности директора народных училищ Кубанской области [22]. Слыл «известным станичным джигитом»; 18 апреля 1911 г., во время учебных манёвров ярославцев против сводных сил Костромской и Махосhevской станиц, командовал летучим конным отрядом [23]. 6 ноября того же года при активном содействии М.А. Тисковского в Ярославском двухклассном училище прошёл любительский спектакль, в результате которого было собрано 95 руб. 50 коп. в пользу местной школы для иногородних [24].

В соответствии с приказом по Кубанской области от 29 октября 1912 г. № 542, был снова утверждён

Рис. 1. Бывшее здание Ярославского двухклассного училища, возведённое в период первого атаманского срока М.А. Тисковского.

дён в должности станичного атамана [25]. За период вторичного пребывания у власти, по свидетельству современника, зарекомендовал себя как «деятельного, отзывчивого к нуждам населения и толкового» руководителя. Его усилиями в 1913–1915 г. были возведены новые помещения для женского училища и станичного правления, а также мост через реку Фарс, сделана пристройка к иногороднему училищу, проведена перепланировка базарной площади, завершена постройка новой Сергиевской церкви, заменён пожарный обоз [26] и т.д.

Повышенное внимание М.А. Тисковского к нуждам народного образования отчётливо видно из следующих фактов. Получив от Кубанского казачьего войска пособие в 2000 руб. на расширение и ремонт уже имевшегося здания Ярославского женского училища, он принял решение вложить эти средства в строительство для указанной школы нового, более просторного, помещения с 5 классными комнатами, а в старом устроить квартиры для учителей [27]. В своём стремлении обеспечить станичным детям воз-

можность получать начальные знания Матвей Андреевич не разделял их по признаку сословной принадлежности. В данной связи показателен рапорт заведующего Ярославским иногородним училищем В.И. Макушева на имя инспектора народных училищ IV района Кубанской области Д. Рудакова от 29 октября 1913 г., в котором говорилось: «Скоро заканчивается пристройка к уч-щу классной комнаты и коридора (через 1–2 недели). Часть ремонта сделана и остальной будет произведён как надо, так как и в этом уч-ще работы ведутся под руководством ст. атамана Тисковского. Делается всё в высшей степени экономно и целесообразно. Тисковский сумел привлечь иногородних к постройке: многое исполнено натурой. Вообще отношения стан. атамана к школам заслуживают существенного поощрения» [28].

Вместе с тем следует признать, что, несмотря на все усилия Матвея Андреевича, уровень грамотности жителей вверенного ему пункта, и в особенности женщин, в последние несколько лет перед революцией 1917 г. оставался крайне низким.

Для иллюстрации данного тезиса мы позволили себе процитировать далее фрагмент корреспонденции из Ярославской, которая была помещена в выпуске армавирской газеты «Отклики Кавказа» от 26 октября 1914 г.: «В нашей станице есть почтовое отделение. Почта приходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. В эти дни вокруг отделения или просто на улице собирается толпа в несколько десятков, а иногда и целая сотня женщин, ожидающих от призванных на войну мужей весточку. Теперь осень. Каждый день идут дожди. И вот женщины стоят час, а иногда и больше под дождём и слушают чтение писем. Читает письма сторож, такой грамотей, что пока прочтёт все письма — бедные женщины вымокнут и промёрзнут, стоя в грязи <...>» [29].

Со вступлением России в Первую мировую войну ярославцы под руководством М.А. Тисковского на волне всеобщего патриотического подъёма стали оказывать посильную помощь бойцам Русской армии. Сбор средств осуществлялся ими в основном посредством прямых пожертвований и в меньшей степени через благотворительные спектакли и вечера, устраивавшиеся представителями местной интеллигенции. Как и в других поселениях Кубанской области, при станичном правлении, возглавлявшемся Матвеем Андреевичем, функционировал попечительский совет. Результаты деятельности этого органа к 13 сентября 1915 г. были следующими: «<...> а) выдано в пособие семьям запасных 74 руб. 45 коп., из общественного леса выдано дров на каждую семью от трёх возов до половины сажени, вспахано и засеяно собранными семенами 50 десятин земли, на нужды войны от продажи флагов отослано 120 руб., от спектакля 30 р. в) изготовлено на пожертвованные деньги

100 пар белья и вещи отправлены в армию» [30].

23 октября 1915 г. на очередных атаманских выборах, проходивших под председательством участкового начальника Майкопского отдела З.М. Матыцына, М.А. Тисковский одержал уверенную победу над И. Кривцевым и, тем самым, оказался избранным на третье трёхлетие [31]. В мае 1916 г. в результате паводка были снесены строения на территории 8 частных подворий в прибрежной части станицы Ярославской [32]. Данное событие нельзя назвать уникальным, т.к. из доступных источников явствует, что разливы Фарса, Чохрака и других рек, протекавших по юрту рассматриваемого поселения, причиняли ущерб местным обывателям и в предшествующие годы. Вместе с тем в условиях затянувшегося вооружённого конфликта негативные последствия природных катаклизмов ощущались более остро, чем в мирное время. В известной степени это было связано с тем, что экономический кризис, проявившийся, в частности, в резком сокращении производства, лишал ярославцев доступа к материальным благам в виде промышленных изделий. Падение уровня жизни, хронологически совпавшее с третьим атаманским сроком Матвея Андреевича, в свою очередь, явилось одной из основных причин перманентного роста местной преступности. Апофеозом этого процесса можно считать похищение из кассы Ярославского станичного правления в середине августа 1916 г. 271 руб. 52 коп. наличными деньгами и различных документов на 3201 руб. 92 коп. [33].

В феврале 1917 г. М.А. Тисковский досрочно завершил исполнение своих должностных обязанностей, уступив место новому избранному атаману, коллежскому регистратору Семёну Васильевичу Шангирее-

Рис. 2. Бывшее здание Ярославского женского училища.

ву [34]. О занятиях Матвея Андреевича в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. на сегодняшний день никаких сведений нами не выявлено.

8. Место жительства: станица Ярославская Майкопского отдела Кубанской области.

9. Дата и место вступления в брак. Жена (брак 29 июля 1898 г. в Сергиевской церкви станицы Ярославской Майкопского отдела Кубанской области): Наталия Илларионовна **Шубина**, крестьянка сельца Павловка Пичерской волости Тамбовского уезда Тамбовской губернии, девица. Венчание провели священник Александр Широков, диакон Дмитрий Мишунин и исполняющий дела псаломщика Сергей Третьяков. Поручители со стороны жениха: нестроевой старшего разряда станицы Псебайской Фёдор Михайлович *Герасименко* и крестьянин села Губкина Малоархангельского уезда Орловской губернии Федул *Балалаев*; со стороны невесты: прапорщик Константин *Бек-Мурзаев* и урядник Григорий *Безушков* [35].

Родилась около 1869 г. (при венчании ей было 29 лет) [36].

Скончалась после 17 сентября 1925 г. Погребена...

Стала 18 февраля 1903 г. вместе с крестьянином Александром Федуловичем *Балалаевым* восприимницей дочери урядника Антонины Ивановны *Тисковской* [37]. До осени 1916 г. имела плантацию в юрте станицы Ярославской Майкопского отдела Кубанской области, пожар на которой принёс ей убытки на сумму 28590 руб. В совершении поджога, как сообщали «Кубанские ведомости», подозревался казак Георгий Мишин [38]. После революции 1917 г. и Гражданской войны сохранила прежнее место жительства. Показание, подписанное ею и Георгием *Баевым* 17 сентября 1925 г., прилагалось к заявлению Степана Гавриловича *Казакова* в Общество содействия жертвам интервенции [39].

Дети:

1) *Александр Матвеевич*. Родился 22 октября 1898 г. Выпускник 1919 г. Лабинской гимназии. Участник белого движения. Юнкер 2-й пластунской сотни Кубанского генерала Алексея военного училища. Награждён Георгиевским крестом

4 степени № 1240896. В эмиграции сначала проживал в болгарском городе Тырново. На 1925 г. был соотником в составе училища. Затем страной его проживания являлась Чехословакия, где он был студентом Братиславского университета. Умер в Братиславе 1 января 1927 г. [40].

2) *Сергей Матвеевич*. Родился 20 марта 1901 г., спустя 2 дня был крещён в Сергиевской церкви станицы Ярославской. Восприемники при крещении: урядник станицы Псебайской Василий Михайлович *Герасименко* и крестьянка, девица Мария Федуловна *Балалаева* [41]. Скончался... Погребён...

3) *Мария Матвеевна*. Родилась 11 августа 1903 г., спустя 2 дня была крещена в Сергиевской церкви станицы Ярославской. Восприемники при крещении: учитель Иван Васильевич *Кислов* и крестьянка, девица Анна Федуловна *Балалаева* [42]. Скончалась... Погребена...

4) *Михаил Матвеевич*. Родился 16 ноября 1905 г., спустя 5 дней был крещён в Сергиевской церкви станицы Ярославской. Восприемники при крещении: учитель Лука Васильевич *Сакунов* и крестьянка Мария Федуловна *Балалаева* [43]. По состоянию на начало 1930-х гг. проживал в станице Ярославской Лабинского района Майкопского округа Азово-Черноморского края. В 1931 г. как кулак был выслан на спецпоселение в Свердловскую область РСФСР. Во время нахождения в ссылке у него родились следующие дети: Александр (1936 г.р.), Валентина (1937 г.р.), Галина (1938 г.р.), Борис (1939 г.р.) и Валерий (1946 г.р.) [44]. Скончался... Погребён...

5) *Валентина Матвеевна*. Родилась 14 марта 1909 г., спустя 3 дня была крещена в Сергиевской церкви станицы Ярославской. Восприемники при крещении: купеческий сын Александр Алексеевич *Кучин*

и жена учителя Евдокия Ивановна *Бедная* [45]. Скончалась... Погребена...

6) *Константин Матвеевич*. Родился 10 января 1912 г., на следующий день был крещён в Сергиевской церкви станицы Ярославской. Восприемники при крещении: турецко-подданный Николай Константинович *Конкалидис* и жена учителя Евдокия Ивановна *Бедная* [46]. Скончался... Погребён...

10. Все выявленные сведения о данном человеке.

Интересным штрихом к характеристике личности М.А. Тисковского может служить, в частности, следующий случай. В первой половине августа 1913 г. в возглавлявшейся им станице Ярославской произошла массовая молодёжная потасовка, которую местные жители, как сообщали «Кубанские областные ведомости», окрестили «Полтавским боем». Матвей Андреевич, в свою очередь, вместо того, чтобы наказать участников драки, якобы настолько проникся их воинственностью, что предложил им магарыч [47].

Стал 16 августа 1908 г. вместе с женой фельдшера Агрипиной Георгиевны *Тарасовой* восприемником сына фельдфебеля Владимира Игнатьевича *Горкуна*. Стал 29 июля 1910 г. вместе с женой коллежского регистратора Лидией Алексеевны *Сакуновой* восприемником урядничего сына Александра Георгиевича *Тисковского*. Стал 5 сентября 1910 г. вместе с фельдшером Михаилом Федичкиным поручителем со стороны жениха при венчании мещанина города Майкопа Кубанской области Николая Ивановича *Сурина* и крестьянки села Кузнечиха Малоархангельского уезда Орловской губернии Марии Федуловны *Балалаевой*. Стал 28 октября 1914 г. вместе с женой учителя Евдоки-

ей Ивановной *Бедной* восприимчивом учительского сына Вениамина Александровича *Папанова* [48].

В заключение следует отметить, что изучение биографий вахмистра М.А. Тисковского и других представителей местной власти открывает новые горизонты для исторических исследований, позволяя проследить связь между судьбами конкретных людей и социальными процессами, протекавшими во второй половине XIX — начале XX в. на уровне страны и региона. Продолжение работы над генеалогической картотекой станичных атаманов, волостных и аульных старшин будет

содействовать детализации наших представлений о дореволюционном прошлом предгорной Кубани, и в частности о практике формирования местных управленческих кадров и их взаимодействии с народными массами. Со своей стороны мы также хотели бы выразить надежду, что настоящая статья не только стимулирует научный интерес к вышеперечисленным исследовательским проблемам, но и станет образцом при подготовке подобных публикаций по другим дореволюционным руководителям станицы Ярославской и всех остальных поселений Закубанья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, см.: Дударев С.Л., Коваленко Н.С., Ктиоров С.Н., Пелих А.Л. Контакты русскоязычного населения предгорной Кубани с греческими колонистами во второй половине XIX – начале XX в. (по данным метрических книг) // *Былые годы*. № 17 (2). Вашингтон, 2022. С. 729–739; Они же. Специфика населения станиц субрегионов Кубани: Черноморья, Старая Линия и Закубанье // *Былые годы*. № 18 (2). Вашингтон, 2023. С. 577–588; Коваленко Н.С. Здание двухклассного училища в станице Ярославской как источник по локальной истории и объект экскурсионного показа // *История и обществознание: научный и учебно-методический ежегодник*. № 20. Армавир, 2023. С. 135–146.
2. Краско А.В. Школа практической генеалогии: методическое пособие для начинающих генеалогическое исследование. СПб., 2013. С. 24.
3. Архивный отдел администрации муниципального образования Мостовский район (далее — АОАМР). Ф. Р–123. Оп. 1. Д. 102. Л. 307 об.
4. Там же; Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 7352. Л. 448–448 об.
5. Кавказский календарь на 1872 год. Тифлис, 1871. Паг. 1. С. 12–22.
6. АОАМР. Ф. Р–123. Оп. 1. Д. 97. Л. 7 об.; Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135. Оп. 26. Д. 1099. Л. 651 об.
7. Ананьевская А.Г. Навстречу 40-летию Великого Октября. Становление советской власти на Кубани // *Путь к коммунизму*. Ярославская, 1957. № 128. С. 2.
8. Харченко Н.И. От родового строя до наших дней (к 100-летию ст. Ярославской) // Там же. Ярославская, 1961. № 104. С. 4.
9. Бурлаев В.М. За советскую власть (воспоминания старого матроса) // Там же. Ярославская, 1957. № 132. С. 3.
10. Соколов А.Ю. Бело-зелёное движение на Кубани: вооружённое противостояние. 1918–1923 гг. Ставрополь, 2022. С. 22.
11. Сазонов В.С. Кубано-Черноморский землевладельческий сборник. Екатеринбург, 1910. С. 234.
12. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7352. Л. 448–448 об.
13. Кубанские областные ведомости (далее — КОВ). Екатеринбург, 1905. № 144. С. 3.
14. Там же. Екатеринбург, 1907. № 129. С. 1. В данном источнике М.А. Тисковский был по ошибке назван «Михаилом Писковским».
15. КОВ. Екатеринбург, 1907. № 168. С. 4.
16. Там же. Екатеринбург, 1908. № 73. С. 3; Список всех потребительных обществ России как действовавших, так и закрывшихся на 1 января 1912 года. С общим обзором положения потребительной кооперации в России. СПб., 1912. Паг. 2. С. 160.
17. КОВ. Екатеринбург, 1908. № 116. С. 2; Там же. № 202. С. 3; Ставропольские епархиальные ведомости (далее — СЕВ). Ставрополь, 1908. № 24. С. 761.
18. КОВ. Екатеринбург, 1909. № 134. С. 2.

19. Там же. № 144. С. 2.
20. Возраст предшественника М.А. Тисковского, старшего урядника Д.Д. Храпова по состоянию на 1906 г. был определён с помощью следующего источника: Национальный архив Республики Адыгея (далее — НАРА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 54. Л. 9 об.
21. Сенатские ведомости. СПб., 1910. № 65. С. 466.
22. КОВ. Екатеринодар, 1910. № 84. С. 1.
23. Там же. Екатеринодар, 1911. № 120. С. 2.
24. Майкопская газета. Майкоп, 1911. № 278. С. 3.
25. КОВ. Екатеринодар, 1912. № 242. С. 1.
26. Там же. Екатеринодар, 1913. № 115. С. 2; Там же. № 132. С. 2; Майкопская газета. Майкоп, 1913. № 69. С. 3; Там же. № 150. С. 3; Отклики Кавказа (далее — ОК). Армавир, 1915. № 241. С. 4; Там же. № 244. С. 4.
27. НАРА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 199. Л. 30 об.
28. Там же. Л. 27 об.
29. ОК. Армавир, 1914. № 239. С. 3.
30. СЕВ. Ставрополь, 1915. № 36. С. 1154.
31. ОК. Армавир, 1915. № 244. С. 4.
32. Кубанские ведомости (далее — КВ). Екатеринодар, 1916. № 108. С. 3.
33. Там же. № 178. С. 3.
34. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 1740. Л. 197, 198.
35. АОАМР. Ф. Р–123. Оп. 1. Д. 102. Л. 307 об., 308.
36. Там же. Л. 307 об.
37. Там же. Д. 106. Л. 18 об., 19.
38. КВ. Екатеринодар, 1916. № 229. С. 3.
39. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7628. Оп. 9. Д. 1833. Л. 1–1 об., 3.
40. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки Кубанского войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции: чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. В 2 т. Т. 2 (М — Я). М., 2017. С. 578.
41. АОАМР. Ф. Р–123. Оп. 1. Д. 104. Л. 27 об., 28.
42. Там же. Д. 106. Л. 68 об., 69.
43. Там же. Д. 108. Л. 122 об., 123.
44. Тисковская Валентина Михайловна: [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://clck.ru/3Ev8Tg>. (Дата обращения: 29.11.2024); Тисковская Галина Михайловна: [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://clck.ru/3Ev8VP>. (Дата обращения: 29.11.2024); Тисковский Александр Матвеевич: [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://clck.ru/3Ev8WT>. (Дата обращения: 29.11.2024); Тисковский Борис Матвеевич: [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://clck.ru/3Ev8Xr>. (Дата обращения: 29.11.2024); Тисковский Валерий Матвеевич: [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://clck.ru/3Ev8aT>. (Дата обращения: 29.11.2024); Тисковский Михаил Матвеевич: [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://clck.ru/3Ev8RE>. (Дата обращения: 29.11.2024).
45. АОАМР. Ф. Р–123. Оп. 1. Д. 135. Л. 23 об., 24.
46. Там же. Д. 137. Л. 2 об., 3.
47. КОВ. Екатеринодар, 1913. № 173. С. 1.
48. АОАМР. Ф. Р–123. Оп. 1. Д. 110. Л. 231 об., 232; Там же. Д. 135. Л. 256 об., 257, 314 об., 315; там же. Д. 139. Л. 85 об., 86.

Н.Н. ГАРУНОВА

(г. Махачкала, РФ)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере Темир-Хан-Шуры)

В специальной научной литературе по истории Дагестана XIX – начала XX в. достаточно хорошо освещен общественный быт сельского населения, раскрыта роль регулирующих его норм обычного права и шариата, обычаев и традиций, установлений морально-этических кодексов, определены формы его организации. Итоги этих исследований обобщены в последнем двухтомном академическом издании «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней» [1]. Однако, в нем, как и в других работах подобного рода, остается по сути вообще вне поля зрения ученых или затрагивается ими лишь вскользь вопрос об общественной и культурной жизни городов Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. Несколько публикаций нашли свое место в работах профессора В.П. Егоровой.

К сожалению, рамки предлагаемой нами публикации, весьма ограничены, что позволяет нам дать лишь краткие наброски о появлении и развитии некоторых элементов городской культуры на примере Темир-Хан-Шуры, получившей статус города 29 ноября 1866 г. Среди них особое место занимает любительское сценическое творчество горожан. Появление в Темир-Хан-Шуре русского любительского театра относят к середине 50-х гг. и связывают с именем командира первого Дагестанского конно-иррегулярного полка И.Р. Багратиона, чьи му-

зыкальные, вокальные, хореографические, организаторские способности были хорошо известны современникам [2].

С этого времени любительские спектакли стали непременным атрибутом городского быта Темир-Хан-Шуры. Они являлись не только формой организации досуга, средством эстетического и нравственного воспитания населения, но и одним из материальных источников его благотворительности.

Деятельность постоянного Темир-Хан-Шуринского театра в конце 70-х – начале 80-х годов широко освещалась в периодической печати. По корреспонденциям, направляемым из Шуры в газеты, видно, что публика его охотно посещала, зрительские сборы превышали издержки на его содержание, что позволяло за их счет оплачивать учебу нескольких девочек в местной женской школе, а затем прогимназии и гимназии.

Благотворительные спектакли в пользу женской гимназии, организовывались, как правило, в зимнее время. Театральные представления (спектакли) обычно составлялись из разножанровых пьес. Например, первый спектакль, данный в январе 1870 г., состоял из водевилей сороковых годов «Капризница» и «Шило в мешке не утаишь», во втором — были сыграны комедия Е.Е. Королева «Карьера» и водевиль А.Н. Баженова «Любовный

напиток». Третий спектакль, состоявшийся 12 февраля, включал комедию «Система супружеского счастья» и водевиль «Стряпчий под столом», а также «Ночь в лесу» — сцены из русского народного быта писателя И.Ф. Горбунова [3].

Знатки драматургии уже тогда предъявляли к репертуару любительского театра большие требования, считая, что он должен преследовать не только филантропические цели, но и «принимать во внимание то нравственное влияние, которое театр может иметь на массу...». В связи с этим некоторым «пустым» пьесам противопоставлялась, например, поставленная «к общему удовольствию» «осмысленная» комедия А.Н. Островского «Доходное место» [4]. Их надежды, что общество любителей и впредь будет выбирать подобные пьесы в дальнейшем в определенной степени, оправдались.

В начале 1879 г. общественность Кавказа чествовала память русского писателя и дипломата А.С. Грибоедова, убитого в 1829 г. в Персии. В Тифлисе был создан специальный комитет, который занимался сбором средств на образование особого фонда, занимавшегося формированием капитала для увековечения его памяти. С этой целью во многих губернских и уездных городах Кавказского края устраивались благотворительные чтения, спектакли, подписки и тому подобные мероприятия. Таким образом, вопрос о Грибоедовском фонде приобрел общекавказское значение [5].

Дагестанские города не остались в стороне от этого благого дела. В Темир-Хан-Шуре чествование памяти А.С. Грибоедова происходило 30 января 1879 г. Местный кружок любителей драматического театра поставил на сцене спектакль «Горе от ума». Собранные весьма значи-

тельные средства предназначались для учреждения стипендии имени Грибоедова [6].

31 марта 1880 г. в честь празднования 25-летнего юбилея царствования императора Александра II в Темир-Хан-Шуре был дан с благотворительной целью концерт, доход от которого в 149 руб. поступал в формирующийся денежный фонд «Общества вспомоществования бедным учащимся». В отчете о собранных для этого фонда средствах выражалась искренняя благодарность организаторам концерта: госпоже Минкевич и господам Минкевичу, Давидовичу, Прогульбицкому, Слюсаренко, князю Вахвакову, учителю пения в прогимназии г. Эмирову и г. Межебовскому. В концерте приняла участие ученица IV класса женской прогимназии Старова, исполнение которой на фортепиано довольно трудных пьес и обнаруженные при этом ее большие музыкальные способности были замечены и отмечены на страницах газеты «Кавказ» [7].

В июне 1881 г. с благотворительной целью была поставлена новая драма молодого драматурга И.В. Шпажинского «В забытой усадьбе» в 5-ти действиях. Пьеса имела громадный успех и дала почти полный сбор. Критики отметили «осмысленную игру» исполнителей главных ролей (Прогульбицких, Орловой, Слюсаренко, Заргарова), «верно передавших характеры своих героев», их честное отношение к делу и любовь участников кружка к искусству, заслужившие благодарность зрителей — настоящих ценителей театрального искусства. Наставниками кружковцев были опытные руководители драматического искусства — господа Кочергин и Тарасевич [8].

Весной 1882 г. в пользу прогимназии был устроен г. Е.Д. Михайловым любительский спектакль, чис-

тый сбор от которого в размере 145 руб. поступил в ее кассу. Но самый большой сбор в это время в сумме 561 руб. 61 коп. дал бал-маскарад, организованный в помещении Общественного собрания попечительным советом [8].

С 1881 года при Темир-Хан-Шурином реальном училище функционировало общество вспомоществования нуждающимся ученикам, значительная часть средств которого также формировалась за счет сборов с концертов, балов и подобных им мероприятий, которые зачастую выходили за рамки данного учебного заведения и превращались в общегородские.

Эти мероприятия обычно проводились целенаправленно в честь каких-то юбилейных чествований деятелей русской и мировой культуры, что накладывало определенный специфический отпечаток на их структуру и содержание. 4 января 1887 г. в зале общественного собрания состоялась совместный акт реального училища и женской прогимназии. После окончания официальной части программы хор учеников и учениц, ученический оркестр исполняли вокальные и инструментальные пьесы Вагнера, Шольца, Мендельсона, Глинки и др. В этом же году реальное училище устраивало собрания, на которые приглашались члены городского общества, и где хор и оркестр исполняли пьесы Даргомыжского, Бортнянского, Моцарта, Россини, Гайдна и др. Учащиеся старших классов читали поэтические произведения Державина, Жуковского, Никитина и др. [9].

19 декабря 1892 г. в училище в присутствии многочисленной публики был устроен ученический литературно-драматический вечер, посвященный юбилейным датам со дня смерти писателя Д.И. Фонвизина и поэта А.В. Кольцова. На сцене бы-

ли исполнены три первых действия из «Недоросля», а хор и оркестр исполнили несколько пьес Кольцова. 2 января 1893 г. на вечере в честь Н.В. Гоголя учащиеся исполнили его комедию «Женитьба» [10].

Следует отметить, что власти уделяли этой форме благотворительности большое внимание. Об этом говорит тот факт, что при областной администрации состоял специальный чиновник «по наблюдению за публичными концертами, спектаклями и собраниями, устраиваемыми в городе Темир-Хан-Шура с благотворительной целью». Он отчитывался перед губернатором о том, когда организовывались благотворительные спектакли, какие сборы они давали и куда расходовались поступавшие средства [11].

К началу XX в., несмотря на беспокоеное время, в Темир-Хан-Шурином музыкально-драматическом кружке насчитывалось более 90 человек. Ежегодно кружок давал около 10-ти представлений — концертов, спектаклей с концертным отделением, драматических спектаклей. Круг адресатов, куда направлялись собранные средства, значительно расширился. Ими были: «недостаточные ученицы» женской гимназии, общества «просвещение туземных мусульман» и бедных города Темир-Хан-Шуры, «недостаточные ученики» реального училища, Темир-Хан-Шуриномское благотворительное общество и пр. [12]. Благотворительные «зрелища» устраивались в пользу раненых и больных воинов и их семейств, Красного Креста, в поддержку русских переселенцев, на усиление военно-морского флота.

К концу 70-х гг. в Темир-Хан-Шурином обществе созрела мысль о создании «открытого общественно-учреждения», в котором горожане могли бы в свободное от повседневных занятий время «собирать

со своими семействами для развлечения». Воплощая ее в жизнь, общество граждан города решило «для удовлетворения общественной потребности» открыть в Темир-Хан-Шуре коммерческий клуб. Оно разработало устав учреждаемого клуба и 15 января 1880 г. обратилась к начальнику Дагестанской области Л.И. Меликову с прошением о «рассмотрении его и утверждении» [13].

В уставе была сформулирована цель организации клуба — «доставить членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой». В нем предусматривалось проведение таких форм досуга, как балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления. Клуб в соответствии с уставом должен был заниматься и просветительской деятельностью — выписывать книги, газеты и другие периодические издания, а также приглашать специалистов «по разным наукам», для чтения лекций, «которые служили бы к распространению... полезных сведений». В примечаниях к тексту устава отмечалось, что названные культурные мероприятия допускаются с разрешения начальника области и полиции.

Данное заведение было чисто мужским (его членами не могли быть женщины, а также воспитанники учебных заведений и юнкера).

В коммерческом клубе «дозволялись» все игры, за исключением азартных (банковой, рулетки и им подобных), порядок проведения которых строго регламентировался уставом. Особо выделены «игры на биллиарде».

Членами-учредителями коммерческого клуба были купцы А. Авдеев, Ибрагим Аскаров, Каримов, чиновники, дельцы, общественные

деятели (А. Турпаев, К. Оганесов, О. Осипов, Магомед-бек и Меджид-бек Бековы, С. Суконцев, А. Зеленцов, Н. Лопухин и др.) [14].

Среди городских развлечений жителей Темир-Хан-Шуры очень популярны были танцы в ротонде и гулянья в городском саду, который современники считали превосходным и чуть ли не единственным объектом в городе, «достойным внимания». Он был в прекрасном состоянии, что свидетельствовало о хорошем уходе за ним.

В печати шуринский сад характеризуется как городской организм, игравший большую роль в повседневной общественной и культурной жизни горожан. Отмечалось, что сад — это место, где «под тенью деревьев одни, преимущественно евреи, обрабатывают свои планы по подрядам, коммерсанты сводят свои итоги; чиновники ведут завистливый разговор о повышениях и наградах; барышни — невесты, которым здесь несть числа, высматривают женихов», это место, где «можно услышать деловые разговоры, подробности о случившихся в городе событиях и прочее».

Городской сад привлекал к себе многочисленную публику и тем, что здесь два раза в неделю играла «довольно недурная» музыка [15]. Организация музыкальных вечеров в саду определенным образом связана со службой в мирное время Дагестанского конного полка, в штат которого чуть ли не с первых лет его существования входили трубачи и музыкальный хор. В 1884 от трех резервных сотен при штабе полка состояло 42 музыканта, в 1885 г. — 38, в 1886 г. — 40. По приказу начальника 21-ой пехотной дивизии графа Борха с мая 1885 г. «музыка полка» 2 раза в неделю по 3 часа играла в городском саду.

Полковые музыканты и хор стали настолько известны и востребова-

ны, что их на летний сезон часто командировали в Петровск. А к концу 80-х гг. «хор музыкантов достиг такого усовершенствования, что в апреле 1890 г. командир полка заключил с правительственным комиссаром Кавказских Минеральных вод» договор об обслуживании в течение 3-х месяцев музыкантами полка публики, отдохнувшей в городах Ессентуки и Железноводск. В репертуаре музыкантов были пьесы-попурри из опер «Кармен», «Демон», «Евгений Онегин», «Дагестанский марш» и др.

В 1903 г. в Дагестанской области было учреждено попечительство о народной трезвости. Поскольку, как отмечал Е.И. Козубский, злоупотребление спиртными напитками «имело место почти исключительно в городах области», комитеты попечительства были созданы в основном в городах Темир-Хан-Шура (областной и окружной), Дербент (окружной) и Петровск (городской). Они начали свою деятельность с устройства общественных чайных, столовых и читален.

В своем обзоре деятельности попечительства за 1903–1908 гг. Козубский подчеркнул, что «комитеты удовлетворяют умственным потребностям своих посетителей устройством народных чтений, а в помещении Дербентского комитета устроена сцена, на которой по временам ставятся народные спектакли. Сцена народного дома в Шуре пред-

ставляется под благотворительные и народные спектакли, а также для просветительских собраний». И хотя он говорит, что данное попечительство лишь «отчасти может быть отнесено к просветительным обществам», тем не менее, его не следует сбрасывать со счетов [16].

Попечительство о народной трезвости в дагестанских городах явилось инициатором создания публичных библиотек. Так, для открытой комитетом в конце января 1904 г. в Темир-Хан-Шуре читальни при чайной сразу же была выписана из Харьковского комитета по устройству сельских библиотек-читален целая библиотека в количестве 775 книг по различной тематике.

Обозначенные нами штрихи к «культурному» портрету Темир-Хан-Шуры, позволяют получить некоторое представление о характере культурной и общественной жизни горожан столицы Дагестанской области, о формах проведения досуга ее жителей. Репертуар культурно-просветительских мероприятий, проводимых городом в то время — яркое свидетельство развития и взаимодействия культур народов Дагестана и России, их гуманистической, просветительской направленности. Но при этом следует отметить, что формирующаяся в Шуре культурная среда «обслуживала» лишь часть городского населения, вне ее сферы оставались городские низы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 2004. С. 618–621.
2. Гаджиев Булач. Ворота в горы Дагестана. Махачкала, 1966. С. 31.
3. Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. №№ 14, 26, 140. 4. «Кавказ», 1870. № 140. 5. «Кавказ», 1879. № 26. 6. «Кавказ», 1879. № 31. 7. «Кавказ», 1879. № 127. 8. «Кавказ», 1879. № 156. 9. Козубский Е.И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища (1880–1889). Петровск, 1890. С. 56. 10. Козубский Е.И. Отчет о втором десятилетии Темир-хан-Шурина реального училища (1890–1899). Темир-Хан-Шура, 1901. С. 32. 11. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18. 12. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. 13. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 3. Д. 98. 14. Там же. Д. 99. 15. «Кавказ», 1881. №№ 185. 16. Егоров В.П. Козубский Е.И. — ученый и просветитель. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1999. С. 87.

А.А. ЦЫБУЛЬНИКОВА

(г. Армавир, РФ)

УЧАСТИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ 17-го КАЗАЧЬЕГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ НА ЮГЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В АВГУСТЕ 1942 ГОДА

В конце июля 1942 года резко ухудшилась боевая обстановка на Юге СССР. Наступающие немцы, захватив Ростов-на-Дону, вплотную приблизились к границам Кубани. Подразделения Красной Армии, обескровленные в непрерывных боях, отступали всё дальше вглубь страны. Для того, чтобы остановить наступление противника, требовались беспрецедентные меры. Одной из таких мер стал печально известный приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина №227 от 28 июля 1942 г. В этот же день поступил приказ Ставки Верховного Главнокомандования объединить войска Южного и Северо-Кавказского фронтов в один Северо-Кавказский фронт. Командующим фронтом был назначен маршал Советского Союза С.М. Буденный, перед которым была поставлена жесткая задача любой ценой остановить наступление немецких войск. Для решения этой задачи, среди прочего, новым командующим было принято решение максимально использовать боевые возможности 17-го казачьего кавалерийского корпуса генерала Николая Яковлевича Кириченко.

В первую очередь было необходимо восстановить оборону Краснодарского края с севера, поэтому уже 30 июля подразделения корпуса генерала Кириченко передислоцировались и преградили путь немецким войскам 5-го ар-

мейского и 49-го горнострелкового корпусов [2], заняв оборонительный рубеж по южному берегу р. Ея в районе станиц Кушевская — Шкуринская — Канеловская. Для усиления корпусу была придана Майкопская танковая бригада в составе 30-ти легких танков, сформированная из курсантов Орловского танкового училища.

Ценой больших жертв и крайней самоотверженности казаков 17-го корпуса, наступление немцев на Краснодар было приостановлено на четыре дня (с 1 по 4 августа 1942 г.). В результате, так и не сумев сломить оборону советских бойцов, немцы повели наступление на флангах, и, только потеснив части 18-й и 12-й армий Северо-Кавказского фронта, смогли вынудить подразделения корпуса отступить [3]. Надо отметить, что, несмотря на большие потери, победа казаков у Шкуринской и Кушевской, в условиях повсеместного отступления войск Северо-Кавказского фронта, имела большое морально-политическое значение для советских солдат [4].

В фондах МБУ «Музей города Белореченска» сохранилась фотография одного из участников этих тяжелых боёв — политрука 3-го эскадрона 257-го казачьего кавалерийского полка 116-й Донской казачьей кавалерийской дивизии, уроженца ст. Гурийской Белореченского района **Василия Хрисановича Власова**. При обороне станицы Канеловской

Казачи-гвардейцы кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Кириченко на марше [1].

он вместе с эскадронам охранял мост через реку Ея (северо-восточная окраина станицы). В течение пяти дней (29–31 июля, 1 и 2 августа 1942 г.) эскадрон отбивал атаки, неоднократно переходил в контратаку, так и не дав противнику захватить мост. За период боёв эскадронам было уничтожено 5 автомашин и до 200 немецких солдат и офицеров. Лично в этих боях Власов уничтожил 8 гитлеровцев, был ранен, за проявленную доблесть удостоен ордена Красной Звезды [5].

Нельзя не отметить, что за самоотверженность и героизм, проявленные в этих боях, достаточно большое количество казаков 17-го кавкорпуса были награждены орденами и медалями. Об этих героях много информации и в научной литературе, и в интернете. Но хо-

телось бы обратить внимание, что среди бойцов 17-го кавкорпуса, внесших вклад в приостановку гитлеровского наступления на Кубань под ст. Куцевской, были и женщины. Например, в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ хранится приказ от 14 января 1943 г. о награждении **Любовь Петровна Крамар** — санинструктора медико-санитарного эскадрона 32-го Кубанского казачьего кавалерийского полка 13-й Кубанской казачьей дивизии 17-го казачьего кавалерийского корпуса. 2 августа 1942 г. девушка «в бою под ст. Куцевской в конной атаке проявляла исключительное мужество. Оказала помощь раненым свыше 30-ти человек. Вынесла с поля боя под сильным огнём противника до 20-ти человек. Ушла с поля боя послед-

Василий Хрисанович Власов.

няя, когда немцы при своём продвижении были от неё на расстоянии 100 метров.» [6] За свою самоотверженность уроженка Кубани была награждена медалью «За отвагу».

Ещё одной из участниц боёв на «Рубеже воинской доблести» была **Прасковья Никифоровна Пивова-рова** — сержант медслужбы, санитар-инструктор медико-санитарного эскадрона указанного выше 32-го казачьего полка. Во время боёв под ст. Куцевской она, «находясь в передних рядах сражающихся... перевязывала раненых казаков, выносила с поля боя под артиллерийским минометным и с воздуха огнём врага. Всего вынесла с поля боя 16 бойцов с их личным оружием» [7], за свой подвиг была награждена медалью «За боевые заслуги».

После кровопролитных боёв у Шкуринской и Куцевской 4 августа части **17-го казачьего кавалерийского** корпуса оставили оборону по реке Ее и начали отход, чтобы

прикрыть Майкопское направление. Перед корпусом была поставлена задача укрепиться на левом берегу Кубани на рубеже Волковцев — Лакшукай — Шенджий. За трое суток соединения корпуса прошли более 250 километров и достигнув 7 августа станицы Усть-Лабинской, благополучно переправились на левый берег Кубани. 8 августа корпус подошел к рубежу Гиагинская — Келермесская, где дивизии заняли оборону.

Однако 9 августа немцы на другом участке фронта захватили станицу Келермесскую и их танковые колонны двинулись на Майкоп. В этих условиях 12-я кавдивизия, которая удерживала оборону у Гиагинской, получила приказ о выходе из боя и движении на Белореченскую.

13-я кавдивизия в течение 10–13 августа вела тяжелые бои по удержанию обороны на реке Белой в районе станицы Ханской. Надо отметить, что 13-ая (будущая знаменитая 10-я гвардейская Кубанская казачья) кавалерийская дивизия была в основном укомплектована из жителей Кубани, многие из которых осенью 1941 г. вступили в её ряды добровольцами. Среди бойцов было много мужчин старше 40, а то и 50 лет, имеющих боевой опыт Первой мировой и Гражданской войны.

Так, среди сражавшихся 10–13 августа на р. Белой был сержант, командир отделения 29-го Кубанского казачьего кавалерийского полка 13-й кавдивизии 17-го кавкорпуса, уроженец Гиагинского района Краснодарского края **Касьян Евсеевич Бедриков**. При обороне ст. Ханской он, «работая за командира взвода, проявил смелость и отвагу. Сам лично из ружья ПТР подбил одну грузовую автомашину с боеприпасами и одну легковую автомашину, в том числе 3-х немецких солдат» [8]. За боевую доблесть был награжден орденом Красной Звезды.

Генерал-майор Б.С. Миллеров даёт боевые задания группе командиров казачьей части [11].

Другой уроженец Гиагинского района — казак того же полка **Петр Сергеевич Гончаров** — «подпускал противника на близкое расстояние, подбил 3 немецких автомашины с боеприпасами и ценными документами из ружья ПТР» [9]. В этом же бою «из ружья ПТР подбил одну немецкую автомашину с боеприпасами» [10] его однополчанин **Варфоломей Иванович Журба**, уроженец Адыгейской АО Краснодарского края. Оба казака были награждены «Орденом Красной Звезды».

13 августа командир 13-й кавдивизии полковник **Б.С. Миллеров** получил приказ выйти из боя и выдвинуться в район Кубанская-2.

В эти же дни 12-я кавдивизия И.В. Тутаринова, заняла оборону по западному берегу реки Белой и в течение 10–12 августа успешно удерживала занимаемые позиции. Но утром 12 августа после массированного налета авиации танковые и моторизованные соединения

противника перешли в наступление в районе Ханской, железной дороги Белореченск – Майкоп и хутора Саква.

Бывший комиссар полка 12-й кавдивизии Иван Иванович Шакин вспоминал: *«Было еще раннее утро, когда офицер связи доложил, что нас вызывает к себе командир дивизии. Командиры и комиссары частей собрались ... Командир дивизии полковник Иван Васильевич Тутаринов внимательно оглядел присутствующих и пригласил сесть тут же на траву... раскрыл перед собой карту и начал говорить. Обстановка и данные разведки подтверждают, что дивизия оказалась зажатай между двумя крупными группировками противника. Одна из них ведет наступление справа, в направлении станций Белореченской, Черниговской ... и далее на Туапсе. Другая наступает слева, в направлении Белореченская — Майкоп. Немцы, конечно*

знают о нашем положении. Ясно, что они будут стремиться полностью окружить и уничтожить нас. Для этого они вынуждены выделять часть сил, наступающих на главных направлениях слева и справа. А это в какой-то мере облегчает положение обороняющихся войск. ...При любых условиях мы будем пробивать себе путь вперед, на юг, чтобы выйти на соединение со своими войсками» [12].

В результате ожесточенных боев 12-я Кубанская казачья дивизия понесла большие потери, но немцам не удалось её окружить и уничтожить. 13 августа части 12-й кавдивизии, вырвавшиеся из окружения, вышли к хутору Кубанскому, где установили связь с 13-й кавдивизией, отходившей в направлении станицы Апшеронской.

В ночь на 15 августа части 12-й и 13-й кавдивизий начали отход на соединение с основными частями армии, отошедшими в направлении Апшеронская — Хадыженская. Дивизии совершили марш на Бжедуховскую и далее на хутор Зозулин, восточнее Апшеронска.

Основные подразделения 13-й кавдивизии с боем смогли пересечь дорогу Майкоп–Апшеронская. За проявленную доблесть в ходе этого тяжелого боя позже, среди прочих, был награжден орденом Красной Звезды уроженец Лабинского района — казак, наводчик орудия 29-го полка 13-й кавдивизии **Лука Семёнович Дашко**. В тексте приказа отмечалось, что он «особенно хорошо поражал противника шрапнелью, продвигаясь на колесах вперед за атакующим эскадронам, тем самым обеспечил продвижение эскадрона вперед» [13].

К сожалению, 12-й кавдивизии не было суждено повторить успех братского полка, потому что к обеду немцы подтянули в этот район крупные части мотопехоты и пробить-

ся через дорогу оставшиеся казаки так и не смогли. Тогда полковник И.В. Тутаринов решил пробиваться на юг. 17 августа дивизии удалось разгромить прикрытие немцев в районе хутора Зозулина, выйти в лес восточнее хутора Цуревский и начать движение по труднопроходимым тропам предгорий Кавказа. Только 24 августа 1942 года части 12-й кавдивизии смогли выйти в район горы Туба, где встретили передовые части 18-й армии. 1 сентября 1942 г., по приказу командования, части дивизии были выведены в район восточнее Туапсе.

13-я кавдивизия, как говорилось выше, пробившись через шоссе Майкоп – Апшеронская вечером 15 августа вышла в район хутора Армяно-Кубанский и начала движение в направлении Рожет–Верхние Тубы.

В арьергарде дивизии с севера шел 24-й кавполк, который в районе села Черниговского был вынужден вступить в тяжелый бой с наступающими частями противника и оборонялся на этом рубеже до утра 17 августа, обеспечивая 13-й кавдивизии отступление в горы.

Среди бойцов, прикрывающих отход дивизии, был уроженец Архангельского района Краснодарского края, младший лейтенант, командир взвода пулеметного эскадрона 24-го кавполка **Андрей Тимофеевич Бугаков**, награжденный впоследствии медалью «За отвагу». В ходе этих боёв «его взвод уничтожил два пулеметных расчета противника. Мужественно и стойко защищал оборонительный рубеж, не допуская паники среди бойцов взвода, когда немцы подходили на расстояние до 100 метров, и открывали ураганный огонь из автоматов по фашистам» [14].

Другой участник арьергардного боя — 56-летний сержант, командир отделения взвода ПВО 24-го кавпол-

ка, уроженец Темиргоевского района Краснодарского края **Исай Романович Чернов** — был впоследствии награжден орденом Красной Звезды. «Его пулеметный расчет... уничтожил минометный расчет противника и группу автоматчиков, заходящих во фланг полка. Вел меткий огонь и тем самым не дал возможность [немцам. — А.Ц.] форсировать реку Пшеха» [15].

Важный вклад в ход боя внес **Григорий Иванович Корсаков** — политрук, помощник начальника штаба 24-го кавполка, уроженец Славянского района Краснодарского края. Из текста приказа: «Противник вел ожесточенную атаку на наши позиции с целью прорвать оборону и отрезать обозы. По личной инициативе взял с собой начальника воспитания, вышел на 200 метров, подпустил группу противника на 50 метров и выстрелом из винтовки и броском гранаты уничтожил 5 человек фашистов, а остальные в панике разбежались. Этим самым спасли положение бойцов и обозы, которые могли попасть в руки фашистам» [16]. За этот подвиг он был представлен к ордену Красной Звезды.

В фондах Центрального архива Министерства обороны РФ сохранилась фотография еще одного участника боя у села Черниговского — **Пантелея Ильича Блажко** — младшего лейтенанта, командира взвода 3-го эскадрона 24-го кавполка, уроженца Ладожского района Краснодарского края. 17 августа 1942 г. «командир взвода тов. Блажко занял оборону у моста через р. Пшеха. Немцы стали зажимать в кольцо и переходить мост. Тов. Блажко своим подразделением отражал натиск врага в количестве до 150 чел. Наступление было задержано. Лично т. Блажко из автомата сразил до 20 немецких фашистов» [18]. Был награжден орденом Красной Звезды.

Пантелей Ильич Блажко [17].

Степан Кузьмич Ключников — лейтенант, зам. командира эскадрона 24-го кавполка, уроженец Гражданского района Краснодарского края — «был командиром взвода ПТР... С боя вывел 21 казака с лошаадьми из окружения на новый рубеж. Лично уничтожил 5 чел. немцев-автоматчиков» [19]. Был награжден орденом Красной Звезды.

Важный вклад в сохранение позиций полка внес старший сержант, помощник командира взвода 4-го эскадрона 24-го кавполка, уроженец Кагановичский района Краснодарского края **Андрей Филиппович Леонов**. «Когда враг угрожал левому флангу обороны полка, имея замысел зайти с тыла и отрезать не только наш полк, но и другие скопившиеся войска и обозы у реки Пшеха, помощник командира взвода Леонов, выполняя приказ командования, под ураганным огнем автоматчиков врага повел взвод в контрнаступление, заняв господ-

Казачий разъезд в предгорьях Кавказа [26].

твующую высоту и отразил наступление немцев» [20]. Был награжден орденом Красной Звезды.

Героически проявил себя уроженец Ладожского района Краснодарского края — младший лейтенант, командир взвода 2 эскадрона 24-го кавполка **Алексей Степанович Ильченко**. «Взвод под его командой, будучи на левом фланге обороны, уничтожил 28 фашистов. Сам лично убил 7 фашистов, остальных рассеял и тем самым не дал противнику возможность обходить левый фланг обороны» [21]. Был награжден орденом Красной Звезды.

Таким же орденом за героизм, проявленный в бою 17 августа, был награжден **Сергей Васильевич Быстрянец** — сержант, командир отделения 24-го кавполка, уроженец Кропоткинского района Краснодарского края. «Отделение под его командой стойко и мужественно сражалось с противником. Лично в бою уничтожил 3-х фашистов.

Поставленную задачу прикрывать огнем отход эскадрона отделение выполнило и отошло только по приказу командования» [22]. Этот героический боец погибнет в декабре 1942 г. в боях на территории Ставропольского края.

Орденом Красной Звезды был награжден младший лейтенант, командир взвода 24-го кавполка, уроженец Гражданского района Краснодарского края **Тимофей Яковлевич Буряченко**, который во время боя «стойко отражал натиск противника. Лично вынес ручной пулемет, когда расчет вышел из строя. Разведдал пути к отходу эскадрона из окружения. Вынес 2 человек раненых казаков и не оставял в течение 3 суток, пока казаков не сдал в санбат» [23]. Буряченко Т.Я. погибнет в январе 1943 г. в сражении на территории Чечено-Ингушской АССР.

Высокий профессионализм и хладнокровие в бою под селом Черниговским проявил сержант, командир отделения 24-го кавполка, уроженец Усть-Лабинского района Краснодарского края **Иван Дмитриевич Шевченко**, за что был награжден орденом Красной Звезды. «Его отделению было приказано выбить противника с высоты и отделением занять оборону. Тов. Шевченко еще с одним казаком своего отделения броском ручной гранаты выбили противника и заняли огневую точку, где отделение оборонялось до вечера. Отделение своим огнем прикрывало отход наших подразделений и обозы с боеприпасами. С огневой точки отделение отошло только по приказу» [24].

Нельзя не упомянуть и о вкладе женщин 24-го кавполка в бой 17 августа. Санинструктор 24-го кавполка, уроженка Адыгейской АО Краснодарского края, **Лидия Митрофановна Холодова** на фронт ушла добровольцем в октябре 1941 г. В бою под селом Черниговским

21-летняя Лида «вынесла с поля боя 6 раненых казаков с их оружием. При обратном возвращении на поле боя подносила боеприпасы и особенно большую помощь оказала подносом мин на огневую позицию минбатареи. По своей собственной инициативе вела огонь из винтовки на расстоянии 200–300 метров» от противника [25]. Девушка была награждена медалью «За боевые заслуги».

Благодаря самоотверженным действиям казаков 24-го кавполка к 18 августа 13-й кавдивизии удалось провести через перевал Волчи ворота матчасть, обозы отступающих армейских соединений и колонны беженцев. В соответствии с прика-

зом маршала Буденного, с 19 августа и до конца месяца, дивизия была подчинена командованию 18-й армии и вела бои в районе населенных пунктов п. Режет, с. Черниговское, ст. Самурская.

1 сентября 1942 года, по приказу командования, 13-я кавдивизия, передав участок обороны стрелковым частям, преодолела Кавказский хребет через Грачевский перевал и вышла в район села Лазаревского на Черноморское побережье, поступив в резерв командующего Закавказским фронтом. На этом завершилось участие кубанских казачьих кавалерийских дивизий в оборонительных боях на территории Краснодарского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД), арх. №0–157263. Автор фотографии: Левитан. Место съемки: Северо-Кавказский фронт. Дата съемки: 1942 г.
2. Футорянский Л.И. Казаки части на фронтах Второй мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №9. С. 4–7.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рассекреченные документы: хроника событий: в 2 кн. / отв. сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. Краснодар, 2000. Кн. 1. С. 321.
4. Бурмагин А.Г. Участие кубанских казаков в составе советских кавалерийских соединений в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. Краснодар, 2011. 26 с.
5. Официальный сайт МБУ «Музей города Белореченска». URL:<https://muzeybel.ru/item/1625574>. Дата обращения: 10.12.2024.
6. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1815. Л. 150 (Из приказа 10 гв. кд №: 10/н от 14.01.1943).
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2090. Л. 281 (Из приказа 10 гв. кд №: 4/н от 09.12.1942).
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1815. Л. 132 (Из приказа 10 гв. кд №: 10/н от 14.01.1943).
9. Там же. Л. 139.
10. Там же. Л. 146.
11. РГАКФД, арх. №0–154351. Место съемки: Северо-Кавказский фронт. Дата съемки: 1942 г.
12. От Кубани до Праги. Воспоминания ветеранов 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса / под ред. А. С. Коновалова, Н. Г. Мосиенко. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1972. С. 214.
13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1815. Л. 143 (Из приказа 10 гв. кд №: 10/н от 14.01.1943).
14. Там же. Л. 195.
15. Там же. Л. 186.
16. Там же. Л. 155.
17. Фото из архивного дела.
18. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1815. Л. 135 (Из приказа 10 гв. кд №: 10/н от 14.01.1943).
19. Там же. Л. 154.
20. Там же. Л. 158.
21. Там же. Л. 147.
22. Там же. Л. 137.
23. Там же. Л. 136.
24. Там же. Л. 188.
25. Там же. Л. 24.
26. РГАКФД, арх. №0–156565. Автор фотографии: Озерский Израиль Абрамович. Дата съемки: 1942 г.

В.А. МАТВЕЕВ
(г. Ростов-на-Дону, РФ)

СЕПАРАТИЗМ И РОССИЙСКАЯ ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ В ПРЕЛОМЛЕНИИ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ВЕРСИЙ

Содержание ключевых для предприняемого исследования понятий отражало вкладывавшиеся в них при появлении существовавшие кодифицированные смысловые обозначения. Так, определение сепаратизм первоначально появилось в Англии в XVI–XVII вв., когда от официальной церкви отделились и перестали ей подчиняться пуританские (от лат. *puritas* — «чистота») общины. Являясь представителями конфессиональной оппозиции (протестантами) и последователями кальвинизма, они руководствуясь установками библейского завета принимали активное участие в революционных событиях 1640–1660 гг. Именно пуритан в Англии противостоявшие им идеологические оппоненты впервые стали называть сепаратистами или независимыми (индепендентами) в соответствии с воплощенным в термине указанием (от лат. *separatus* — «отдельный»).

И в дальнейшем к ним стали относить тех, кто стремился к обособлению. Политическая его разновидность получила также название сессии (от лат. *secessio* — «уход»), выделения части из состава государства. В возникавших впоследствии и в других странах сепаратистских проектах оно предусматривалось как частичное или полное. Понятие интеграция вошло в оборот также в эпоху Нового времени. Употребляться оно стало в связи с происходившим формированием национальных государств в Европе. Термин интеграция (от лат. *integratio* — «соединение») озна-

чал совмещение отдельных частей в единое целое. Отражавшие его объединительные тенденции определялись соответствующими процессами этнополитических трансформаций, устранявших локальную дифференцированность. Во второй половине XVIII в. как отражение происходившей консолидации этнических общностей появилось понятие нация. Наиболее активно оно стало использоваться во Франции при Наполеоне I, возглавлявшем ее с 1799–1814 гг.

Воплощавшиеся в нациях «глубокие привязанности», как их классифицировал специализировавшийся по теме национализма зарубежный исследователь Б. Андерсон (1936–2015), во Франции, а затем и в других европейских странах, стали проявляться к концу XVIII в. [1] Революционные события, таким образом, поспособствовали более ускоренным изменениям и в этой сфере. Этнополитический консолидационный процесс в ряде государств Старого Света сопровождался впоследствии преодолением сохранявшихся внутренних обособленностей. Интеграция устанавливала общность проживавшего в их пределах населения и унифицированную административную совмещенность территориального пространства. Достигалась она и с помощью сознательного регулирования при проведении соответствующей политики.

Подходы же к осмыслению сепаратистской и интеграционной альтернатив на Западе и в России имели не только сходство, но и разли-

чия. В статье затрагиваются лишь некоторые аспекты намеченной темы. Размышляя по поводу перспектив формирования европейских государств, немецкий философ Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) указал на то, что ограничение своеобразия «всеобщностью есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу» [2]. Специфика, поскольку она принадлежит прошлому, должна оберегаться, но всеобщность преобладать, обуславливая тем самым ее приспособленность к изменившимся условиям. При отсутствии объединяющей консолидированности даже сродные несхожести внутри этнических общностей приходят в столкновение и конкурирующее противоборство [3]. Во «взаимопроницаемом единстве всеобщности и единичности», по мнению немецкого философа, состоит закон конструирования любого государства [4].

Отсутствие механизмов сцепки сохраняющих признаки обособленности частей государства, их интегрированного «взаимопроникновения», согласно формулировке Г.В.Ф. Гегеля, не способствует сохранению единого пространства и порождает сепаратизм. При формировании же этнонациональных государств преобладающей становится тенденция установления однородности, исключая конкурирующие противоположности. В европейских странах встречались также и специфические ситуации, позволившие К. Марксу (1818–1883), основоположнику коммунистической доктрины, отметить, что «национальный вопрос» в некоторых случаях может быть «неотделим от земельного» [5].

Но данный фрагмент его учения не дает оснований для утверждений о наличии соответствующей не требующей доказательств аксиомы,

содержащей исчерпывающие ответы на возникающие вызовы в иных условиях. Наряду с отмеченным положением К. Марксу принадлежит и идея интернационализма, предполагающая внешнюю классовую солидарность на пролетарской основе [6]. Распространявшиеся в XIX в. на Западе теории национализма, напротив, культивировали идеал обособленности от других народов.

Наблюдавшиеся различия в их этнополитической консолидированности австрийский публицист Отто Бауэр (1881–1938) исходя из сложившихся представлений объяснял несхожестью «исторических судеб... условиями борьбы за существование». Выработанный у наций характер, по его уточнению, неправильно считать «постоянным, раз навсегда установленным» [7]. Используемый при конструировании европейских наций побуждающий к сплочению посыл «народный дух» Отто Бауэр назвал «романтическим призраком» [8]. Нацию он рассматривал не только в качестве союза людей, «связанных общностью происхождения». В соответствии с пониманием Отто Бауэра «во всякой естественной общности действует» вместе с тем «тенденция к непрерывной дифференциации» [9].

Складывание вследствие этого особенностей им объяснялось неодинаковыми «жизненными условиями» [10]. Критически Отто Бауэр относился и к совершавшемуся в XIX в. «в унаследованных государственных системах» ряда стран Западной Европы переворота «под знаком принципа национальности» с нацеленностью на то, что каждая «нация должна образовать одно государство» [11]. По констатации Отто Бауэра такой результат не может оставаться постоянным. Содержавшая данные и иные выводы брошюра Отто Бауэра была опубликована в Санкт-Петербурге в 1909 г. В ней

отражалась попытка примирения интернационалистской установки марксизма с национализмом. Это может быть осуществимо, как полагал Отто Бауэр, с помощью принципа «полного самоопределения» [12].

Становление российской государственности в отличие от европейских национальных образований происходило иначе. Обозначение ее в качестве империи было произведено по аналогии с существовавшими там универсалистскими моделями и отнюдь не соответствовало существовавшей специфике. Подтверждалось это и появлявшимися кодифицирующими реальность сюжетами. В наименовании России империей В.И. Даль (1801–1872) при изучении разговорного обихода установил лишь учтенную в нем взаимосвязь с присвоенным саном верховному правителю [13]. Являлось же оно подражанием зарубежной моде присвоения статуса большим государственным объединениям территорий и народов. Между тем происходившее российское объединение от зарубежных практик отличалось. Обретение же подданства в любом монархическом государстве означало процедуру принятия присяги «на верность». После этого лицо или сообщества рассматривались в качестве подведомых и подчиненных «правительству, государю» [14].

Несхожесть с европейскими стандартами прослеживается и по фиксации В.И. Далем существовавшего в России понимания того, что собой представляет нация. С ней отождествляли, в отличие от европейских стандартов употребления, «народ... язык, племя, колено». Под «нацией» в России подразумевались, согласно наблюдения В.И. Далея, «однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия» [15]. Такая же неоднозначная смысловая нагрузка выявлена им и в термине

«национальный», в котором совмещалась «народность» и все ей свойственное [16]. Отличающийся от зарубежных практик употребления смысл В.И. Далем зафиксирован и в слове «сепаратный». В нем выявлено указание «отдельный, особый, сам по себе; частный». Сепаратизм в России воспринимался, в передаче В.И. Далея, как «стремление отделиться от большинства и составить свою стачку». Присваивалось ему и определение «особщина», а с точки зрения ненарушимости конфессионального единства — «раскол, ересь» [17].

Реальность становления российской государственной полиэтничной общности включалась в основополагающую конструкторскую «единого отечества» [18]. В публицистический и разговорный оборот понятия «нация», «интеграция» и «сепаратизм» в России стали входить значительно позже, чем в европейских странах. Это является показателем того, что необходимости в них не было. Тем не менее кодифицированная в них специфика процессов зарождалась и при их обозначении зарубежные категории постепенно входили в употребление. Различия между течениями сепаратизма в зарубежном и отечественном преломлении варьировали в зависимости от использовавшихся установок.

Увлечения европейскими националистическими теориями проникали и в среду российской несистемной оппозиции. Отечественные особенности ее представителями не учитывались. Протестные мотивации строились на порицании всего, что с ними связано. Между тем в России существовали свои преимущества. При ее обустройстве в разные периоды колониальной зависимости с обретавшими ее подданство народами не устанавливалось. Континентальный характер имперского объединения также создавал благо-

приятные условия для интеграции в российское согражданство. Обрета-ла же она вполне конкретные не укладывавшиеся по многим показателям в европейские и иные зарубежные разновидности очертания.

Некоторые аспекты националистических версий позволяют, безусловно, понимать специфику российского полиэтнического совмещения. Однако присущи ему были и особенности. Видный русский ученый В.И. Вернадский (1863–1945) обратил внимание на недопустимость абстрагирования от фактов при любых претендующих на научность систематизациях. По его суждению «философские идеи» в проводимые исследования «входят как необходимый, всепроникающий... элемент» [19]. Но они имеют лишь вспомогательные свойства. По мнению В.И. Вернадского, только проявившееся со всей очевидностью влияние на развитие событий прошлого должно приниматься во внимание исследователями [20].

Правильность включения в реконструкции того или иного среза прошлого, обретшего в свое время вполне «уловимые... формы» [21], проверяется сопоставлениями со сведениями из разных источников. Именно таким способом производятся систематизации, равно как и их концептуальное оформление [22]. В дискуссионных обсуждениях необходимо признание, что «единство и нераздельность науки» ненарушимы. Связанное с ней любое мировоззрение, воспользуемся и в этом случае замечанием В.И. Вернадского, «не является синонимом истины» [23]. Отмечая обострение «национального вопроса» в России при углублении революционного кризиса, социолог П.А. Сорокин (1889–1968) заметил, что «идеальных выходов» при его разрешении не существует [24]. При этом, заметил ученый, должны приниматься во внимание

фактические возможности [25], не исключая исторические предопределенности. Указал П.А. Сорокин и на последствия революционных изломов, влекущих с неизбежностью из-за неестественной убыли и демографических спадов сокращение численности населения.

До наступления стабилизации воспроизводство его приостанавливается. Радикальные потрясения приводят, согласно заключения П.А. Сорокина, к моральным и психологическим надломам, что негативно сказывается на дальнейшем развитии [26]. Преодоление их происходит лишь со временем. Особенности складывания и функционирования российской государственности выделил философ И.А. Ильин (1883–1954). К происходившему в ее пределах «национальному акту», согласно его утверждения, общились и другие народы, «самых разных вер и исповеданий». При этом не допускалось, в отличие от практик Европы, подавление и разрушение их самобытности [27].

В обустройстве Российской империи сочетались элементы как федерализации («упорядоченное единение... частей, их самостоятельность в законных пределах»), так и унитарной централизации («политическое включение и срастание»). Им соответствовали и параллельные надстроечные государственные формы: корпоративная («объединение по свободной воле на основе общего интереса») и учредительная («объединение не снизу, а сверху на основе опеки и повиновения») [28]. До 1917 г. учредительная (монархическая) форма правления соединялась с корпоративным самоуправлением иноэтнических общин [29]. Это являлось, на мой взгляд, своеобразной разновидностью федерализации.

Теоретические наработки И.А. Ильина, верно отражающие

по признанию специалистов отечественные реалии [30], послужили в некотором роде опорой для доктринального оформления учения евразийцев. Россия представлялась его разработчикам П.Н. Савицкому (1895–1968), Н.С. Трубецкому (1890–1938) и др. как окруженный азиатской и европейской периферией срединный континент. Складывавшийся в ее государственных пределах «особый культурный мир» являлся многообразным, но единым. Представал же он как европео-азиатский, преимущественно русско-мусульманский, синтез, не имевший аналогов в зарубежных империях [31]. Эмигрировавший в 1920 г. из России историк Г.В. Вернадский (1887–1973) такое сплочение племен и народностей в ее границах рассматривал как «стихийный... процесс» [32].

Успешность же его он объяснял тем, что русский народ «обладает удивительной способностью впитывать в себя чуждые этнические элементы и их усваивать» [33]. Объединение обуславливалось вместе с тем, согласно точке зрения Г.В. Вернадского, отсутствием «естественных границ». Россия вобрала в свой состав «Срединный континент», превратившись в евразийскую державу. Из-за особенностей объединения сопредельных пространств и народов она предстает «как особый географический и исторический мир» [34]. Проводившейся в России политикой в нем обеспечивалось, отметил ученый, «сожительство разных народностей» [35]. Включенность в российское подданство давала, подчеркнул Г.В. Вернадский, «отдельным краям и народностям неоценимые экономические и культурные выгоды». Поддерживалась же евразийская государственная целостность сформировавшимся «внутренним чувством единства» [36].

На рубеже XX–XXI вв. появилась концепция «российскости», сформулированная кавказоведом В.Б. Виноградовым (1938–2012). Сущность ее также отражает состоявшуюся полиэтническую интегрированность. Данный исторический результат В.Б. Виноградовым определен как равноправное партнерство в эпохальном процессе, в котором имперское начало соединяло разнородные компоненты в единую государственную общность. Для обозначения явления В.Б. Виноградовым предложен уточняющий термин «совместничество» [37]. В конкретном историческом преломлении он отображает российскую интегрированность. Весьма перспективное для ее понимания наследие этого ученого получило широкое признание [38], предложенное же обозначение евразийского синтеза как феномена «российскости» поддержано в специальных исследованиях [39].

Наличие такой обладающей устойчивостью разновидности отечественного универсализма, подтверждено публицистикой и этнолога В.А. Тишкова. Сущность явления он определяет по формуле «единства в многообразии» и предлагает рассматривать его «как высшую коллективную ценность» [40]. В понимании В.А. Тишкова «российскость» означает существование солидарного сообщества в границах как отдельных регионов, так и государства в целом, в котором сложилась «реальность существования множественной идентичности» [41]. Состоявшаяся интегрированность сохраняет устойчивость и на современном этапе [42].

Но ставка с учетом данной тенденции на «ассимиляцию» (поглощение), предлагаемая В.А. Тишковым для достижения позитивных демографических показателей в стране, противоречит особенностям

«российскости», в которой В.Б. Виноградов, напротив, выделяет паритетность этнических начал и совмещение культурных различий [43]. Его концепция соотносится с историческими реалиями имперского периода, что подтверждалось специальными исследованиями [44]. Ассимиляционные процессы, на которые В.А. Тишков возлагает надежды в обеспечении позитивной динамики роста численности населения России, в прошлом неоднократно приводили к его замещению.

Появлявшиеся общности оказывались иными. В зависимости от соеднявшихся пропорций нередко взламывался и исторически унаследованный код, что приводило к смене самосознания и идентичности. Подтверждением могут служить не только разобщения в Европе, где при их установлении появлялись новые нации, но и русских славян. Иноэтнические включения в некоторые из их ответвлений вели к появлению субэтнических с высокой степенью дифференцированной отчужденности. Создававшиеся обособления утрачивали защищенность от чуждых воздействий при попытках переорганизаций в отдельные национальные общности даже при сохранении этнической сродности.

Выделенная еще Отто Бауэром в качестве условия устойчивости интегрированного сплочения «общность судьбы» [45], способствовала формированию и российского гражданства. Для солидарного взаимодействия в историческом процессе полезность не создавала препятствий. Отвергая «небрежение дореволюционным... опытом» России, В.А. Тишков вместе с тем выделяет «прослеживание идеологии национализма», исключение которой «по причине... имперской сущности» государства, по его мнению, недопустимо [46]. Такое допол-

нение, предполагающее исчезание культурных различий, тем более не отражает реалий отечественного объединительного процесса до 1917 г., имевшего ярко выраженную направленность складывания российской всеобщности с сохранением иноэтнической самобытности.

При этом национализм проявлялся в виде слабой тенденции, а связанные с ним критерии не применялись в проводимой политике на российских окраинах. Заимствованные аналогии из практик зарубежных империй [47] в данном случае не могут служить подтверждениями в описании особенностей формирования отечественного государственного сплочения, содержавшего элементы унитарности и федерализма. С установлением российского всеединства так или иначе связана и концепта соборности. Она отражает процесс взаимного проникновения, формирования тождественности частей и целого, взаимозвязанности их друг с другом.

При этом в российских условиях происходит установление не только совпадения, но и сохранение неповторимости [48]. Парадигма соборности также по всем признакам относится к разновидности интеграционных. «Националистический дискурс», как его представляют зарубежные (Р.Г. Суни) [49] и отечественные (А.И. Миллер) [50] исследователи, в обустройстве Российской империи и проводимой на ее окраинах политике не применялся. Для обоснования его наличия берутся лишь идеи и проекты, выдвигавшиеся в XIX – начале XX в. настроенными против правительства группами. Без конкретных подтверждений с использованием фактов, отражавших реальность, опора на «сравнительный подход и... методологический инструментарий... национализма», предлагаемая в качестве определяющей в анализе импер-

ского проекта А.И. Миллером [51], основывается на отрицании достигшихся интеграционных результатов на российских окраинах. Наличие же устойчивых тенденций и альтернатив наблюдается в любом процессе.

Существовало оно, безусловно, и при складывании российского согражданства. Достигавшийся в российских условиях интеграционный результат, в противоположность европейскому, не подавлял этничности. Противостоявшей альтернативой выступал сохранявшийся настрой на обособленность (сепаратизм). В столкновении тенденций реальность, связанная с существовавшей на протяжении веков в пределах включавшихся в российское государственное пространство сопредельных ареалов «гипертрофией силы», военной традиции разрешения споров, сменялась условиями «с законами и установлениями» [52]. Сепаратизм при такой направленности процесса в имперский период не мог играть в российской действительности конструктивную роль [53], хотя, как показывает исторический опыт, он выступает в отдельных случаях как явле-

ние, способствующее иногда более справедливым вариантам реорганизации государственных сообществ.

Нереализованные в прошлом альтернативы, следует заметить при подведении обобщающего итога, имеют способность восстанавливаться. Предпринятый обзор охватил, безусловно, не все, но наиболее показательные, на мой взгляд, объяснительные версии. При исследовании сепаратистских проявлений и российской интегрированности перспективные возможности, на мой взгляд, предоставляет этнонациологический подход, предусматривающий разделение этнических и национальных фаз в развитии народов. В соответствии с ним выделению подлежат и переходные стадии, отражающие незавершившиеся этнополитические трансформации. Иногда такие состояния обретали в истории самостоятельное значение, что было характерно и для формирования российского согражданства. Субэтнические различия в его составе также сохранялись и проводившаяся политика в имперский период их исчезновению не способствовала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М., 2024. С. 44–45.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. М., 1990. С. 228, 280, 285.
3. Там же.
4. Там же. С. 280, 285.
5. Маркс К. Письмо З. Мейеру и А. Фогту в Нью-Йорк 9 апреля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 32. М., 1964. С. 556–557.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 4. М., 1955. С. 459.
7. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм / пер. с англ. и нем. М., 2002. С. 53.
8. Там же. С. 58.
9. Там же. С. 59.
10. Там же.
11. Там же. С. 105.
12. Там же. С. 73.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2: И–О. СПб., 1996. С. 42.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 3: П. СПб., 1996. С. 170.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2: И–О. С. 493.
16. Там же.

17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4: Н–V. СПб., 1996. С. 174.
18. Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2. М., 1995. С. 35.
19. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 209.
20. Там же. С. 186.
21. Там же. С. 186, 200.
22. Там же. С. 24.
23. Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Приложение в кн.: Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 547.
24. Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008. С. 512.
25. Там же. С. 513.
26. Курос И.Ф., Лукинов И.И., Деревянкин Т.И. Предисловие // В кн.: Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008.
27. Ильин И.А. О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь, 1991. С. 165, 272–273.
28. Там же.
29. Там же. С. 27, 174.
30. См. подробнее: Бокос Х.Х. Собрание России и современность // Патриотизм общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. М., 1996; Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996 и др.
31. Савицкий П.Н. Географический обзор России — Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. (Антология мысли). М., 2007 и др.
32. Вернадский Г.В. Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 4; Его же. Начертание русской истории. (Б/и. 1927). СПб., 2000. С. 282.
33. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2014. С. 13.
34. Там же. С. 7.
35. Там же. С. 12.
36. Там же. С. 288.
37. Виноградов В.Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (вводная к дискуссии) // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа). Армавир, 1999. С. 3–4; Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., Нарожный Е.И. «Российскость» в новейших научных изданиях Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004. С. 3–11; Виноградов В.Б., Клиторов С.Н. Концепция «российскости» на стержне северокавказского регионоведения // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. М.; Армавир, 2006. С. 11 и др.
38. См. подробнее: Сборник избранных статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008. С. 167–225.
39. См. подробнее: Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Южнороссийское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д, 2007. С. 88–101.
40. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 43, 145.
41. Там же. С. 50, 140, 143.
42. Там же.
43. Виноградов В.Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (водная к дискуссии). С. 3–4.
44. См. подробнее: Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII–XIX вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2001; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Пятигорск, 2004; Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004; Виноградов В.Б. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Армавир, 2004; Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2007 и др.
45. Бауэр О. Указ. соч., с. 76.
46. Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 563.
47. Там же. С. 558–601.
48. Гулыга А.В. Русская идея как постсовременная проблема // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 21.
49. Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 36–82.
50. Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332–351.
51. Там же. С. 347.
52. Кужелева Г.И. Нестабильность как потенциал развития // Историк и история. Сб. науч. тр. М., 2010. С. 100.
53. Там же. С. 97.

М.А. АБДУЛПАТАХОВ

(г. Махачкала, РФ)

ЯЗЫКОВЫЕ ПОИСКИ КОНСЕНСУСА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДАГЕСТАНА

Иерархическое шкалирование индикаторов национальной идентичности в нашем социологическом исследовании на первое место в общественном сознании студенческой молодёжи поставило общность языка. Действительно, язык относится к числу важнейших общекультурных фреймов, порождённых длительной социальной эволюцией. Язык, по мнению профессора Скорика А.П., находится в неразрывной связи с историей общества, с существованием любого народа, который активно использует, прежде всего, коммуникативные свойства языка. [1] Язык одновременно выступает средством этнической мобилизации и яркой презентацией души народа, или в философском смысле его самости. Язык зорко стоит на страже социальной памяти народа, хранящей огромные массивы информации, в том числе этнически мотивированной. Смыслопорождающие качества языка настолько многогранны и глубоки, что порой трудно себе представить, как например, в русском языке одновременно уживаются 20 словесных значений понятия «голова», и каждое слово, проясняющее вышеуказанное понятие, указывает на глубину языкового отражения избранного понятия. Слова, как и люди, живут порой исключительно своей собственной жизнью. Каждое поколение студенческой молодёжи в России неизменно создаёт свой характерный сленг, формирует свой словарный запас, ибо «респект» и «уважуха» явно далеки от «клёво» и «скоммуниздить».

В рамках этой языковой студенческой традиции неизменно происходит понимание «своего», «чужого», «другого». Язык является способом деятельности, и во время обучения в вузе именно эта функция языка становится очень важной, равно как и языковая функция координации. Тем не менее, язык остаётся, прежде всего, культурным явлением и без него невозможно бытие любого народа. Отношение к языку позволяет оценить человеческую сущность каждой личности, прояснить национальную идентичность.

В этой связи обращают на себя внимание три знаковых позиции наших респондентов. О том, что они отлично знают литературный язык своего народа, говорят и пишут на родном языке заявили 67,5 % опрошенных. Другая часть респондентов (23,0 %) считает, что достаточно хорошо знает разговорный (бытовой) язык, и такая ситуация её вполне устраивает. Небольшая группа студентов (7,0 %) выразила сожаление по поводу незнания языка своего народа, но тут же отметила наличие желания его выучить.

И, конечно же, в плане изучения этнической толерантности мы попытались прояснить отношение наших респондентов к русскому языку. Как оказалось, студенты вузов, охваченных выборочными опросами, отлично понимают непреходящее значение русского языка. Большинство опрошенных (64,3 %) заявили, что «русский язык — это один из мировых языков, и его нужно знать». Студенты подчеркнули коммуни-

Национальность	Всего чел.	Мы говорим на русском языке (% от представителей данного этноса)	Мы говорим на русском языке и на своём национальном языке (% от представителей данного этноса)	Для меня это не принципиально, мы не акцентируем на этом внимания (% от представителей данного этноса)
ОБЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ	600	65,2	26,8	8,0
Из них: русские	327	94,2	3,4	2,4
армяне	23	47,8	52,2	0
аварцы	67	13,4	76,1	10,4
даргинцы	47	27,7	51,1	21,3
лезгины	27	14,8	77,8	7,4
кумыки	24	20,8	54,2	25,0
лакцы	18	11,1	61,1	27,8

кативный аспект общения на русском языке, который «помогает народам России понимать друг друга» (31,7 %). На этом фоне даже мнение о том, что «в русском языке много «смачных слов», поэтому он понятен любому» (2,7 %) выглядит небольшим симпатичным и полухулиганским дополнением в общую копилку высоких оценок значения русского языка. Также заметим, что каких-либо существенных значений по результатам опроса не набрали предложенные для выбора индикаторы, изначально имевшие определённый негативный подтекст: «языки малых народов за границей не знают, поэтому я учу русский», «господство русского языка губит нашу родную речь», «я лучше учу какой-либо иностранный язык, чем русский».

Но, несомненно, отношение к русскому языку, а самое главное частота его применения в деловом и приватном общении, напрямую зависит не столько от личного желания самого человека, сколько — от его этнической принадлежности

и норм употребления языка в конкретно взятой местности, в частности, на Северном Кавказе.[2] Рассмотрим степень использования русского языка в молодёжной среде на примере изучаемых нами наиболее крупных этнических групп респондентов. Для авторского анализа используем группы численностью от 10 человек.

Как видно из вышеприведённой таблицы число семей, в которых предпочитают общение на русском языке доминирует только в этнической русской группе. Вторую по количеству группу (47,8 %) дала армянская диаспора. За долгие века проживания на российской территории, дисперсно расселившись среди русского населения, большинство представителей этой хозяйственно-ремесленной и торгово-предпринимательской нации восприняли русский язык как обязательный компонент деловой и даже приватной коммуникации. Материалы таблицы лишней раз демонстрируют, несмотря на сохранение этнической идентичности, большинство армян,

поколениями проживающих в России, со временем утрачивают знание родного языка.

Среди других крупнейших по численности этнических групп в рамках нашего проекта анализировались народы Дагестана. Наиболее многочисленны из них — аварцы, даргинцы и лезгины. Интересно, что среди этих трёх этнических групп тренд билингвизма чётко проявился среди аварцев (76,1 %) и лезгин (77,8 %). Высокий уровень употребления в личном общении только русского языка отметили даргинцы (27,7 %) и кумыки (20,8 %). Впрочем, такие высокие показатели могут объясняться ещё и тем, что в Дагестанском госуниверситете учатся, в первую очередь, дети из крупных населённых пунктов, где русский язык широко употребляется, благодаря развитой административной структуре.

Анализ по гендерному признаку свидетельствует, что мужчины более склонны к употреблению русского языка не только в обществе, но и в быту (на 68,4 % мужчин при-

ходится 63,2 % женщин). Объясняется подобная разница более глубокой задействованностью мужчин в общественной сфере, особенно в традиционных обществах. Женщина в любой культуре является носителем и гарантом, в первую очередь, традиционных ценностей, она больше противится модернизации быта и норм поведения. Это хорошо заметно, например, по инертности изменений форм женской одежды у народов Северного Кавказа вплоть до настоящего времени.

Итак, язык, выступая базовым средством социальной коммуникации, для современных студентов является непосредственной демонстрацией наличествующей культуры и воспитания в поведении личности. Именно через язык для молодых людей во многом и происходит определение национальной идентичности. Русский язык, по признанию большинства опрошенных, имеет достаточно широкую распространённость в среде представителей нерусских народов, и ему даётся взвешенная социальная оценка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гарунова Н.Н., Скорик А.П., Цыбульников А.А. Деконструкция межэтнического диалога студенчества: аналитика и материалы кросс-культурного социологического исследования / Дагестанск. гос. ун-т. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014. С. 60–642.
2. Гарунова Н.Н. Идеально-содержательные аспекты социального взаимодействия этнических групп и межэтническая повседневность студенческой молодёжи в Южно-российских вузах (на примере Махачкалы, Армавира, Новочеркасска) // В сборнике: Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. материалы III-й международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 2020. С. 106–110.

С. Б. БУРКОВ

(г. Владикавказ, РФ)

К ВОПРОСУ ОБ «ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ» ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ЦЕРЕМОНИАЛОВ ПЛЕМЕН МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ (МНО)¹ В ЗОНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ТЕРЕК

Изучение норм погребальной обрядности археологических культур, в своем большинстве, происходит по результатам раскопок древних некрополей. Не все они дошли до настоящего времени в неповрежденном состоянии. Особенно это касается захоронений МНО, заметная часть которых потревожена.

Так, например, в первоначальном состоянии не сохранились оба погребения в кургане у с. Бачи-Юрт, в Бамутском могильнике из 18 майкопских погребений положение костяков с различной степенью достоверности установлено в 11 случаях. Из 34 погребений данной культурной традиции, раскопанных в 1986, 1988–1991 г. в междуречье Ассы и Фортанга силами Предгорно-плоскостной археологической экспедиции, костяки в 11 из оказались разрушены. В курганном могильнике у с. Дзуарикау из 5 погребений МНО позиция умерших зафиксирована в 2, однако и в них ус-

тановлены следы проникновения, в Сунженском могильнике костяки не сохранились во всех 23 основных погребениях, в майкопских погребениях у с. Заманкул и с. Брут костяки также не сохранились, хотя вещевые наборы в них очень представительны, относятся к числу «элитарных». В курганах у с. Чегем, Кишпек и Кызбурун из 77 майкопских погребений в 49 случаях положения костяков были установлены с различной степенью достоверности, в 28 случаях костяки не сохранились. В расположенном неподалеку Усть-Джегутинском могильнике во всех 15 майкопских погребениях костяки не сохранились и частично реконструируется лишь в 1 случае [1].

Данные по майкопским погребениям Предкавказья в 2019 г. обобщил А.А. Клещенко. По его наблюдениям, число захоронений с установленной позицией погребенных составляет 443 случая, или 62 % от всей серии в 710 могил. Из них

¹ Данный термин используется С.Н. Кореневским в контексте общего историко-культурного, стадийного единства различных культурных групп, обладающих, по его мнению, рядом важных, знаковых, общих для них, культурных норм, с целью не противопоставлять памятники круга Майкопского кургана и новосвободненских гробниц — см.: Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 2004. С. 11, прим. 2.

для территории Чечни им учтено 34 погребения (Мекенская-2, Бачи-Юрт-2, Бамут-21 — СКАЭ), в том числе 9 — работы ППАЭ [2]. Однако в последнем случае их несколько больше: 1986 г. таких погребений было изучено 3, в 1988 г. — 4, в 1989 — 3, в 1990 — 14, в 1991 — 10. Большая часть из них уже опубликована [3]. Установить, в скольких случаях поза погребенных была реконструирована по некоторым (каким? — Авт.) признакам, данные, приведенные А.А. Клещенко, возможности не представляют. Исключение составляют 6 учтенных им случаев т.н. «расчлененных» захоронений. К тому же число потревоженных захоронений в могильниках для различных территорий довольно заметно варьирует. Вопрос о пост-погребальных манипуляциях с погребенными и отдельными частями тела пока остается вне специального анализа обрядово-погребальных церемониалов МНО. Известные на настоящее время комментарии касаются лишь нескольких эпизодов, зафиксированных в некоторых могильниках. Традиционно разрушение костяков погребенных связывается с ограблением, либо разрушением в ходе совершения впускных погребений. В качестве исключений отметим замечание Р.М. Мунчаева об особом обряде захоронения отдельных частей тела (погребения №№ 13 и 14 кургана № 12 Бамута), ссылку на это мнение И.М. Чеченова при характеристике похожего случая в погребении № 4 кургана № 2 у с. Кишпек, и два наблюдения С.Н. Корневского относительно разрушения костяка в погребении № 30 кургана № 1 у с. Комарово (возможная ритуальная деструкция) и потревоженности костяков при сохранении на своих первоначальных местах погребальных даров, связанных с ритуалами «обездвиживания» покойного или

поверьями об окончательном «завершении» земного пути лишь с утратой целостности тела [4].

Эти и другие похожие случаи пока остаются без комплексного анализа. Настоящая статья призвана в некоторой степени восполнить этот пробел. Мы проанализировали опубликованные, в границах обозначенной выше территории, сведения такого рода, и выделили наиболее часто встречающиеся ситуации. К ним относятся: т.н. «кенотафы» — нахождение в подкурганном пространстве древних артефактов без признаков погребенных; захоронения отдельных частей тела; присутствие в погребении костных остатков без их анатомического порядка, без признаков повреждения заполнения погребения или конструкций (насыпей) над ними; разрушение костяка, разбрасывание костных остатков по полу погребальной камеры, при наличии предметов заупокойного инвентаря, при фиксации следов проникновения в погребальную камеру; повторные² погребения — подзахоронения в уже существующие погребальные конструкции, с присутствием в них частей тела ранее уже погребенных в них; вторичные погребения.

Так, в погребении № 2 кургана № 2 (1958 г.) Бамутского могильника представляло собой группу отдельных костей ног, рук, таза и нижней челюсти, на которые сверху была поставлена красноглиняная «камфора» т.н. «долинского» типа. Глубина фиксации (0,6–0,8 м от верха кургана) показывает, что оно совершенно непосредственно в насыпи, а не в материковом слое (верхний уровень древнего горизонта — 1,55 м). В безинвентарных погребениях кургана № 12 (1964 г.) были найдены тазовые и бедренные кости (погребение № 13) и тазовые и одна бедренная кость (погребение № 14). Р.М. Мунчаевым специально бы-

ло отмечено, что это — намеренное погребение определенных частей тела [5]. Подобный же обряд практиковался здесь и представляется представителями культурной группы с сосудами на ножках, относящихся к финальной стадии раннего бронзового века. В погребении № 1 кургана № 1 (1958 г.), в его центре, лежали крест-накрест кости ног, ниже — кости таза, под ними — фрагменты костей ног. В погребении № 2 — отдельные кости ног и черепа. Данных о перекопе отчет не содержит. В парном погребении кургана № 2 была найдена группа костей, сложенных компактной группой и принадлежащих, видимо, захороненному первоначально: кости правой руки и ноги, фрагменты черепа и нижней челюсти. В полевом отчете отмечено: все кости были аккуратно сложены, и лежали на 0,2–0,25 м выше костяка, к которому принадлежали. Погребенный был либо потревожен, либо это — вторичное погребение. Погребения № 4 и 5 кургана № 3 (1965 г.) — захоронения отдельных частей тела — фрагментированных черепов, ног и ребер, на которые сверху были поставлены предметы заупокойного инвентаря. В отношении костей в погребении № 5 в отчете специально отмечено: «были сложены». В нем оба захоронения обозначены как основные, совершены с уровня древнего горизонта, между ними — следы тризны. Согласно чертежу бровки (разрез по СЗ–ЮВ) уровень совершения погребений — в курганной насыпи, не на материке. Насыпь и каменная кладка над погребениями повреждений не имела. Вероятно, после их совершения была сооружена кур-

ганная насыпь-I, сверху на которой и была совершена каменная кладка, однако эта последовательность раскопщиками осталась незамеченной [6].

Такие захоронения встречены и в других могильниках. В безинвентарном погребении № 4 кургана № 2 у с. Кишпек позднего этапа майкопской культуры, на аккуратно сложенных костях ног сверху были помещены фрагменты ребер и черепа [7].

В ряде случаев погребальные сооружения были использованы вторично. Это отмечено для дольменообразной гробницы в кургане № 1 Кишпекской курганной группы-II. Для проведения процедуры с верха кургана была выкопана большая яма, в которой встречены отдельные кости и керамический сосуд, а в засыпке погребальной камеры — скопления древесного тлена. Вероятно, что с этой процедурой можно связать совершение сопутствующего захоронения с престижным погребальным инвентарем, включавшем в себя предметы из золота. Отмечено, что впуская яма, зафиксированная с верхней части насыпи появилась именно в результате вторичного использования погребального сооружения. В стратиграфии кургана не зафиксированы прослойки, обкладки или иные детали, что указывало бы на 2 этапа возведения насыпи, и что между возведением гробницы и появлением грунтового погребения в районе дуговидной выкладки имелся сколько-нибудь значительный хронологический разрыв. Оба эти погребения (в камере гробницы и на погребальной площадке в районе дуговидной выкладки) синхронны, и над ни-

2 В некоторых работах встречается термин «вторичные захоронения», что в данном случае неточно отражает саму процедуру погребальной манипуляции с останками погребенного. К ним относятся захоронения костных останков после того, как мягкие ткани либо истлевают, либо счищаются с костей механическим способом. Наиболее типичный случай — т.н. «пакетные» погребения.

ми был возведен общий курган. По мнению И.М. Чеченова, имеются достаточные основания полагать, что между первичным погребением в гробнице и вторичным её использованием для парного захоронения не было сколько-нибудь значительного хронологического разрыва, выходящего за рамки единого этапа определенной культуры. Хронологический разрыв составлял не более нескольких десятилетий [8].

Иногда для совершения вторичного погребения производились определенные приготовления, в процессе которых находившиеся в них ранее останки умерших сдвигались со своих мест, костяки фрагментировались. В захоронении №34 кургана №2 могильника «Самашкинские курганы» среди камней выкладки короткой ЮЮЗ стенки присутствует нижняя челюсть взрослого мужчины, а на дне, в Ю углу — часть бедренной кости, ещё 2 небольших фрагмента костей лежали отдельно вдоль СЗ и ЮВ стенок. При этом никаких следов перекопа, либо ограбления заполнения ямы погребения не содержит [9]. Аналогичная ситуация была зафиксирована в основном погребении №2 кургана №3 у с. Кишпек, где остатки костяка из более раннего майкопского погребения, лежавшие вплотную к одной из сторон каменной обкладки ямы первичного погребения, были обнаружены под ней. В дальнейшем и оно подверглось разрушению. Для подзахоронения в яме первого (основного) погребения с самого верха была совершена «врезка», границы которой точно совпали с расположенной внизу конструкцией. При этом формы ям (впускная — подпрямоугольная, первичная — округлая) не помешали строителям точно совместить их. И в этом случае отмечено, что между этими событиями не было большого хронологического разрыва [10].

В ряде случаев, в качестве сопутствующих «подношений» покойному, выступало захоронение отдельных частей тела или погребенных. Например, в южном углу погребальной площадки центрального погребения №9 кургана №22 могильника «Ассиновские курганы» (основное для курганной насыпи — I) находился человеческий череп. Впускными в курганную насыпь — I являются погребения №№2 и 3 с майкопской керамикой [11]. Подобный обряд был зафиксирован и материалами кургана №3 Сунженского могильника, где сверху на каменной вымостке погребения МНО, по её краям, были зафиксированы отельные кости человека, бронзовый нож и каменный оселок [12]. При совершенных сверху, на галечной отмостке, центрального погребения №4, захоронениях №№2 и 3 кургана №1 Самашкинского могильника (работы 1991 г.) были найдены кремневые отщепы и керамический сосуд [13]. Вероятно, такая же группа сопутствующих погребений (№№1 и 2) сопровождала подготовительные мероприятия при строительстве основного погребения №3 в кургане №5 того же могильника.

На камнях внешней выкладки центрального погребения №42 кургана №1 группы-I могильника «Бамутский поворот» (1986 г.), конструктивно напоминающего основное погребение кургана №1 у с. Комарово, были зачищены погребения №№25,29 и 30, размещенные по кругу, на камнях кромлеха, прилегающего к краям выкладки, в которых костяки располагались скорченно, на левом боку, с ориентировкой в Ю (№25) и В (№№29,30) сектора. По мнению раскопщиков, они могли иметь отношение к центральному погребению [14].

В ряде случаев фиксируется нахождение умершего в погребальном сооружении, но без заполнения ямы

погребения грунтом, или камнем и сооружения над ним погребальной насыпи. В частности, это отмечено для центрального погребения кургана №1 у с. Комарово. Об этом свидетельствуют прослойки грунта, образовавшиеся в результате последующих манипуляций на завершающей стадии формирования курганной насыпи. В самом погребении костяк не обнаружен, и только в галечном выбросе присутствовали отдельные человеческие кости. При этом никаких свидетельств перекопа зафиксировано не было. С.Н. Корневский предположил, что в данном случае могла иметь место ритуальная деструкция, совершенная после завершения погребения или до возведения насыпи кургана. Кроме того, установлено, что каменная вымостка центрального погребения №30 перекрыла погребения №№33,34 и яму с костями животных. С.Н. Корневский отметил, что в данном случае перед нами — сложный обряд одновременного захоронения «некоего лица (лиц?) в могиле 30 и двух (его сопровождающих?) людей в подбойных катакомбных могилах, с одновременными принесением в жертву быков» [15].

Безинвентарное, основное для курганной насыпи — I погребение №42 кургана №1 могильника «Бамутский поворот» группы-I (раскопки ППАЭ 1986 г.) — яма подпрямоугольной в плане формы, сложной конструкции, с использованием в конструкции камня, было сооружено в материковом грунте, с уровня древней погребенной почвы. Заполнение в верхней части состояло из речных валунов, в нижней — из рыхлой сухой супеси, с включением камня, где встречались и отдельные кости погребённого, который изначально располагался на узком земляном выступе вытянутой формы в центральной части ямы, примыкавшей к одной из коротких стенок. На

нём лежали лишь отдельные мелкие кости, еще некоторая их часть была обнаружена в заполнении ямы, ближе к дну. Следов перекопа или ограбления не отмечено, грунт заполнения рыхлый, без затеков и уплотнений, сохранившиеся в верхней части заполнения деревянные плахи перекрытия частично истлели, но не были повреждены. Сверху, в южной части выкладки, с её внутренней стороны, были найдены остатки костяка, размещенного на камнях и слое истлевшего дерева [16].

В нескольких случаях присутствует полная фрагментация костяка умершего, при сохранении вещевого набора и отсутствии перекопа курганной насыпи. Так, центральное погребение №27 кургана №1 группы-III могильника «Бамутские сады» представляла собой площадку прямоугольной в плане формы, сооружённой на уровне древней дневной поверхности, ограниченной по периметру деревянными плахами. Погребальный инвентарь включал в себя 2 сосуда и комбинированное орудие — шило-долото. От костяка сохранились отдельные кости: часть таза, ребро, часть позвонков и фаланга пальца. Погребение находилось прямо под центральной частью бровки. Судя по её профилю, не имевшей следов перекопа, после завершения всех погребальных церемониалов оно было консервировано курганной насыпью-I. Следов последующего проникновения с целью ограбления курганная насыпь не содержит. Судя по всему, погребальная площадка некоторое время не имела засыпки грунтом. Ограбление как причина утраты целостности костяка исключается [17].

В центральном погребении кургана №6 могильника «Чегем-I», в заполнении, среди скопления камней, найдены разрозненные человеческие кости и фрагменты кера-

мики. Над погребением — каменный курганчик диаметром 5 и высотой 1,5 м, без следов нарушения целостности кладки. Подобная же картина присутствовала в центральном погребении кургана №13, как и в центральном погребении кургана №18. Кроме того, здесь на глубине 3,2 от РЦ (при высоте кургана — 3,2 м, т.е. — на уровне древнего горизонта. — С.Б.) найдено несколько человеческих костей и бронзовый черешковый кинжал. В центральной части насыпи, над этими находками и ямой погребения — каменный навал округлой формы, он начинался от вершины кургана и доходил почти до уровня древнего горизонта. Никаких перекопов в нем не зафиксировано [18].

Такие же погребения были зафиксированы и в Бамутском курганном могильнике. Центральная часть кургана №1 (СКАЭ, 1965 г.), высотой 3,2 м, состояла из булыжника. Под каменной насыпью, в центре, на уровне древнего горизонта — могила, дно выложено слоем гальки, по периметру — крупный булыжник. В различных частях найдены зубы и обломки ребер, в центре, ближе к западной стенке, лежали *in situ* 2 кости, рядом — мелкие обломки других костей. О черепе данных нет. Относится к числу элитарных (найденны бронзовый вотивный топорик и котел, золотые височное кольцо и 2 обоймицы, 4 глиняных сосуда, в т.ч. — мисочка — между камнями). Следов разрушения выкладки, или курганной насыпи, нет. Причиной разрушения костяка Р.М. Мунчаев назвал действия грызунов. Однако в отсутствии следов разрушения курганной насыпи, а также засыпке погребения слоем булыжника подобный разброс костей погребенного на площади 4,1 × 3,0 м возможен лишь при условии, если они находились в таком положении изначально, до формирования каменной насыпи.

Курган №15 (№2 1965 г.). Высота 2,9 м. Центральная часть кургана сложена из крупных булыжников. Основное погребение — под центром, дно выложено галькой, края укреплены несколькими рядами камней. Умерший и инвентарь положены в 3 части могилы по оси С-Ю. В ЮЗ части, где на площади 1,15 × 0,8 м открыты остатки костяка: сильно истлевший череп, обломки костей грудной клетки, рук, ног и таза. Относится к числу элитарных (4 литые височные кольца из золота, серебряная игла, 2 фрагмента серебряного предмета, 2 бронзовых ножа-кинжала, 1 бронзовое «шило», 2 глиняных сосуда). Данных о повреждении курганной насыпи нет, погребение засыпано крупным булыжником [19].

При «ограблении» центрального погребения в кургане №3 у с. Брут, которое произошло уже после обрушения перекрытия и заполнения полости погребения грунтом, в грабительском лазе не зафиксировано ни одного предмета или кости, хотя вся центральная часть ямы погребения оказалась затронута этим событием. По углам, либо вдоль стенок никаких предметов, погребального инвентаря, или их частей также не отмечено. Проникновение в центральное погребение №70 кургана №1 у с. Заманкул было совершено в древности, также через боковую штольню, когда его перекрытие ещё не обрушилось. В ней были зафиксированы фрагменты костей двух погребенных. По наблюдению раскопщиков, «грабители»³ «явно свободно передвигались по пространству могилы. В то же время, отмечено, что погребальный инвентарь (явно не рядовой) сохранился благодаря обрушению на него камней обкладки стены, а изъяты были какие-то более ценные предметы. Обрушение перекрытия, состоящее из двух накатов бревен, состоялось

после этого события. Чертеж ямы погребения не демонстрирует следов разрушения. Насколько прокопанный в неё боковой вход мог способствовать этому — неясно. Древнее проникновение в центральное погребение №60 кургана №2 того же могильника произошло также при помощи боковой штольни, однако вторичный перекоп, идущий с самого верха кургана, не дает возможности уточнить характер первичного события. Но окончательное завершение строительства кургана, как и в предыдущих двух случаях, произошло уже после «проседания» верхней части насыпи — I. Процедуры, связанные с формированием насыпей заманкульских курганов, демонстрируют сложные ритуальные действия, которые не были завершены «одномоментно», а показывают процесс, включающий в себя несколько последовательных действий. По мнению С.Н. Корневского и В.Л. Ростунова, проникшие в погребения «знати» люди вполне могли быть и самими «майкопцами». При этом авторы публикации вновь усомнились в том, возможно ли применение к ним термина «грабители» [20].

Основное погребение №5 кургана №12 могильника «Ассиновские курганы» представляло собой ямы подквадратной в плане формы с заovalенными углами, размерами 2,47 × 2,26 м, вырытое в материке с уровня древнего горизонта, глубина первичной фиксации — 1,5 м от РЦ, СЗ угол — под центром центральной бровки, следов перекопа в бровке не отмечено. Заполнение ямы — материковая галька, песок и грунт древнего горизонта. Отдельного участка перекопа, либо зо-

ны уплотненного грунта, при его выборке не отмечено. Погребение №4 (кенотаф, следов костей не обнаружено) «село» сверху на погребение №5, отметка нижнего уровня фиксации находок — 1,19 м от РЦ. Фрагменты костей и сосуда обнаружены в СВ секторе, на дне. Разница в глубинах между нижним уровнем фиксации погребения №4 и верхним — №5 составляет 0,3 м, а с отметкой дна (– 2,37 м от РЦ. — С.Б.) – 1,18 м. Поэтому причиной разрушения костяка и сосуда центрального погребения помещение в курганную насыпь комплекса находок, обозначенного как погребение №4, быть не могло. Отдельные человеческие кости, встречавшиеся при выборке грунта заполнения возле дна центрального погребения, на наш взгляд, могут быть связаны с манипуляциями с телом умершего и сопровождающим его инвентарем в ходе засыпки ямы грунтом и завершения формирования курганной насыпи-I [21].

Основное погребение №15 кургана №5 могильника «Ассиновские курганы» было совершено в материковой гальке, в обширной яме подквадратной формы, в которую вставлен деревянный короб, перекрытый тесаными плахами. Участок уплотненного грунта (яма перекопа), размерами 1,23 × 1,42 м — в Ю углу погребальной конструкции, где были встречены отдельные кости подростка 12–14 лет. Инвентарь — 2 сосуда — в С углу ямы, проникновением не затронуты. Грунт заполнения на остальной площади ямы — рыхлая супесь, без следов перекопа, перекрытие «просело» внутрь ямы, следов его разрушения не зафиксировано, между стенками ямы

3 Данный термин был употреблен авторами публикации с вопросительным знаком, что демонстрирует сомнения в подобных намерениях древних людей.

и деревянным коробом — рыхлая засыпка [22].

Основное погребение № 13 насыпи-I кургана №6 того же могильника представляло собой яму неправильно-овальной в плане формы, вырытой в материковой гальке, обложенной по периметру крупным булыжником, в СЗ и СВ частях — разрушена в результате проникновения в захоронение в древности, инвентарь — 4 сосуда в погребении и столько же — в комплексе № 1 за его пределами, все сильно фрагментированы, восстановлены частично. Фрагменты сосудов в погребении размещались в зоне перекопа, размерами 1,9 × 1,5 м, в С углу ямы, часть фрагментов — в стенке, между камнями⁴. Костяк не выявлен, в перекопе и на дне погребения не отмечено даже мелких фрагментов костей [23].

Курган №9 Бамутского могильника (1961 г.). В центральной части курганной насыпи, на глубине 1,6–1,8 м (высота кургана 2,25 м) — каменная вымостка диаметром около 7,5 м, сложенная из нескольких рядов булыжника. На этом же уровне — кромлех. Основное погребение №9 было совершено под центром насыпи, на уровне древнего горизонта, засыпано мощным (до 0,8 м) слоем суглинка, перекрытым сверху каменной вымосткой. Специального могильного сооружения не было. В центре, на площади 2,0 × 1,5 м найдены предметы из бронзы и керамика: 2 ножа-кинжала, шило, котел, орудие-крюк, каменный жезл и ступка, 2 сосуда. Все они были специально разложены и находились на уровне древнего горизонта. Никаких следов костяка нет. Следов ограбления или разрушения не отмечено. Р.М. Мунчаев предположил, что здесь мы имеем дело с могилкой типа кенотафа [24]. Погребение №1 кургана №2 могильника «Чегем-II» представляло собой вы-

кладку из мелкого галечника белого цвета, на которой сверху размещался майкопский сосуд. Следов костяка нет. И.М. Чеченов предположил, что это могила — «кенотаф». В курганах №№4 и 5, при наличии каменных обкладок насыпей и т.н. «кромлехообразных» поясов никаких признаков погребений (предметов инвентаря, человеческих костей) не было [25].

Погребение №8 кургана №3 могильника «Самашкинские курганы» представляло собой площадку подквадратной в плане формы, размерами 1,5 × 1,5 м, выложенную галькой. Центральная и восточная её части уничтожены при сооружении впускного погребения №40. Первоначальное положение костяка, располагавшегося в ЮЗ углу выкладки — скорчено на правом боку, ноги и руки сильно согнуты, ориентирован в 3 сектор. Кости плохой сохранности, кроме длинных костей других в погребении нет, как черепа и зубов. Судя по расположению сохранившихся костей рук (почти вплотную к стенке погребения, ограниченного деревянной плахой, идущей по всей длине СЗ стенки), череп при таком положении выходил бы за границы площадки. Почти аналогичный случай был зафиксирован в погребении №8 большого Кишпекского кургана, однако здесь для того, чтобы не убирать череп, который «выходил» за границы погребального сооружения, часть стенки была просто удалена, либо сознательно не достроена [26].

Какие выводы можно сделать из приведённых выше примеров? Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в ряде случаев, для совершения вторичного захоронения выбирались уже существующие погребальные конструкции. Вместо того, чтобы сооружать новое погребение, что гораздо проще технически и менее трудозатратно,

в курганной насыпи вновь выкапывалась большая яма, предыдущее погребальное сооружение «доставлялось», и в нем происходила процедура нового захоронения. При этом «раскопщики» точно знали, где следует копать для того, чтобы точно «попасть» на контур искомого погребения. С чем это могло быть связано? Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с представлением об «облегчении» пути в «верхние миры», которые уже прошел погребенный ранее представитель их этнического сообщества. Этим же можно объяснить и другие способы вторичного использования ранне построенных погребальных сооружений, которые в ряде случаев не засыпались грунтом вплоть до полного освобождения костей от мягких тканей усопших. В значительной части случаев они представляют т.н. «элитарный» сегмент погребенных, с предметами социального престижа из бронзы и драгметаллов. Компактной группой считаются захоронения, в которых костяки и погребальный инвентарь представлены лишь фрагментами, однако насыпи над ними, включая каменные наброски или небольшие компактные «курганчики» никаких следов проникновения не имеют. В других случаях, при идентичной сохранности верхних слоев, костяки полностью разрушены, но погребальный инвентарь сохранился. Эти две условные группы объединяет полная фрагментация костяков.

Обратившись к теме преднамеренной порчи погребального инвентаря, в частности — сосудов, С.Н. Корневский заключил, что обычай разбивать его, или ставить уже разбитым в погребение в майкопской культуре не раз имел мес-

то. Эта традиция фиксируется и в некоторых неолитических погребениях, а также у племен протоямной КИО. Ритуал, связанный с порчей сосуда, вероятно, имел связь с идеей т.н. «реинкарнации» души умершего сородича. Традиции использования в погребальном обряде порченной посуды, после исчезновения носителей МНО, перешли к племенам эпохи средней бронзы, которые не все были потомками майкопского населения [27]. По В.С. Ольховскому, поминальная обрядность обладает своей собственной структурой, идентичной структуре обряда погребального. Они начинают осуществляться через определенное время после смерти человека, продолжают осуществляться в ходе нередко многодневного процесса захоронения и заканчиваются иногда через несколько десятков или даже сотен лет после окончательного захоронения останков [28].

Идеи, связанные с причинами «ограблений» погребений в древности, рассмотрел Ю.Н. Кузьмин. По его мнению, подобные действия могли производиться как представителями чужеродной культуры (ритуальное «осквернение»), так и соплеменниками умершего в рамках ритуалов «изъятия» вещей из могилы и возвращения их представителям рода. Могилы вскрывались во время погребальных обрядов посредством определенных манипуляций с костями умерших с целью установления связи между живыми и умершими. Кроме того, места захоронений могли посещаться во время церемониалов, не относящихся, собственно, к погребальным, но связанным с потусторонним миром, а вещи, изъятые при этом, могли служить амулетами или ис-

4 В центральном погребении кургана №1 (1965 г.) Бамутского могильника, среди камней выкладки — крепида северной стенки могильной ямы, был найден небольшой сосуд типа миски — см: Сунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века... с. 289, рис. 65,2, с. 301.

пользоваться для последующих захоронений⁵. Поэтому далеко не все могилы, в которых найдены разрушенные костяки, части скелетов или их обломки, следует относить к разряду ограбленных. Это могли быть захоронения после ряда специальных операций, связанных с очищением костей от тканей. То, что такие обычаи существовали в древности, документировано не только этнографическими, но и археологическими источниками [29].

Посмертные манипуляции с телом погребенного проанализированы в диссертационном исследовании О.В. Зайцевой. В нем, помимо детализации многих вопросов, приводится и ряд наблюдений, касающихся, в том числе, т.н. ограбления и «ритуального вскрытия» могил, связанных с манипуляциями в рамках обряда «обезвреживания» покойного, куда входят также ритуальные «осквернение» и «ограбление». Ею отмечено, что подобные действия, в рамках финальной погребальной церемонии, производились с целью установления связи между живыми и мертвыми посредством определенных манипуляций с костями. Вторичный обряд очень

ярко демонстрирует универсальные для традиционного сознания представления о существовании различных «фаз» смерти. В этом случае «обыгрывается» универсальная оппозиция «плоти и кости». Повторное захоронение костей служит «залогом» постоянного обновления жизни. Возможность такого обряда оказывается потенциально заложенной в любом традиционном обществе. Этот обряд обнаруживается в сообществах, не имеющих никакой стадильной или культурной близости. Мотив же расчленения и «освобождения» перекликается с идеей креативного жертвоприношения. Идея жертвоприношения — разъятия на части, складывания и оживления является универсальным моментом всякого ритуального процесса вообще [30].

Представленные в настоящем исследовании археологически засвидетельствованные посмертные манипуляции с умершими и погребальным инвентарём МНО, на наш взгляд, убедительно показывают, что трактовки подобных захоронений только в рамках «стандартных» представлений должны быть серьезным образом скорректированы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марковин В.И. Археологические разведки в восточных районах Чечни // КСИА. Вып. 93. М.: ИА АН СССР, 1963. С. 63–65; Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М. ИА РАН, 1993. С. 36–42, 67, 82, 83; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе: СОГУ, 1980. С. 21–31; Корневский С.Н., Ростунов В.Л. «Большие» майкопские курганы у с. Заманкул в Республике Северная Осетия // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Тезисы докладов и сообщений конференции памяти М.П. Грязнова. Книга I. СПб.: ГЭ, 2002. С. 167–169; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. С. 320; Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА.

5 Не с этим ли обрядом было связано оставление предметов, ранее уже использованных в погребальных ритуалах, среди камней обкладки стенок могил — например, мисочки в центральном погребении кургана №1 (1965 г.) у с. Бамут — см.: Мунчаев Р.М. Кавказ на заре..., с. 301. Ещё один показательный случай — помещение в погребение №4 могильника №4 у с. Бельты, относящееся к сарматской эпохе, набора каменных орудий эпохи неолита — см.: Петренко В.А. Отчет о раскопках Бельтинского 4-го могильника в 1981 году (Чечено-Ингушская АССР) // Виноградов В.Б., Петренко В.А., Березин Я.Б., Савенко С.Н. Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 году. Грозный: 1982 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №8710 «а». с. 4, рис. 8.1, рис. 9, 7, 9.

1966. № 3. С. 133–151; Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова Думка, 1978. С. 23–29; Кореньевский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: ИА РАН, 2004. С. 50, 55; Бетровозов Р.Ж., Нагоев А.Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем-I, Чегем-II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1. Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 7–40; Мизиев И.М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун-III // там же, с. 88–97; Батчаев В.М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // там же, с. 112–163. С. 113, 115–122, 128–130; Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем-II // там же, с. 165–178, 182–192.
2. Клещенко А.А. Новейшие исследования погребений майкопской культуры в Баксанском ущелье и их интерпретация // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М.: ИА РАН, 2019. С. 137, с. 145, табл. 1, с. 153.
 3. Бурков С.Б. Новые материалы по археологии эпохи бронзы правобережья р. Сунжа // Ритмы истории. Сборник научных трудов. Вып. 2.1. Археология, этнография, фольклор. Владикавказ, СОГУ, 2004. С. 40–52; Кореньевский С.Н., Бурков С.Б. О древностях энеолита и раннего бронзового века из раскопок в Чеченской Республике в 1988–1991 гг. // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Центральной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М., ИА РАН, 2014. С. 66–71, 73, 76, 79, 82. Бурков С.Б. Погребение майкопской культуры из раскопок ППАЭ 1986 г. // «Северный Кавказ в историческом и археологическом измерении». Материалы XXIV международного семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Армавир: АГПУ, 2022. С. 68–75. Бурков С.Б. Основные погребения майкопской КИО в среднем течении р. Сунжа // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. Майкоп: Качество, 2022. С. 32–33. Бурков С.Б. Погребение подростка майкопско-новосвободненской общности (МНО) из раскопок ППАЭ 1986 г. // XVIII Чтения по археологии Средней Кубани (Тезисы и доклады). Армавир: АГПУ, 2022. С. 4–7. Бурков С.Б. Материалы МНО из кургана №6 могильника «Ассиновские курганы» (работы 1990 г.) // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь: М.: Печатный Двор, 2023. Вып. 16. С. 79–88; Бурков С.Б. Центральное погребение кургана №5 могильника «Ассиновские курганы» // XIX Чтения по археологии Средней Кубани. (Статьи и тезисы докладов). Армавир: Дизайн-студия Б. 2023. С. 4–8; Бурков С.Б. Погребения майкопско-новосвободненской общности (МНО) из раскопок ППАЭ 1989 г. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 14. Ставрополь: СКФУ, «Печатный двор», 2022. С. 76–85; Бурков С.Б. Погребения эпохи бронзы из кургана №22 могильника «Ассиновские курганы». Публикация материала // Вестник АН ЧР, 2023. № 3. С. 69, рис. 3, 4, с. 72, рис. 11, 5, 6.
 4. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века..., с. 297–300; Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем-II..., С. 179, рис. 14, 7, с. 183, 184, 222; Кореньевский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. С. 19; Кореньевский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. С. 55.
 5. Крупнов Е.И., Милорадович О.В., Мунчаев Р.М., Марковин В.И. Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции 1958 года. М.: 1959 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1818. С. 113, рис. 133; Мунчаев Р.М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (Из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 года) // КСИА. Вып. 84. М.: 1961. С. 56, 57; Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века..., с. 287, 299; Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., Наука, 1986. С. 29; Мунчаев Р.М., Сариниди В.И. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. Вып. 98. М.: Наука, 1964. С. 56–58.
 6. Крупнов Е.И., Милорадович О.В., Мунчаев Р.М., Марковин В.И. Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции 1958 года. М.: 1959 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1818. С. 109–111, № 1818 «б», рис. 61; Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Полный научный отчет о работе 4-х отрядов Северо-Кавказской археологической экспедиции в 1965 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3122. С. 119, 120; Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках..., с. 29, рис. 1, 3, с. 31, 32.
 7. Чеченов И.М. Вторые курганные группы..., с. 183, 184, с. 179, рис. 14, 7.
 8. Там же, с. 171–177.
 9. Кореньевский С.Н., Бурков С.Б. О древностях энеолита и раннего бронзового века..., с. 71, рис. 7.
 10. Чеченов И.М. Указ. соч., с. 191, рис. 23, с. 192.
 11. Бурков С.Б. Погребения эпохи бронзы..., с. 71, рис. 10, с. 81.
 12. Кореньевский С.Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.: СГЭМ, 1993. С. 40.

13. Корневский С.Н., Бурков С.Б. Указ. соч..., с. 69, рис. 5, с. 80, рис. 14, А.
14. Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Отчет о раскопках курганов на орошаемых землях совхоза «Новосельский» Ачхой-Мартановского района в 1986 г. Грозный, 1987 // Научно-отраслевой архив ИА АН РАН. Ф.–1. Р.–1. №№ 11727. С. 103–106, 119, 121; Бурков С.Б. Основные погребения майкопско-новосвободненской общности (МНО) так называемого «галюгаевского» типа из Чеченской Республики и РСО – Алания: общее и особенное // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 3. СПб.: Реноме, 2022. С. 263, рис. 2.
15. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 2004. С. 19, 20.
16. Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Указ. соч..., с. 119–122; Виноградов В.Б., Савенко С.Н. Указ. соч..., № 1127 «а», рис. 176–186; Бурков С.Б. Основные погребения МНО т.н. «галюгаевского» типа..., с. 260, 261, 264, рис. 3, с. 265.
17. Бурков С.Б. Отчет о раскопках курганов в зоне II-й очереди Ассиновской мелиоративной системы (АМОС) на орошаемых землях совхоза «Бамутский» Ачхой-Мартановского района ЧИАССР в 1989 году. Грозный: 1990 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф.–1. Р.–1. №№ 14105. С. 177–181, рис. 396; Бурков С.Б. Погребения майкопско-новосвободненской общности (МНО) из раскопок ППАЭ 1989 г..., с. 78–80, 83, рис. 1.
18. Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х. Указ. соч..., с. 11, 12, 14–16.
19. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века..., с. 300, 301.
20. Корневский С.Н., Ростунов В.Л. Большие майкопские курганы у с. Заманкул // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти В.В. Волкова. М.: ИА РАН, 2004. С. 149, рис. 2, с. 152, рис. 5, 1, с. 153–155, 160, 165.
21. Бурков С.Б. Отчет о раскопках курганов в зоне реконструкции (консервации) 2-й очереди Ассиновской оросительной системы на орошаемых землях колхоза им. XX партсъезда Сунженского района и совхоза «Орджоникидзевский» Ачхой-Мартановского района ЧИР в 1990 г. Грозный: 1991 // Научно-отраслевой архив РАН. Ф.–1. Р.–1. № 15757. С. 151–155; Бурков С.Б. Новые материалы по археологии эпохи бронзы правобережья р. Сунжа..., с. 44, 45, рис. 2, с. 49, рис. 7.
22. Бурков С.Б. Отчет о раскопках курганов в зоне реконструкции (консервации) 2-й очереди Ассиновской оросительной системы на орошаемых землях колхоза им. XX партсъезда Сунженского района ЧИР в 1990 г..., с. 219–223; Бурков С.Б. Центральное погребение кургана №5 могильника «Ассиновские курганы»..., с. 6, табл. 1.
23. Бурков С.Б. Отчет о раскопках курганов в зоне реконструкции (консервации) 2-й очереди Ассиновской оросительной системы на орошаемых землях колхоза им. XX партсъезда Сунженского района ЧИР в 1990 г..., с. 115–117; Бурков С.Б. Материалы МНО из кургана №6 могильника «Ассиновские курганы (работы 1990 г.)», с. 81, 85, табл. 1.
24. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре..., с. 287, 292, 293–296, 299.
25. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем-II..., с. 199, 201, 202.
26. Мизиев И.М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун-III..., с. 93, рис. 4,1; Корневский С.Н., Бурков С.Б. Указ. соч..., с. 77, рис. 12, 2, с. 82.
27. Корневский С.Н. Традиция порчи сосуда по данным археологии Предкавказья // История, археология и этнография Кавказа. Том 47. №4. 2021. С. 895, 896.
28. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА.1993. №1. С. 87.
29. Кузьмин Н.Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Сборник научных трудов. СПб.: ГМИР (Государственный музей истории религии), 1991. С. 146–148, 150.
30. Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: втореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. С. 23, 24, 26.

В.Н. ДОЛГОВ, Д.С. КРЮКОВ, А.Л. ПЕЛИХ

(гг. Краснодар, Армавир, РФ)

КАМЕННЫЕ МОТЫЖКИ С ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЫЙ АХУН 1

Осенью 2023 г. археологической экспедицией ООО «Кубаньохран-культура», под руководством авторов настоящего доклада, были проведены охранно-спасательные археологические раскопки на территории поселения «Малый Ахун 1». Поселение расположено в Хостинском районе города-курорта Сочи, на левом берегу р. Агура, у юго-западного подножия горы Ахун, севернее автомобильной трассы А–147 (Е97) Туапсе–Сочи–Цандрыпш (Абхазия).

На участке, на котором расположен памятник археологии, в начале 2000-х годов строили аквапарк. Строительные работы не завершились. Стратиграфические профили нашего раскопа обозначили сильное повреждение культурного слоя, преобладание техногенных переотложенных слоев, достигавших в ряде секторов двухметровой толщины. В восточной и юго-восточной части раскопа слои срезаны, западная часть раскопа засыпана переотложенной глиной. В целом, рельеф исследованной местности был сильно изменен, относительно ее первоначального вида, в 1990-х – 2000-х гг.

В процессе исследований было расчищено 10 объектов. Из них — 6 хозяйственных ям округлой или около округлой формы, 3 скопления фрагментов керамических сосудов и остатки каменного основания фундамента постройки. Обширный археологический материал, обнаруженный в процессе раскопок, представлен в абсолютном большинстве фрагментами керамических сосудов. Обнаружены также строитель-

ная керамика и ряд предметов из металла и камня.

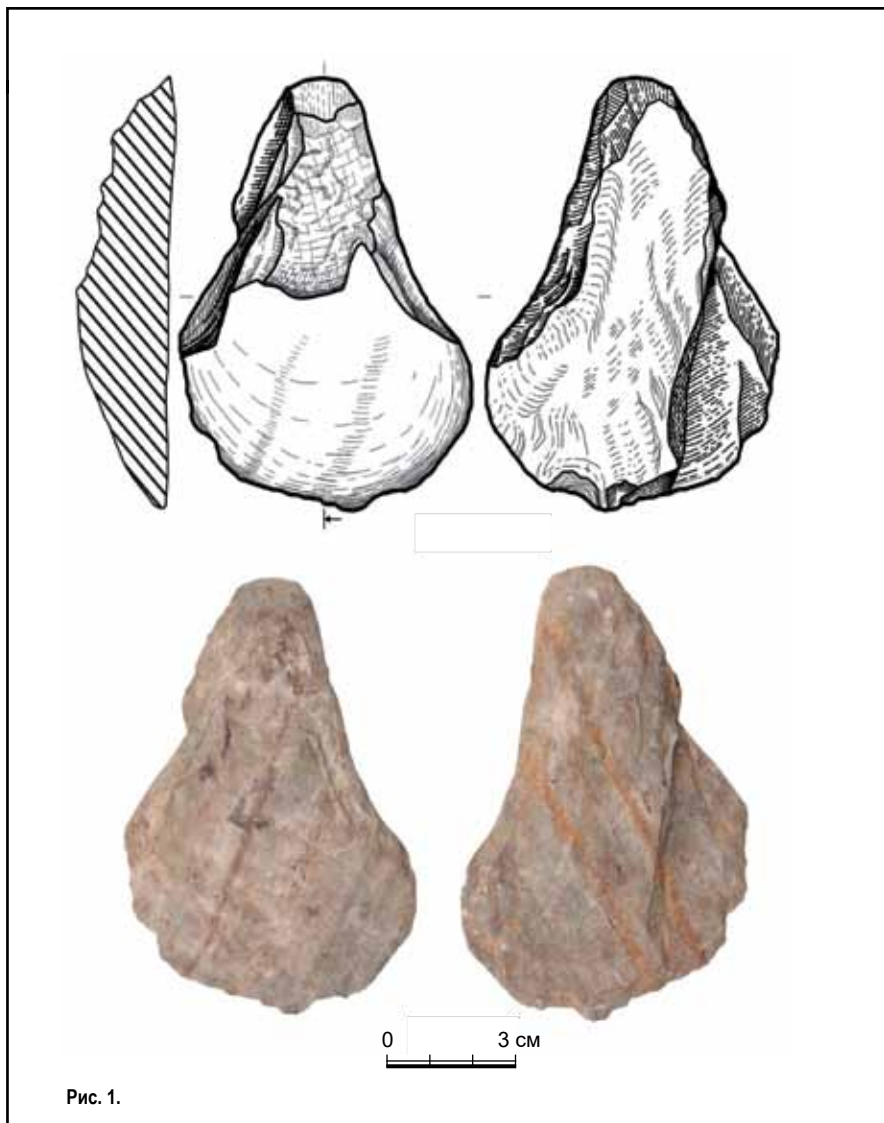
На основании полученного материала поселение датируется эпохой средневековья, периодом IX(VIII) – XII вв. Аналогии найденных предметов из металла и камня, а также фрагментов керамики есть в поселенческих и погребальных ранне-средневековых памятниках по всему Северо-Восточному Причерноморью и территории современной Абхазии.

Вместе с тем, в раскопе были обнаружены единичные предметы, явно не относящиеся к слою эпохи средневековья. Они найдены в наносном слое памятника, который был сформирован в постсоветский период с использованием привезенного из неизвестных мест грунта.

Здесь были зафиксированы две каменные мотыжки т.н. типа «Сочи-Адлер».

Каменная мотыжка №1 (рис. 1). Изготовлена из расколотого вдоль камня, на одном конце которого грубыми сколами сформирован черешок. Другая сторона — это рабочая поверхность округлой формы, с незначительными следами обработки. Высота 10,3 см, ширина в средней части 4,8 см, толщина 2,5 см. Ширина рабочей поверхности 8 см.

Каменная мотыжка №2 (рис. 2). Изготовлена, как и предыдущая, из расколотого вдоль камня, на одном конце которого грубыми сколами сформирован черешок. Другая сторона — это рабочая поверхность округлой формы, с незначительными следами обработки. Высота 16,3 см, ширина в средней части 9,3 см, тол-

щина 3 см. Ширина рабочей поверхности 9 см.

Подобные мотыжки достаточно давно известны специалистам с территории современной Абхазии и Большого Сочи, первоначально датируясь различными исследователями неолитом — ранними этапами бронзового века [1]. В последнее

время подобные мотыжки обнаружены при раскопках целого ряда стационарных памятников бронзового и начала раннего железного веков на территории современной Абхазии и на Имеретинской низменности, и обычно датируются концом эпохи поздней бронзы. Их бытование связывается с начальными

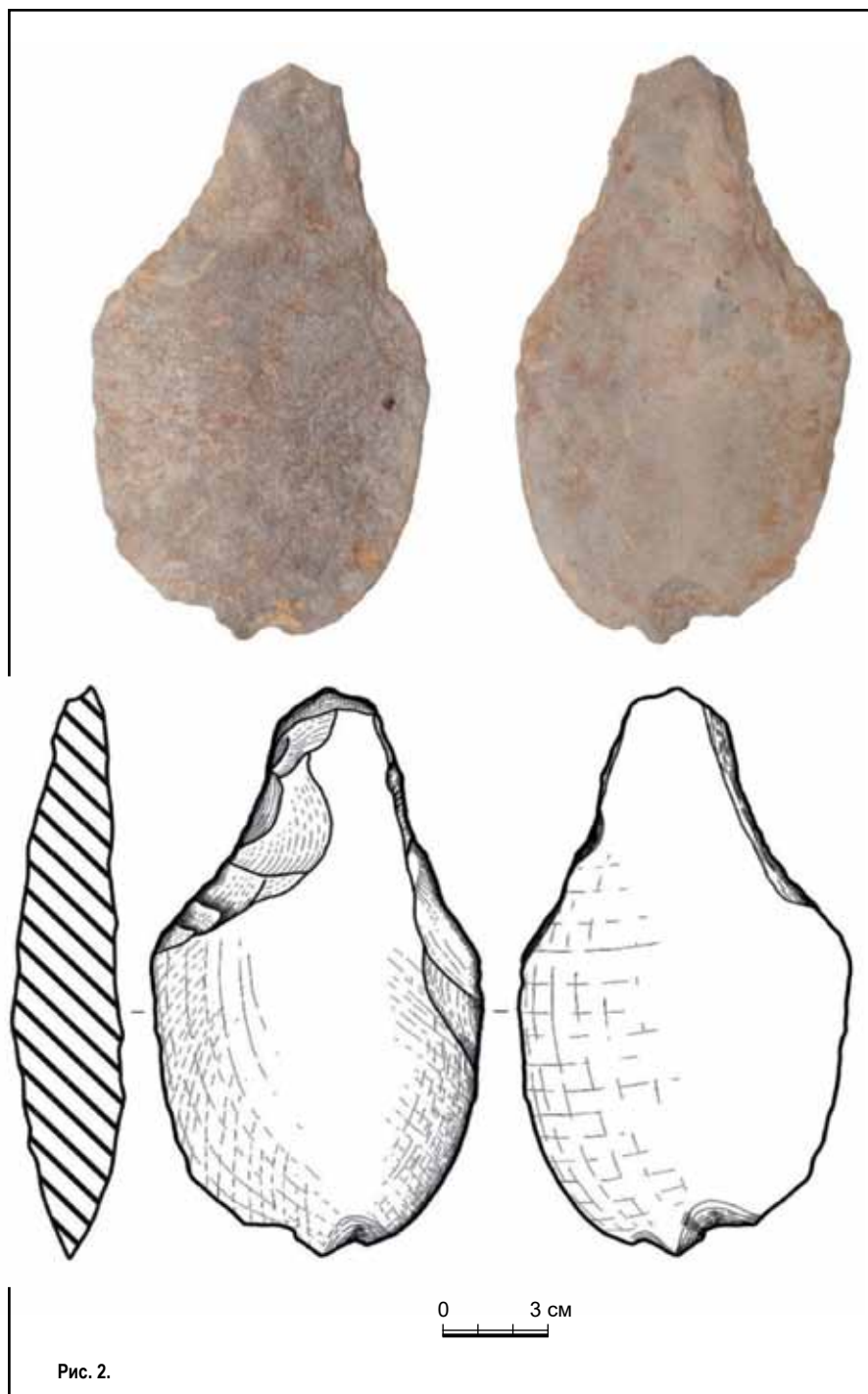

Рис. 2.

этапами развития колхидской общности. То есть, время бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» можно определить в широких пределах второй половины II – начала I тыс. до н.э. [2]. Кроме того, есть данные о существовании каменных мотыжек и позднее — в пределах всего I тыс. до н.э. [3].

В любом случае, мотыжки типа «Сочи-Адлер» в непотроженном

культурном слое всегда находились в контексте, исключающем их датировку эпохой средневековья. Их находки на территории поселения «Малый Ахун 1» — косвенное, но вполне явное свидетельство уничтожения анонимного для нас памятника археологии, разрушенного в районе Большого Сочи в годы бурного неконтролируемого строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Т. XXIX. Сухуми, 1958. С. 137; Марковин В.И., Мунчаев Р.М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. Вып. 84. М., 1961. С. 27–29; Формозов А.А. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований // СА. № 3. М., 1964. С. 11–13; Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. С. 17, табл. XVI, 6–15; Соловьев Л.Н. Мотыгообразные орудия Сочи-Адлерского типа // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. 1. Тбилиси, 1972. С. 81–97.
2. Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Цвинария И.И. К вопросу о времени бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар, 2005. С. 261–263; Мимоход Р.А., Скаков А.Ю., Клещенко А.А. Новые данные о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова). Сухум, 2011. С. 61–74; Прохорова Т.А. Работы на памятнике археологии «Веселое 4» в 2010 г. // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова // Сухум, 2018. С. 206–214.
3. Полянская Е.Ю. Опыт применения методов геометрической морфометрии при анализе форм каменных мотыжек сочи-адлерского типа (по материалам Имеретинской низменности) // КСИА. Вып. 247. М., 2017. С. 76–77.

Я.Б. БЕРЕЗИН, С.Л. ДУДАРЕВ

(гг. Кисловодск, Армавир, РФ)

**НАХОДКИ КОБАНСКОЙ КИО В РАЙОНЕ МОГИЛЬНИКА
«ЗАМКОВЫЙ» (г. КИСЛОВОДСК)**

Окрестности г. Кисловодска, как курорта всероссийского значения, богаты природными памятниками, которые нередко сочетаются с археологическими объектами различных исторических эпох. Одним из таких памятников природы является хорошо известный «Замок коварства и любви», обрывистый мыс одного из куэстовых отрогов Скалистого хребта, возвышающийся над долиной реки Аликоновки с ее левого берега. Он, как и располагающийся здесь же туристический комплекс, получили свое название от одной из местных легенд. В районе «Замка» известен ряд археологических памятников различных эпох [1–2]. Среди них представлен и могильник из каменных ящиков, принадлежащий к западной группе кобанской КИО, обнаруженный краеведом В.А. Лученковым в 1974 г. на южном склоне плато между р. Аликоновкой, Катыхинской и Мокрой Балками в 1 км от «Замка» [3]. Известным пятигорским археологом-краеведом А.П. Руничем тогда же здесь было раскопано 1 погребение [4], которое впервые публикуется нами ниже. Кроме того, в районе «Замка» известен и грунтовый могильник VIII–VII вв. до н.э., также относящийся к кругу западнокобанских погребальных объектов [5].

Обратимся к описанию погребения 4 в каменном ящике 1974 г., исследованного А.П. Руничем [6]¹.

Захоронение было совершено в каменном ящике внутренними размерами 1,08×0,8 м и глубиной 0,4 м. Он был пере-

крыт тремя плитами размерами: 1,05×0,64×0,09 м, 1,07×0,62×0,08 м и 0,8×0,42×0,06 м. Все стенки, кроме северо-восточной, были сделаны из цельных плит, дно погребения находилось на 0,82 м ниже поверхности склона.

Скелет полностью истлел, от него сохранились только фрагменты лучевых и локтевых костей обеих рук, пропитавшиеся окислами меди от браслетов. Предположительная поза погребенного — скорчено на боку (левом?), головой на запад². На каждой его руке находились по два спиральных бронзовых браслета. Кроме того, на одной руке находился 1 бронзовый пластинчатый браслет с «завитками». В северном углу погребения стоял глиняный лепной сосуд баночной формы (рис. 5, 1).

Опишем сделанные находки.

1. Спиралевидные бронзовые браслеты, сделаны из прямоугольного в сечении прута, примерно в 4 оборота. Концы заострены. Немного отличаются друг от друга по размерам (в отчете приведен рисунок только одного браслета). Диаметр около 10 см, сечение прута в средней части примерно 0,5–0,6×0,2 см (рис. 5, 3).

2. Браслет бронзовый. Края не сомкнуты. Средняя часть резко расширена и с внешней стороны на ней имеются 3 параллельных ребра. Концы заужены и согнуты в спи-

1 Погребения 1–3 данного могильника относятся к эпохе раннего средневековья и здесь не рассматриваются.

2 По В.И. Козенковой — на северо-запад [7].

рали. Размер в плане 5 × 6 см, максимальная ширина пластины 2,5 см (рис. 5, 4).

3. Лепной плоскодонный керамический сосуд. Дно выделено уступом, тулово баночной формы с умеренным расширением в средней части, горловина невысокая, венчик отогнут наружу. Поверхность серо-коричневого цвета, грубо заглажена. Средняя часть тулова покрыта горизонтальными рядами насечек. Высота 18 см, диаметр дна 11,5 см, диаметр венчика 16 см (рис. 5, 2).

Весной 2024 г. жителем г. Кисловодска С. при осмотре территории памятника в размывах почвы, образовавшихся после сильных дождей, были найдены древние предметы. Одному из авторов удалось подробно расспросить находчика о деталях обнаружения артефактов, а также зарисовать и сфотографировать их.

Предметы были обнаружены у северного края плато, разделяющего ущелья р. Аликоновки и её правого притока, ручья Мокрая Балка. Эта местность исключительно богата памятниками самых различных эпох, от энеолита до раннего средневековья [8]. Место находок располагалось вдоль северного края плато, у обрывов в ущелье р. Аликоновки. Расстояние до ближайшего стоящего на государственном учете археологического объекта, могильника Замковый, составляет примерно 130 м на север.

Примечательно, что все находки были сделаны в узкой полосе длиной около 50 м и шириной не более 25–30 м. При этом ряд бронзовых предметов (булавка, привески в виде головок медведей, литые бляшки) собраны буквально на «пятачке» окружностью около 5 м. Также группой располагались все три железных шила и железный крючок. Остальные предметы располагались более разрозненно. Глубина

залегания колебалась от расположения практически у самой поверхности, до 25–30 см.

Описание находок:

1) Наконечник копья железный. Кованый, втульчатый. Втулка согнута из раскованного стержня копья, от коррозии шов разошелся и хорошо виден. Перо ланцетовидное, плавно переходит к втулке. Вдоль всего пера ребро жесткости. Фрагмент основания втулки утрачен. Общая длина 20 см, диаметр основания втулки 2,2 см, максимальная ширина пера 3 см, толщина в средней части (с ребром жесткости) 0,7 см (рис. 4, 1).

2) Булавка бронзовая, литая. Верхняя часть цилиндрическая, со слабым сужением вниз. У верхнего края два круговых желобка, верх оформлен в виде грибовидной шляпки. В центре стержня расширение со сквозным, овальным в плане, отверстием. Ниже расширения стержень квадратный в сечении, суживается сверху вниз. Общая длина 11,2 см, диаметр стержня в верхней части 0,9 см, максимальное сечение в нижней части 0,58 × 0,49 см (рис. 3, 4).

3) Бляха бронзовая, литая 1. Внешняя сторона круглая в плане, выпуклая, с 8-ю треугольными сквозными прорезями, суживающимися сверху вниз, в центре не сквозное круглое отверстие. На обороте широкая полуовальная петля с двумя продольными канелюрами. На предмете следы железной окиси. Размеры в плане 2,5 × 2,6 см, толщина с петлей 1,3 см (рис. 1, 4).

4) Бляха бронзовая, литая 2. Внешняя сторона круглая в плане, выпуклая, с 4-мя неровными сквозными прорезями, образующими, в целом, «мальтийский крест». На обороте широкая полуовальная петля с одной слабо намеченной продольной линией. Размеры в плане 2,1 × 2,3 см, толщина с петлей 1 см (рис. 1, 3).

Рис. 1. Находки с территории могильника «Замковый»: 1 — бляшка бронзовая; 2 — бусина бронзовая; 3, 4, 6 — бляшки сбруйные бронзовые; 5 — навершие (?) бронзовое.

5) Бляха бронзовая, литая 3. Предмет имеет дуговидную схему, к концам слабо расширяется. Внешняя сторона выпуклая, внутренняя — вогнута. На обороте крупная для предмета петля полуовальной формы. Длина 3,8 см, ширина от 0,81 до 0,88 см, толщина ок. 0,15 см, длина петли 2 см (рис. 1, 4).

6) Бусина бронзовая, литая, двучастная. Каждая часть бочковидной формы, с широким сквозным отверстием. Неясно, были ли части изготовлены вместе или спаялись в процессе окисления. Общая длина 0,8 см, диаметр 0,6 см (рис. 1, 2).

7) Бляха бронзовая, кованая, из тонкого листа. В плане круглая, выпуклая, по краю декорирована одним рядом пуансонных вдавлений. Имеет два небольших сквозных отверстия для крепления. Многочисленные трещины, часть утрачена. Диаметр 5,5 см, толщина менее 1 мм (рис. 1, 1).

8) Предмет бронзовый, литой, навершие рукоятя жезла, плети (?). Сохранился частично, менее, чем на 50%. Вероятно, имел цилиндрическую форму. Нижняя (условно) часть с рельефным ободком по нижнему краю, верх оформлен вытянутыми остроугольными. С внешней стороны сохранилось одно треугольное сквозное отверстие вершиной вверх и 4 расположенных в два ряда углубленных кружка. Последние, вероятно, первоначально опоясывали предмет по кругу. Длина 3,8 см, диаметр в средней части около 1,7–1,8 см (рис. 1, 5).

9) Бронзовый наконечник стрелы, т.н. «площик». Изготовлен в двухстворчатой литейной форме, имеет характерное линзовидное сечение, черешковый. Черешок слабо расширяется вниз, перо треугольное в плане, с закруглённым концом. По оси проходит слабо намеченное ребро жесткости. У перехода черешка в перо небольшие полукруглые вырезы.

Длина 5,6 см, в том числе черешок 1,6 см, ширина пера у основания 1,8 см, максимальная толщина ок. 2 мм (рис. 3, 2).

10) Бронзовый наконечник стрелы, «площик». Также изготовлен в двухстворчатой литейной форме, имеет линзовидное сечение, черешковый. Черешок слабо сужен вниз и закруглен. Головка имеет слегка ассиметричные острые лопасти-шпы. Ребра жесткости нет. Общая длина 5 см, в том числе черешка 2,7 см. Толщина около 1,5 мм (рис. 3, 1).

11–12) Зооморфные литые подвески, 2 шт. Практически одинаковы, отличаются лишь мелкими деталями. Состоят из 2-х частей. Первая — шарообразная, со сквозным отверстием. Она переходит в головку животного, скорее всего, медведя. Обозначены: раскрытая пасть с намеченными зубами, овальные уши с ушными впадинами, глаза в виде круглых углублений. Подвески выполнены из тяжелого сплава темно-серого цвета, со свинцовым блеском, почти не подверженно коррозии. Есть лишь небольшие пятна малахитового цвета. Длина предметов 3,7 и 3,8 см (рис. 2, 1–2).

13) Навершие булавы (?), железное. Имеет грушевидную форму с двумя выступающими втулками вокруг сквозного отверстия. Поверхность достаточно сильно корродирована, был ли на ней орнамент — неясно. Длина предмета по линии втулки — 5,4 см, диаметр 5 — 5,1 см, вес предмета 350 гр. (рис. 4, 2).

14) Крючок рыболовный (?) железный. Сделан из круглой в сечении проволоки, кончик заострен. Верхний конец согнут в петлю. Длина 4,1 см (рис. 3, 2).

15) Шило железное 1. Черешковое, кованое. Сделано из квадратного в сечении прутка, суживающегося от максимальной толщины в обе стороны. Рабочий конец трехгранный. Длина предмета 5 см, в том числе,

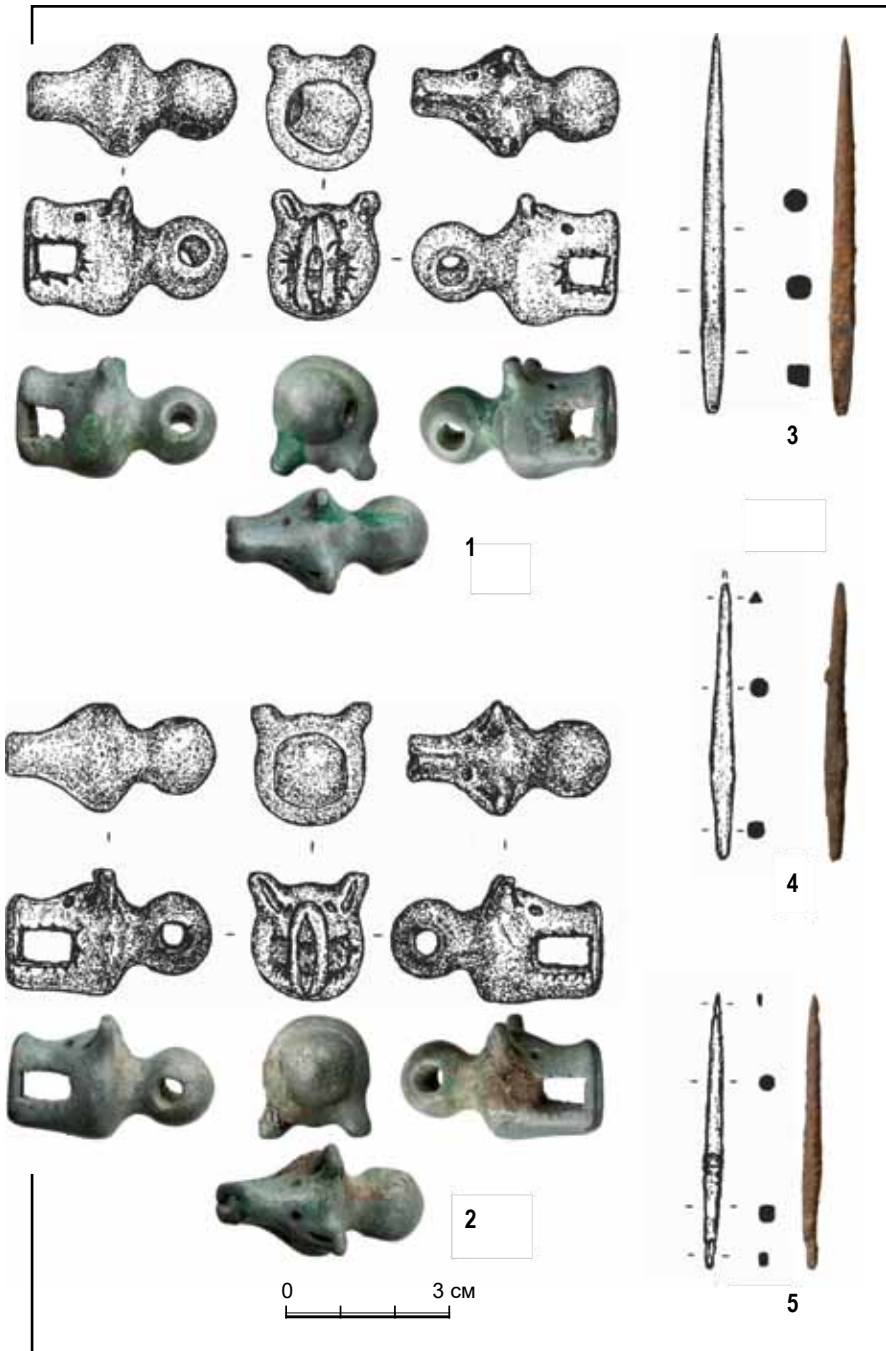

Рис. 2. Находки с территории могильника «Замковый»: 1, 2 — подвески бронзовые; 3, 5 — шилья железные.

черешок 2 см. Максимальное сечение $0,4 \times 0,4$ см (рис. 3, 3).

16) Шило железное 2. Черешковое, кованое. Сделано из квадратного в сечении прутка, суживающегося от максимальной толщины в обе стороны. Рабочая сторона плавно переходит от прямоугольного сечения к круглому на конце. Длина предмета 6,7 см, в том числе черешок 1,7 см. Максимальное сечение $0,42 \times 0,42$ см (рис. 3, 4).

17) Шило железное 3. Черешковое, кованое. Сделано из квадратного в сечении прутка, суживающегося от максимальной толщины в обе стороны. У основания черешка на гранях насечки для предотвращения проскальзывания. Рабочая сторона плавно переходит от прямоугольного сечения к круглому на конце. Длина предмета 5 см, в том числе черешок 1,9 см. Максимальное сечение $0,33 \times 0,34$ см (рис. 3, 5).

Обратимся теперь к характеристике погребального обряда могильника «Замковый», а также найденных в описанном выше погребении и на территории могильного поля артефактов.

Каменный ящик, в котором было совершено погр. 4, принадлежит к типу III могил западного варианта кобанской КИО — каменным ящикам с перекрытием из одной или 2–3 (как и в нашем случае) плит. Его размеры и глубина также отвечают параметрам захоронений III типа [Козенкова, 1989, с. 75–76]. В могильнике Клинь-яр III, наиболее широко раскопанном погребальном памятнике западной группы кобанской КИО этот тип погребений соответствует I типу могил [9]. Каменные ящики были распространены на западе кобанского ареала как в ранне-, так и в позднекобанское время. Расположение умершего на левом боку, вкупе с набором браслетов, по-видимому указывает на то, что им было лицо женского пола: для

могильников западной Кобани характерно преобладание расположения женщин на левом, а мужчин — на правом боку, хотя почти в каждом могильнике известны отклонения от данного правила [10]. Более того, в таком репрезентативном памятнике, как могильник Грушевского городища, прослежена четкая тенденция обратной смены положения на правом и левом боку для мужчин и женщин для ряда могил при переходе к скифскому времени [11–12]. И хотя в скифское время в целом в памятниках западной группы кобанской КИО сохраняется изначальная тенденция расположения умерших мужчин и женщин, тем не менее, отмеченная инновация имеет место и на других западнокобанских погребальных объектах. Западная ориентировка умершего (как в погр. 4) — не редкость как в ранне- так и позднекобанское время (соответственно 13,5 и 22,5 % [13]. Сопровождение покойного 1–2 сосудами (реже 3–4) характерно для ранних могил западной группы кобанской КИО [14]. При этом фиксируемое в погр. 4 расположение горшка предположительно перед лицом умершего, ближе к углу захоронения — также одна из типичных локаций посуды в могилах ранней поры западнокобанских погребальных памятников. Находящиеся в области рук браслеты соответствующих типов, прежде всего, многовитковые — также черта, присущая местным памятникам начала железа [15].

Артефакты, найденные на могильнике «Замковый», как в единственном исследованном кобанском погребении, так и на территории памятника (находки из разрушенных природой могил?), включают в себя керамические изделия, орудия труда, предметы вооружения и конской сбруи, а также украшения.

Сосуд из погр. 4 (рис. 5, 2) относится к категории тарно-хозяйственной

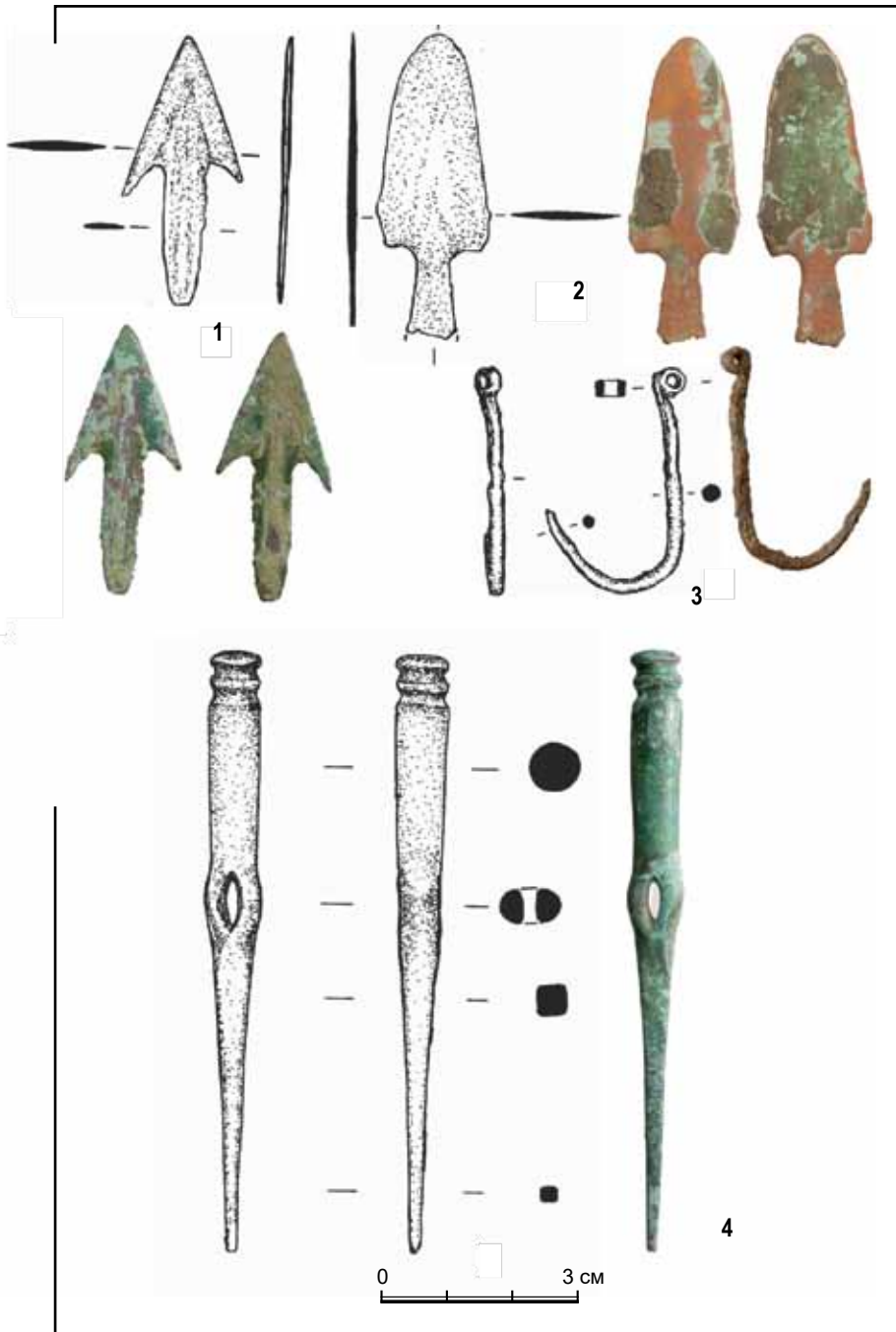

Рис. 3. Находки с территории могильника «Замковый»: 1, 2 — наконечники стрел бронзовые; 3 — крючок железный; 4 — предмет бронзовый.

посуды, конкретно, к банкообразным сосудам (горшкам), хорошо известным в памятниках западнокобанского ареала (могильники Мебельная фабрика № 1, Березовский № 1, Белореченский 2-й, Эчкивашский, Лермонтовская скала № 2, Сосновогорские, поселение Кабардинка 2, и др.) [16–20]. Многие из них, как и публикуемый сосуд из могильника «Замковый» [21], относятся к VIII–VII вв. до н.э. При этом есть консолидированное мнение некоторых отечественных и иностранных специалистов, что подобные формы горшков встречаются уже в X–IX вв. до н.э. (поселение Кабардинка 2) [22].

Орудия труда представлены среди публикуемых находок железными шильями (рис. 2, 3–5) и рыболовным крючком (рис. 3, 3). Как уже было отмечено выше, шилья и крючок располагались компактно по отношению друг к другу. По-видимому, это указывает на их отношение к одному комплексу, а значит, и на их синхронность. Подобные железные шилья веретенообразной формы, которые В.И. Козенкова отнесла к своему I типу шильев западнокобанской группы памятников, относятся ей к VIII–VI вв. до н.э. [23]. Нам такие шилья известны, в частности, в могильниках Белореченском 2-м (погр. 39) и Клинь-яр III (погр. 358) [24–25], где их можно суммарно отнести к VII–VI вв. до н.э.

Что же касается рыболовного крючка, то, пожалуй, единственной аналогией ему в памятниках кобанской КИО являются находки из древностей восточной группы кобанской КИО (Сержень-Юртовское поселение, слой X–VII вв. и погр. 10 Нестеровского могильника VII–VI вв. до н.э.) [26], при этом наиболее

близкой из них морфологически артефакту из мог. Замковый можно считать самый поздний из названных предмет. Сама по себе большая редкость данных артефактов указывает на то, что рыбная ловля не была популярной у разных групп кобанской КИО и не имела промышленного значения. В то же время, изображения рыб встречаются на бронзовых кобанских поясах и являются олицетворением влаги — земной и небесной [27–28].

Предметы вооружения представлены в рассматриваемых материалах бронзовыми наконечниками стрел, наконечником копья и булавой из железа.

Оба наконечника стрел — крупные литые площадки (рис. 3, 1–2) — по своему оригинальны, особенно первый, и не имеют точных аналогий в известном нам материале по эпохе поздней бронзы — раннего железа Кавказа. Тем не менее, образец с острыми опущенными вниз лопастями можно отнести ко 2 варианту I типа III группы западнокобанских памятников [29]. Что же касается другого экземпляра, то форма его пера и характер черешка заставляют вспомнить находки площадков с коротким черешком из могильника Клинь-яр III (погр. 316) и Сержень-Юртовского могильника (погр. 85) [30–31]. При этом форма головки площадки с Замка ближе к экземпляру из погр. Сержень-Юрт–85, которое относится В.И. Козенковой к X в. до н.э. [32].

Железный наконечник копья с ланцетовидным пером (рис. 4, 1) можно сблизить с двумя образцами данной категории оружия с Кавминвод, а именно с наконечником из разрушенного погребения 1964 г. на Березовском могильнике № 1³, а также с экземпляром из разрушенного захоронения на г. Крестовой [33]. Оба они были в свое время отнесены С.Л. Дударевым к V типу наконечников копий из желе-

3 Рисунок хранится в Пятигорском краеведческом музее в составе материалов из архива Н.Н. Михайлова.

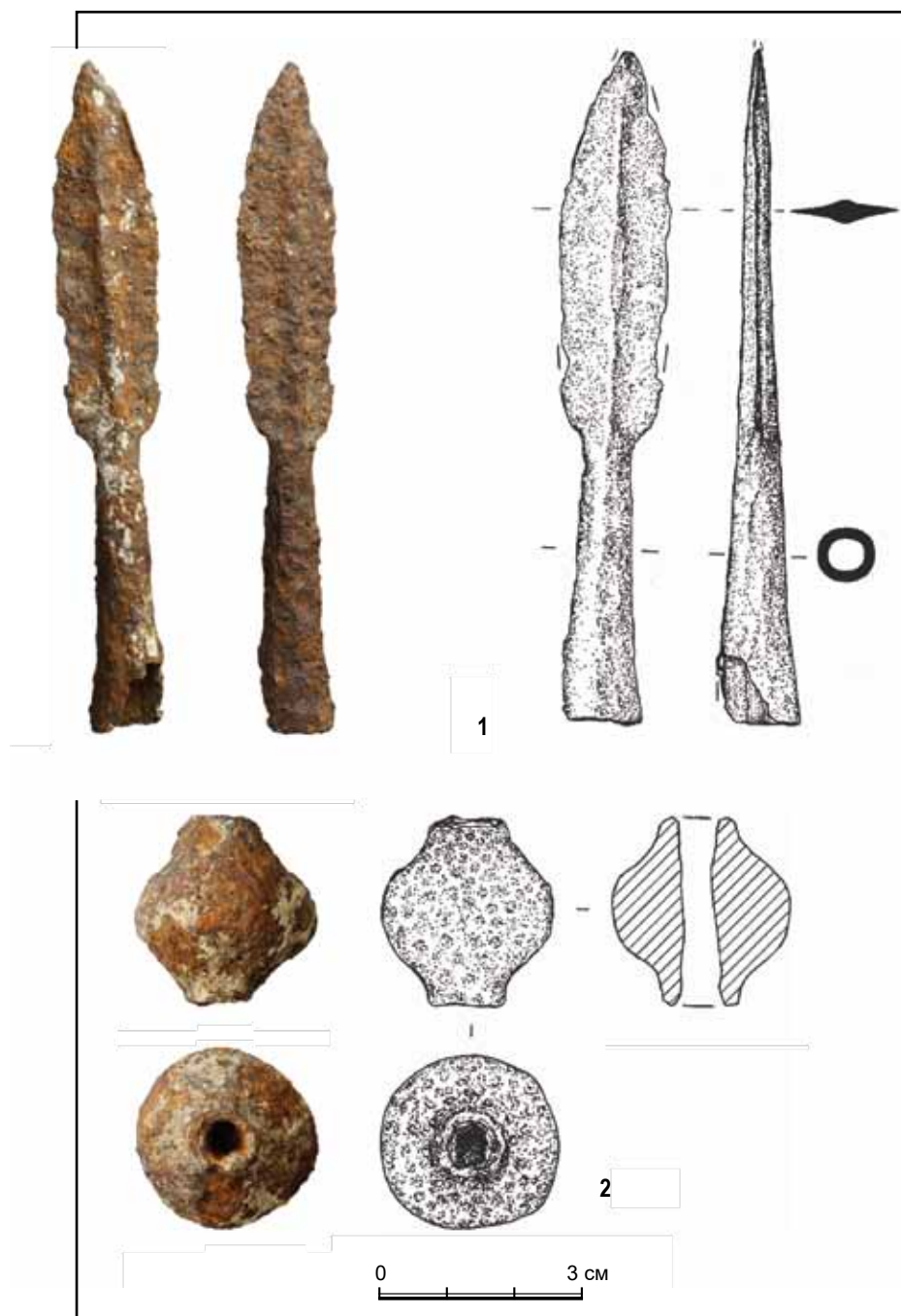

Рис. 4. Находки с территории могильника «Замковый»: 1 — наконечник копья железный; 2 — булава (?) железная.

за из Центрального Предкавказья и бассейна р. Терека IX–VII вв. до н.э. [34]. Впрочем, необходимо оговорить, что датировка самих приведенных аналогий с территории Кавминвод несколько отличается от исследованных в указанной работе памятников и колеблется в пределах VIII–VI вв. до н.э.

Железная булава грушевидной формы (рис. 4, 2) уникальна сама по себе тем, что до этой находки булавы из железа в кобанских древностях известны не были. Но морфологически данный предмет близок каменным булавам I типа 2 варианта западнокобанских грушевидных булав, особенно образцу с Учкулана [35]. В.И. Козенкова пыталась сблизить экземпляр с Учкулана с тлийскими булавами конца II тыс. до н.э., причем, не приводя конкретных аналогий [36]. Однако это сравнение не может быть признано убедительным — тлийские бронзовые булавы XII–X вв. не похожи на учкуланскую [37].

Предметы конского снаряжения представлены в новых материалах с могильника Замковый 3 бронзовыми литыми бляхами (рис. 1, 3, 4, 6), которые можно разделить на два типа: круглые с прорезями и дуговидная, которая, скорее всего, связана с некими лунарными культами местного населения. Бляхи первого типа отличаются друг от друга количеством прорезей. Первая из них, как было сказано, имеет 8 прорезей, вторая — 4. Та и другая в своем оформлении отражают солярно-космическую символику, которой были привержены местные «кобанцы». В известных авторам опубликованных материалах предскифского времени из Предкавказья нет полных соответствий бляхам первого типа. В материалах Сосновогорских могильников в Кисловодске есть похожий экземпляр, но он имеет не 8, а шесть прорезей [38]. В недавно встреченных нами в сети интернет

находках, происходящих, ориентировочно, со Ставрополя, известны бляхи с 12 прорезями. Бляхи второго типа давно известны по находкам на могильнике на Мебельной фабрике № 1 г. Кисловодска (погр. 17) [39]. Близкие им известны и в других могильниках Кавказских Минеральных Вод (Козьи скалы, восточное подножие г. Бештау [40]. Сходная бляха известна на могильнике Псекупс [41]. Бляха третьего типа отражает связь местного населения с солярно-космическими, лунарными культурами. Самой близкой к публикуемым является бляха из погр. 15 могильника № 1 на КМФ [42]. Там же, на КМФ, а также на Козьих скалах, известны и иные находки блях с лунарной схемой (погр. 17, 24) [43–44]. По-видимому, «лунарные» бляхи являются в изучаемое время спецификой западнокобанских древностей, отражая особенности воззрений местных племен. Любопытно, однако, отметить то, что в сарматскую эпоху украшения коня с «лунарной» схемой наблюдаются в соседних районах Предкавказья (Татарский, Тенгинский могильники, и др.) [45–46]. Идея «лунарности» оказалась стойкой в воззрениях предкавказского населения, несмотря на серьезные этнические трансформации и смену конского убора.

Украшения. Это самая многочисленная из категорий находок, рассматриваемых нами. Одной из самых интересных из них являются *привески* в виде головок медведей (рис. 2, 1–2). Эти привески практически идентичны друг другу. Они по своему оригинальны, и в то же время, обнаруживают определенное сходство с привесками в виде головы медведя из Заюково [47] и В. Кобани [48], и в меньшей степени — с привеской в виде головы этого животного из могильников Кызыл-Кала и Заюково–3 (раскопки А.А. Кадиевой) [50–51]. Но наибольшая бли-

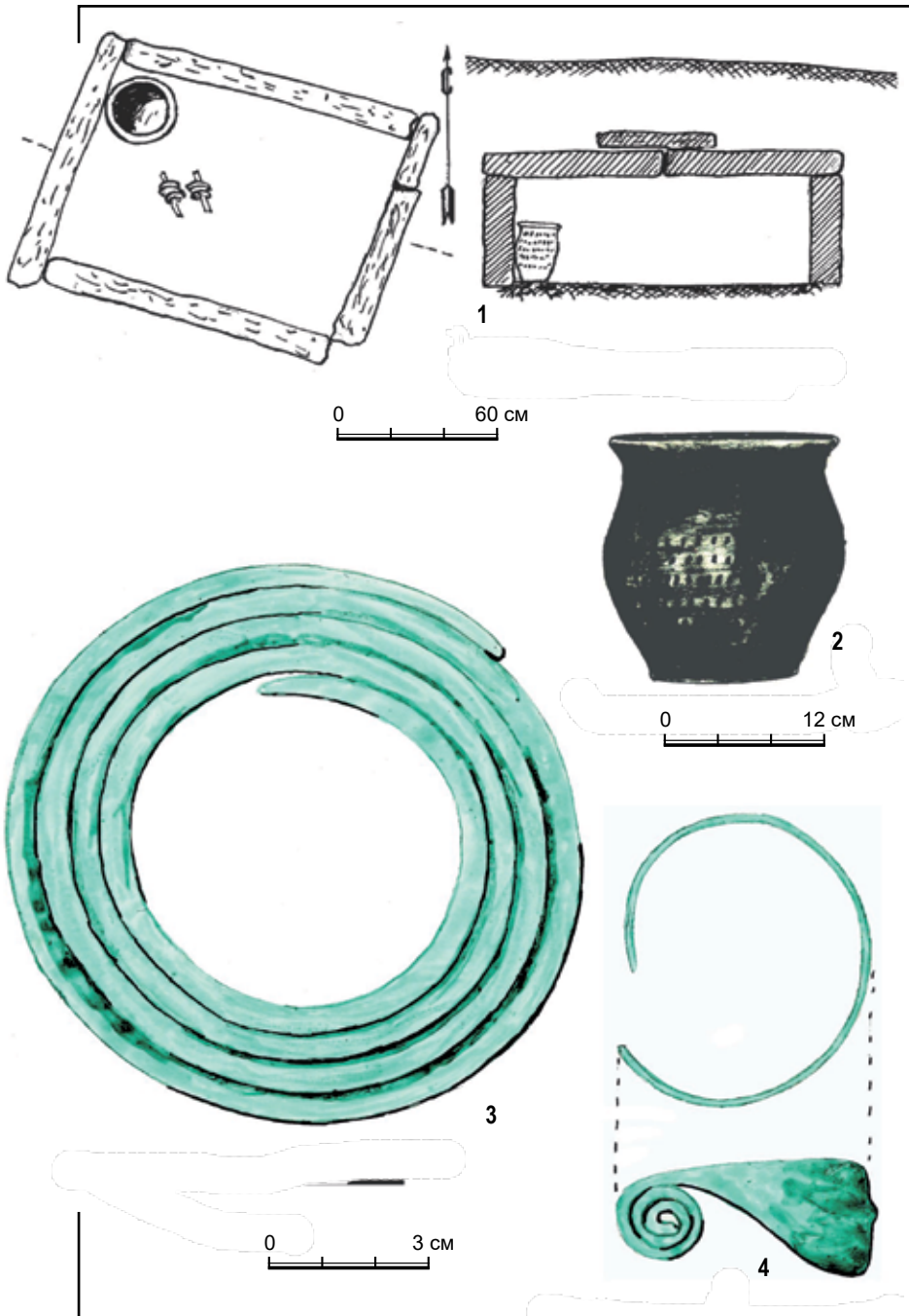

Рис. 5. Погребение 4 могильника Замковый (по А.П.Руничу, 1974). 1 — план, разрез; 2 — сосуд керамический, 3, 4 — браслеты бронзовые.

зость зооморфных привесок с могильника «Замковый» наблюдается с привеской в виде головы медведя из окрестностей г. Кисловодска, с которой находки с «Замка» существенно разнятся только в моделировке пасти: у последней она имеет в плане треугольную форму, у первых — близка к квадратной [52]. Все эти параллели укладываются в рамки VIII-VII — середины I тыс. до н.э. Медведь входил в число животных, пользовавшихся почитанием у кавказцев, хотя и не входил в число наиболее популярных образов. Его сила и отвага сопоставлялись с такими же качествами волка, очень уважаемого у горцев хищника, о чем может говорить, например, имя, существовавшее у чеченцев и ингушей в старину — Ча-Борз (Медведь-Волк). Известны и сведения из вайнахского фольклора о том, что медведь мог разговаривать человеческим голосом, помогать герою в его приключениях, похищать людей; волшебные персонажи могли приобретать облик медведя, и т.п. [53].

Бронзовые многовитковые *браслеты* (иногда именуемые «шинами») из замкового погр.4 (рис. 5, 3) относятся к XXII типу браслетов «западного варианта» кобанской КИО [54]. Они весьма многочисленны как в женских, так и в мужских погребениях. По В.И. Козенковой, они наиболее характерны для периода X–VIII вв. до н.э. [55].

Браслет с концами, оформленными в виде спиральных завитков (рис. 5, 4) принадлежит к ее V типу западнокобанских [56], однако они характерны и для всего ареала кобанской КИО [57–58]. Встречаются они и за пределами основного распространения данной общности и отмечаются в верховьях р. Уруп, и еще шире — в междуречье рр. Кубани и Лабы [59]. Хронологический диапазон бытования таких браслетов укладывается в рамки конца II тыс. до

н.э. — VIII–VII вв. до н.э., и даже VII в. до н.э. (могильники Березовский №4 и на Сосновой горке) [60].

Булавка с сужающимся книзу туловом (рис. 3, 4) относится по ряду особенностей его морфологии (оформление навершия, характер расширения корпуса и форма отверстия) к XVII типу булавок западной группы кобанских памятников, который датируется первой половиной VI–V в. до н.э. [61]. Это обстоятельство побуждает нас обратить внимание на то, что данный предмет мог входить, судя по топографии находок с территории могильника «Замковый» (см. выше) в «комплекс» (?) вместе с описанными выше бляхами конской сбруи (рис. 1, 3, 4, 6) и привесками в виде головок медведей. Указанное сочетание выглядит очень необычным, более того, во многом, весьма гипотетическим. Но постараемся выяснить, есть ли хоть небольшая вероятность в совместном бытовании перечисленных предметов. Совместное бытование булавок с указанными зооморфными привесками вполне вероятно с учетом хронологии таких предметов. Вхождение подобных украшений в единый комплекс с бляхами от конской сбруи, в принципе, само по себе не так уж невероятно и вот почему. Еще в конце 1970-х гг., когда во время исследования погр. 15 Белореченского 2-го могильника в женском предскифском погребении вместе с массивными литыми браслетами и спиральными «шинами», бусами и пр., авторами были найдены литые бляшки и пуговицы с солярной «киммерийской» символикой, которая присутствует и на одной из публикуемых блях (рис. 1, 3) [62], то это обстоятельство не укрылось от внимания В.И. Козенковой. Она обратила внимание на него при обсуждении доклада авторов настоящей статьи на IX «Крупновских чтениях» в г. Элисте [63]. Впослед-

ствии, при изучении и участии в публикации одного из авторов богатых материалов могильника Клинь-яр III было обращено внимание на то, что в ряде как мужских невоинских, так и женских погребений этого памятника обнаружены пуговицы с подобной солярной символикой [64]. Это можно считать проявлением некоей моды, широко распространенной в VIII-VII вв. до н.э. на просторах от Центральной Европы до Северного Кавказа, которая могла быть связанной как с традиционными солярными, так и воинскими культами степного и связанного с ним оседлого населения, сопровождавшимися престижными, популярными атрибутами и символикой. Служителем такого культа могло быть лицо, которое в составе своего костюма имело булавку и зооморфные подвески, с одной стороны и бляхи, характерные для конского убора (и иные аксессуары упряжи) — с другой. О наличии таких лиц в местной кобанской среде нам хорошо известно по находкам на могильник Клинь-яр III (погр. 14 раскопок Я.Б. Березина) [65]. Однако явно смущает хронологический разрыв между бляхами от конской сбруи (VIII-VII вв. до н.э.) и булавкой (пер. пол. VI - V вв. до н.э.). Поэтому совмещение всех проанализированных предметов воедино и их одновременное функционирование, скорее всего, сомнительно.

Неоднозначна ситуация с бронзовой двучастной *бусиной* (рис. 1, 2). Подобных ей не известно в западной части кобанского ареала. Здесь встречены бусины сходной формы (могильники Терезе, Клинь-яр III и др.), но из других материалов, прежде всего, из стекла [66-67]. Поэтому не исключено, что данная бусина представляет собой две спекшиеся бочонковидные бронзовые бусины, которые хорошо известны, например, в том же могильнике Терезе [68].

Крупная бронзовая *бляха*, изготовленная из тонкого листа (рис. 1, 1) относится к типу I аналогичных западнокобанских артефактов [69]. В частности, они хорошо известны по раскопкам авторов данной статьи на Белореченском 2-м могильнике в г. Кисловодске [70-71], а также в ряде захоронений могильника Клинь-яр III [72]. Такие бляхи входили в состав достаточно сложных наконечных украшений предшественниц местного кобанского населения [73].

Навершие (рис. 1, 5). Предмет является, скорее всего, навершием жезла (посоха), принадлежавшего лицу, имевшему, возможно, нерядовое положение в обществе (родовому старейшине?). Прямых аналогов предмет не имеет и, по сути дела, уникален. У горных племен южного склона гор центральной части кобанского ареала (Тли) посохи вверху украшались зооморфной фигурой [74], но иногда посох мог быть дополнительно увит бронзовой лентой [75]. В нашем случае сохранился наконечник верхней части такого жезла, оформленный в строгом геометрическом стиле. По манере украшения нижней части наконечника острыми треугольными выступами ближайшей параллелью ему выступает нижняя же часть бронзовой рукояти биметаллического меча из погр.39 могильника у хут. Кубанский [76]. Полагаем, что и хронологически данное наведшие вряд ли выходит за рамки предскифского времени.

Находки с территории могильника «Замковый», представленные в данной статье, заметно расширяют наши представления о материальной культуре той группы кобанского населения, которая оставила названный памятник, а также вносят ряд интересных штрихов в характеристику тех или иных категорий материальной культуры западной части кобанского ареала в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Козенкова В.И. Кобанская культура: западный вариант // САИ. Вып. 3. В2–6. М.: Наука, 1989. С. 32–33.
2. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности кисловодской котловины. М., 2004. С. 99–101.
3. Козенкова В.И. Указ. соч., с. 33.
4. Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 год. Архив ИА РАН, Р–1, № 5249. С. 10, рис. 16.
5. Козенкова В.И. Указ. соч., с. 32–33.
6. Рунич А.П. Указ. соч.
7. Козенкова В.И. Указ. соч., с. 33.
8. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Указ. соч.
9. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. С. 253.
10. Козенкова В.И. Указ. соч., с. 79.
11. Дударев С.Л., Савенко С.Н. О новых находках предскифского времени с территории Ставропольского края // Десятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (статьи и тезисы докладов) / ред. С.Л. Дударев. Армавир: Дизайн-студия Б, 2023. С. 19–24.
12. Дударев С.Л., Савенко С.Н. Находка железного наконечника копья с двумя отверстиями в лопастях в могильнике Грушевского городища // XX чтения по археологии Средней Кубани (тезисы и доклады). Армавир: Дизайн-студия Б, 2024. С. 27–35.
13. Козенкова В.И. Указ. соч., с. 80, 84.
14. Там же. С. 81.
15. Там же. С. 81–82.
16. Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976, с. 54, рис. 1, 24; с. 59, рис. 6, 18; с. 61, рис. 8, 1–2.
17. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М., 1998. С. 90–91, 187, табл. 1–5, 14–15.
18. Дударев С.Л. Белореченский могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 39, 62, рис. 3, 2; 63, рис. 4, 2; С. 64, рис. 5, 7; С. 66, рис. 7, 2; и др.
19. Березин Я.Б., Дударев С.Л. Новые погребальные комплексы раннежелезного века из Кисловодской котловины // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 101 рис. 11; С. 105, рис. 15.
20. Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A. Formation und Transformation einer bronzezeitlichen Gebirgslandschaft im Nordkaukasus// Schriften des Zentrum für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 22. Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit. Herausgegeben von Andreas Mehnert, Gundula Mehnert, Sabine Reinhold. Beier&Beran, Langenweißbach, 2012. S.25, Abb. 6, 19.
21. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. С. 91.
22. Reinhold S., et al. Op. cit. S. 25, Abb. 6, 19.
23. Козенкова В.И. Материальная основа быта. С. 15.
24. Дударев С.Л. Белореченский могильник. С. 94, рис. 33, 4;
25. Белинский А.Б., Дударев С.Л., Указ. соч., с. 245, рис. 217, 4.
26. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. 2–5. М., 1982. С. 9, 150, табл. III, 34–36.
27. Техов Б.В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тысячелетия до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ-Цхинвал: издательство Владикавказского научно-го центра, 2001. С. 258, рис. 86.
28. Dudarev S.L., Fomenko V.A. A new transcaucasian bronze belt in the Northern Caucasus // Schriften des Zentrum für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 22. Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit. Herausgegeben von Andreas Mehnert, Gundula Mehnert, Sabine Reinhold. Beier&Beran, Langenweißbach, 2012. 2012, fig. 3, 3.
29. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М., 1995. С. 8.
30. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // МИИКНСК. Вып. III. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 218, табл. 63, 9.
31. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Указ. соч., с. 204, рис. 179, 4.
32. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. С. 129.
33. Дударев С.Л., Власова Т.Н. Некоторые итоги разведок памятников начала раннего железа в Пятигорье и Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 20, рис. 1, 18.
34. Дударев С.Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX–VII вв. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983. Научный архив ИА НАН Украины, ф.12. № 612. С. 123, 293, рис. 63, ВБ, 6; ВВ, в.

35. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. С. 78, 156, табл. XXI, 6.
36. Там же. С. 78.
37. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Вост. лит., 1977. С. 111, рис. 90.
38. Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С. 60, 1.
39. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980. С. 187, рис. 2, 23.
40. Сборник научных работ С.Л. Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. С. 162, рис. 10, 7.
41. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007. С. 380, рис. 201, 2.
42. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980. С. 187, 13.
43. Там же. С. 187, рис. 2, 24; С. 190, рис. 4, 10.
44. Сборник научных работ С.Л. Дударева. С. 162, рис. 10, 9.
45. Беглова Е.А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника// Материальная культура Востока. Вып. 3. ГМВ. М., 2002. С. 163, рис. 1, 1, 5; С. 164, рис. 2, 3, С. 165, рис. 3; С. 166, рис. 4, 3; С. 168, рис. 6, 2;
46. Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.-СПб.: Наука, 2018. С. 370, рис. 186, 106.
47. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 346, рис. 10, 23.
48. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. рис. 122–125.
49. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. С. 311, табл. 136, 9.
50. Кадиева А.А., Биркина Н.А. Женский погребальный убор западной кобанской археологической культуры (по материалам могильника Заково–3 в Кабардино-Балкарской Республике) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] : сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул, 2017.
51. Лекция А.А. Кадиевой в You Tube.
52. Дударев С.Л., Полковский Д. Г. Новые находки кобанской бронзы из центральной части Предкавказья // XX чтения по археологии Средней Кубани (тезисы и доклады). Армавир: Дизайн-студия Б, 2024. С. 13, 16, рис. 3–4.
53. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / сост. И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. С. 38–139, 142, 211.
54. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. С. 55–55, 173, табл. XVII, 19.
55. Там же. С. 56.
56. Там же. С. 52–53, 172, табл. XVI, 7–9.
57. Техов Б.В. Указ. соч..., с. 160–161, рис. 109.
58. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. С. 47, 162, табл. XXVII, 10.
59. Дударев С.Л. Новое о находках предметов кобанской КИО в Закубанье// Древности Кубани. Вып.26. Сборник научных трудов. Краснодар: Митра, 2023, 2023. С. 11–24.
60. Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Указ. соч..., с. 42–44].
61. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. С. 68–69, 170, табл. XXIII, 2.
62. Дударев С.Л. Белореченский могильник. С. 21, 69, рис. 9, 5–6.
63. Березин Я.Б., Дударев С.Л. Головной убор и детали женского костюма по новым материалам VIII–V вв. до н.э. из района Кисловодска // IX Крупновские чтения. Тезисы докладов. Элиста, 1979. С. 27–29.
64. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Указ. соч..., с. 362–363.
65. Berezin J.B., Dudarev S. L. Neue präskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasien. Band 5. Berlin, 1999. S. 179–216.
66. Козенкова, 2004, с. 129, 215, рис. 46, 34, 39;
67. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Указ. соч. С. 111, рис. 95.
68. Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н.э. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, Вып.V). М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 129, с. 111, рис. 46, 26.
69. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. С. 61, 176, табл. XX, 1–4.
70. Березин Я.Б., Дударев С.Л. Головной убор и детали женского костюма.
71. Дударев С.Л. Белореченский могильник. С. 75, рис. 14; С. 81, рис. 20; С. 82, рис. 21.
72. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Указ. соч..., с. 359–361, рис. 258, 5, 7–8.
73. Там же.
74. Техов Б.В. Указ. соч..., с. 153, рис. 108.
75. Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы IX – первой половины VII в. до н.э.). II. Тбилиси: Мецниереба, 1981. Табл. 135, 3, 8–10.
76. Эрлих В.Р. Указ. соч..., с. 269, рис. 74, 10.

С.Л. ДУДАРЕВ

(г. Армавир, РФ)

НОВЫЕ НАХОДКИ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ АКИНАКОВ ИЗ ЗАКУБАНЬЯ И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Мечи кинжалы-акинаки, как весьма важная часть скифского вооружения, неоднократно являлись предметом внимания ученых-археологов. Среди них видное место занимают биметаллические (бронзово-железные) акинаки, как наиболее ранние из этой категории оружия ближнего боя. Особое внимание к ним объясняется тем, что данная группа акинаков наиболее тесно связана с проблемой генезиса скифских акинаков в целом.

Любые новые данные о биметаллических акинаках вызывают по этой причине пристальный интерес. В последнее время автору стали известны сведения о двух находках таковых как в Закубанье, так и в Северном Причерноморье, выявленные в сети интернет.

Одна из них найдена в с. Коноково Успенского района Краснодарского края. Акинак имеет Т-образную рукоять, причем предмет, сделанный из железа, имеет бронзовое навершие рукояти, прилитое к ней и имеющее брусковидную форму. Неполностью сохранившееся перекрестие, с частично недошедшей до нас правой лопастью, имело бабочковидную форму. По середине клинка проходит ребро жесткости. Длина предмета — 29 см, длина рукояти — 12 см. Ширина перекрестия в сохранившемся виде — 5,2 см. Длина навершия — 3,6 см (рис. 1, 1).

Предмет можно отнести у I отделу кинжалов и мечей с брусковидным навершием западного варианта кобанской КИО, типу II (с прямым обоюдоострым клинком). Такие кинжалы и мечи в Предкавказье распространяются в раннескифский период, но продолжают употребляться и в конце VI–V вв. до н.э.

К числу близких к данной находке относится меч с обломанным лезвием с культо-

вой площадки у северо-западного подножия г. Верблюд (район Кавказских Минеральных вод) [1]. Но наибольшее сходство находка из с. Коноково обнаруживает с образцами из погр. 298 и 378 Тлийского могильника [2; 3]. Погр. 378 датируется VI в. до н.э., погр. 298 не имеет отдельной датировки, поскольку включено Б.В. Теховым в число комплексов VII–VI в. до н.э. [4]. Двухэлементность (бронза и железо) — важная деталь для датировки предмета. Акинаки с биметаллической рукоятью, имеющую брусковидное навершие, датируются в целом VIII–VI вв. до н.э., хотя большинство из них имеет более узкую дату — VII–VI вв. до н.э. [5]. Такие акинаки часто имеют рамочную рукоять. Впрочем, на Северном Кавказе среди самых ранних акинаков есть и такие, которые имеют целиком железную рукоять, причем не рамочной конструкции, а такую же, как у акинака из Коноково. Интересно, что постепенно, особенно в VI в. до н.э., рамочное оформление рукояти железных акинаков (у биметаллических образцов изначально продиктованное необходимостью введения в рамку рукояти хвостовика железного клинка) превращается, по сути, в декор [6]. У некоторых из таких акинаков иногда имеется бронзовое брусковидное навершие и бронзовое же перекрестие (при наличии железного рамочного держака!) (с. Пруссy, Райгородок, территория исторической Лесостепной Скифии) [7]. Находка из Коноково входит в число биметаллических акинаков, замыкающих эволюционный ряд таковых. Бронзовое навершие представляет собой остаточный элемент некогда целиком бронзовой рукояти, имеющей рамочную конструкцию: у рассматриваемого образца с территории Средней Кубани нет уже ни бронзовых перекрестия, ни рамочного держака, а осталось только на-

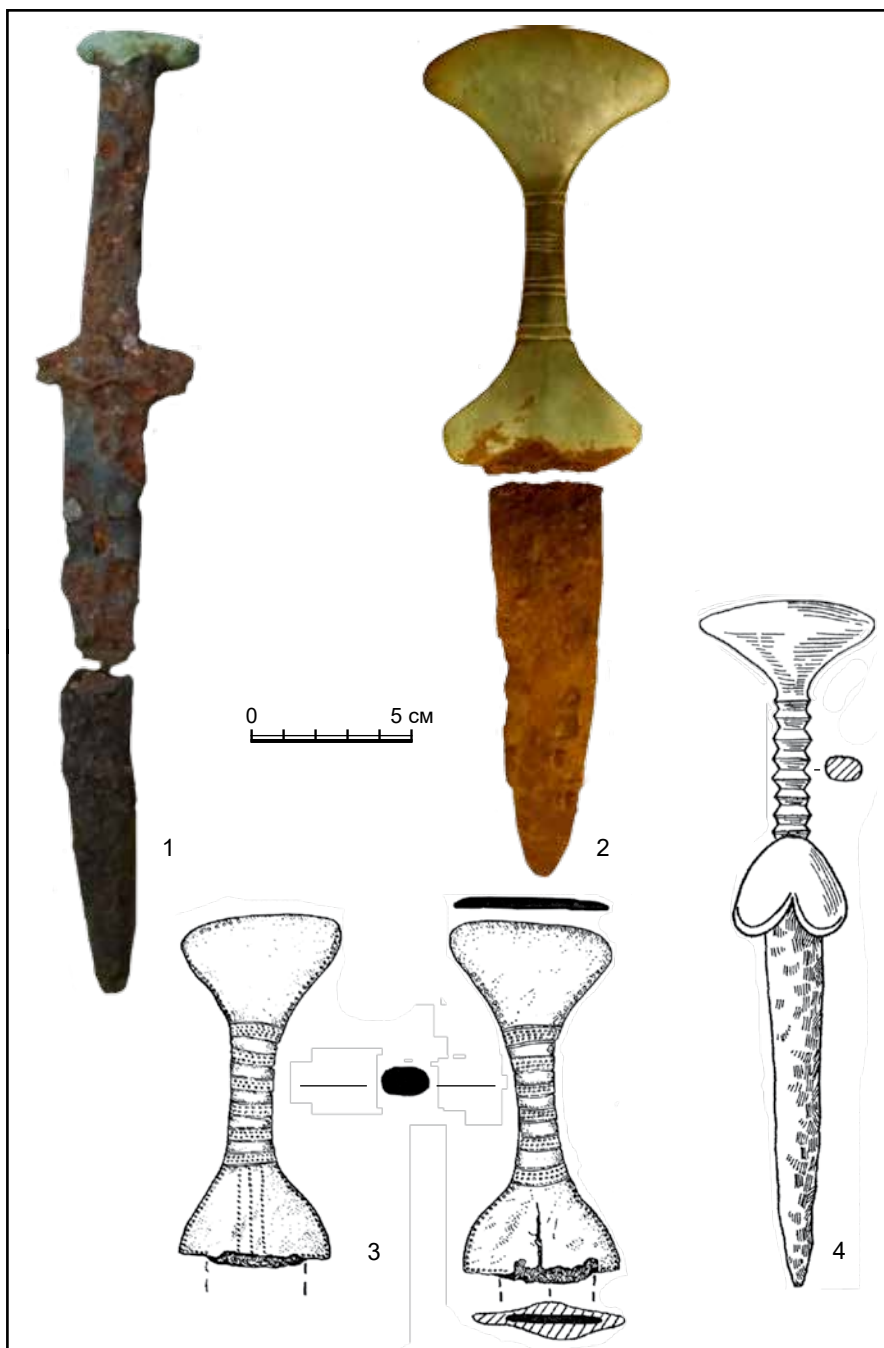

Рис. 1. 1 — Акинак из с. Коноково; 2 — Акинак из г. Зеньков Полтавской области; 3 — Кинжал из Новониколаевского II могильника, кург. 1, погр. 1; 4 — Акинак из с. Софиевка Черкасской области. 3 — по В.Р. Эрлиху; 4 — по А. А. Тереножкину. Все — бронза и железо.

вершие из бронзы. Черенок же превращается в рукоять.

Еще одна интересная находка, выявленная в сети интернет, происходит из района г. Зеньков Полтавской области Украины. У нее бронзовая рукоять, имеющая в середине несколько групп углубленных опоясывающих полос, плоское веерообразное навершие и бабочковидное перекрестие (рис. 1, 2). Черенок, по-видимому, вставлен в рукоять, возможно находчиками. Длина рукояти 13,3 см, ширина навершия — 7,5 см, высота его — 5, 3 см. Толщина в середине образца — 1,0 см. Ширина перекрестия — 6,5 см, ширина клинка у основания — 4 см. Длина его отломанной части — 12,8 см. Оно выщерблено с правой стороны.

Подобный находке из Зенькова меч известен из с. Софиевка Черкасской области (рис.1, 4), он длиннее ее (35 и приблизительно 26 с небольшим см соответственно). Образец из Софиевки имеет рифленую рукоять, перекрестие его имеет сердцевидную форму, а навершие ближе к треугольным очертаниям [8]. Примечательно, что оба указанных предмета из Поднепровья представляют собой акинаки — с бабочковидным и сердцевидным перекрестием. У них нет известных нам прямых и совершенно точных аналогий. В то же время, в Прикубанье в погр.1 кург. 1 Новониколаевского II могильника найден железный кинжал с бронзовой рукоятью, как оригинально подметил В.Р. Эрлих, в форме песочных часов [9]. Его навершие тяготеет к рукоятям кинжала и меча из Софиевки и Зенькова, а орнамент рукояти из шести поясков, состоящих из врезных линий и насечек (на одной из сторон нижней части рукояти, охватывающей «плечи» клинка, три достаточно длинные параллельные полоски опускаются вниз, к клинку от крайней полоски на рукояти орнамента) (рис.1, 3), весьма напоминает оформление держак находок из Поднепровья.

Касааясь происхождения трех, только что описанных кинжалов и мечей, следует указать на то, что генезис образцов типа софиевского интересовал отечественных ученых еще с 1970-х гг. и на это верно обра-

тил внимание В.Р. Эрлих [10]. Кинжал (меч) из Софиевки по технике своего изготовления, по мнению Б.А. Шрамко и его коллег [11], происходил из совершенно иного производственного центра, нежели исследованные ими образцы биметаллических кинжалов и мечей из Среднего Поднепровья. Опираясь на это суждение, В.Р. Эрлих привел ряд аналогий кинжалам из Софиевки и Новониколаевского в виде тех или иных образцов бронзового и биметаллического оружия из Восточной Грузии [13: 14], среди которых немало экземпляров, которые принято относить к переднеазиатскому типу [15]. Его представители, были обнаружены как на северном, так и на южном склоне гор Главного Кавказа. В его центральной части (Стырфаз, Тли) есть как представители той формы, которую мы бы назвали «классической» (Стырфаз, погр. 1 кромлеха 5) [16], так и те, которые, возможно, являются производными от нее.

Главной чертой, которая позволяет сегодня сблизить находки из Поднепровья и Прикубанья с указанными материалами с Кавказа (имеющими ближневосточные корни), является, по сути, только форма навершия. Сказать о том, что их связывают некие технологические особенности, сейчас не представляется возможным. Что же касается вышеназванного заключения специалистов из г. Харькова, то не можем не обратить внимание на то, что оно было сделано в 1977 г. Между тем, в 1984 г., т.е. всего через несколько лет, Б.А. Шрамко в обобщающей статье, посвященной технологии изготовления предскифского и скифского клинкового оружия Восточной Европы, сделал вывод о том, что кинжал из Софиевки изготовлен еще в технике, характерной для ранней группы киммерийского оружия. Но это заявление осталось для многих специалистов неизвестным.

Как бы то ни было, но новые находки биметаллического оружия, представленные выше, указывают на то, что история скифского акинака, как на то уже неоднократно отмечалось археологами, в том числе, нами, связана с культурами Кавказа эпохи поздней бронзы — начала раннего железа [19-21].

Разумеется, у кавказского происхождения акинаков есть как сторонники (Б.А. Шрамко), так и противники помимо В.И. Козенковой (А.Ю. Алексеев, Е.Е. Кузьмина). Любопытно то, что в связи с происхождением акинака интерес представляет и

этимология данного термина, который, как утверждали Д.С. Раевский, С.В. Кулланда и М.Н. Погребова, не может быть иранским и имеет праанакские корни [22]. Эта гипотеза создает новые аспекты в изучении истории акинака.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск: Спецпечать, 2005. С. 30, 54, рис. 9, 8.
2. Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М.: Наука, 1980. С. 41, рис. 20, 4.
3. Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проспект-пресс. 2002. С. 335, табл. 54, 4.
4. Техов Б.В. Тайны древних погребений. С. 29–30; Его же. Скифы и Центральный Кавказ.
5. Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Сборник научных трудов. К.: Наукова думка, 1984. С. 30–33.
6. Там же. С. 33.
7. Там же. С. 32, рис. 5, 1.
8. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 83, рис. 48.
9. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007. С. 93, 343, рис. 151, 1.
10. Там же. С. 93.
11. Шрамко Б.А., Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. 1977. № 1. С. 64.
12. Эрлих В.Р. Указ. соч.
13. Там же.
14. Pichelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archäologie in Eurasien. Band 4. Verlag Marie Leidorf GmbH-Espelkamp, 1997.
15. Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977. С. 35. Табл. 1.
16. Техов Б.В. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии. Владикавказ-Цхинвал, 2000. С. 161 рис. 22, 2.
17. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. С. 105, рис. 88, 2.
18. Шрамко Б. А. Указ. соч. С. 29.
19. Dudarev S. L. New data on the Caucasian Genesis of Scythian «akinakes» // *Eirene (XLII) Studia Graeca et Latina (Archaeologica)*. Praha, 2006. P. 56–64.
20. Сборник научных работ С. Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 221–226.
21. Дударев С.Л. Еще раз о кавказско-переднеазиатских истоках скифских «акинаков» // Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України. Вип. 2 (19). 2016. Київ. С. 74–75.
22. См. подробнее: Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. Изд. 2-е, испр. М.: ИВ РАН, 2016. С. 136.

В.А. ФОМЕНКО

(г. Нальчик)

ПАМЯТНИКИ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ЗЕМЛЯНЫЕ ГОРОДИЩА С КУРГАНООБРАЗНЫМИ ВОЗВЫШЕННОСТЯМИ

Традиция возведения курганных насыпей на плоскости и в предгорьях на территории современной Кабардино-Балкарии была широко распространена в эпохи ранней и средней бронзы (майкопско-новосвободненская, северокавказская и в меньшей степени катакомбная культуры). В эпоху поздней и особенно финальной бронзы эта традиция пришла в упадок. Впрочем, курганные насыпи продолжали возводиться, но подкурганная традиция погребения существовала при преобладании бескурганной. Приблизительно та же ситуация продолжалась в изучаемом регионе и в скифско-сарматскую эпоху.

Однако для сарматского времени характерным является строительство земляных городищ с конусовидными или подконусовидными (курганоподобными) цитаделями (возвышенностями), которые пока мало изучены и предварительно могут быть датированы рубежом и первыми вв. н.э. Некоторые из этих памятников кратко характеризуются в нашей работе.

Итоги изучения древностей сарматского времени на территории Кабардино-Балкарии обобщались в 60-е годы XX в. [1]. Последняя по времени монография, посвященная древностям этого периода, была опубликована Б.М. Керетовым в 1988 г. [2]. С того года дальнейших обобщений материалов памятников сарматской эпохи в регионе не проводилось.

Характерно, что в упомянутой книге в разделе о бытовых памятниках сарматского времени приводятся данные всего о 7 объектах. Также автор книги осторожно предполагал, что в сарматское время были обитаемы городища у селений Сармаково, Заюково, Кременчуг-Константиновское, Шордаково («Шордак-гора») и другие [3].

Нельзя исключить вероятность того, что малочисленность бытовых памятников сарматского времени на территории Кабардино-Балкарии, отраженная в книге 1988 г., связана с тем, что значительная часть древностей этой эпохи ранее была уверенно, но, к сожалению, ошибочно, датирована эпохой раннего средневековья в своде И.М. Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии» [4] и в большой статье того же автора, вышедшей в 1987 году [5].

Несколько городищ сарматского времени, расположенных на территории республики были осмотрены мной в 2009–2023 гг. Время существования памятников определялось по фрагментам керамики, встречающимся на поверхности земли. Аналогии известны на поселениях соседнего района Пятигорья [6].

Некоторые западно-кобанские городища предскифского времени в северо-западной части Кабардино-Балкарии продолжали функционировать в скифское время и позднее (чаще с перерывами). Так в сел. Залукокоже (Зольский район) сохранилась стоящая отде-

Рис. 1. Городище Черная гора в сел. Залукокоаже. Снимок автора, 2023 г.

льно возвышенность Черная гора (рис. 1). В древности она являлась укрепленной частью многослойного городища. Памятник исследовался экспедицией Кабардинского НИИ в 1949 году под руководством К.Э. Гриневича. Тогда на городище были выявлены слои предскифского времени [7] и аланской эпохи. В 2023–2024 гг., при осмотре соседней с Черной горой стройплощадки, мною было замечено наличие орнаментированных фрагментов керамики не только VIII–VII вв. до н.э., но и первых вв. н.э.

Древнее городище с сильно уплощенной конусовидной цитаделью (рис. 2) было осмотрено мной в 2009 году в селении Нижний Куркужин. Судя по лежащей на поверхности керамике, памятник датируется последними вв. до н.э.

Нижнекуркужинское городище вероятно связано с культурой земляных городищ и склеповых захоронений населения Центрального Предкавказья IV в. до н.э. – I в. н.э., которая имела местную основу и многие элементы, воспринятые от степняков — скифов и сарматов. Эта культура была недавно выделена на Ставропольской возвышенности и в районе Пятигорья [8].

В первых вв. н.э. на территории предгорий Центрального и Северо-Восточного Кавказа возникает множество крупных и средних по размерам городищ со сложной фортификацией и цитаделями усеченно-конусовидной формы. Эта культура, существовавшая в I–IV вв., получила название раннеаланской.

Рис. 2. Цитадель поселения последних вв. до н.э. в сел. Н. Куркужин. Снимок 2009 г.

Рис. 3. Городище на берегу реки Кишпек. Снимок из программы Google Earth, 2013 г.

Особый интерес представляют земляные городища предгорной части Кабардино-Балкарии. Многие из них датируются II–IV вв. и имеют незаурядные земляные фортификационные сооружения. Кратко охарактеризуем некоторые из этих памятников.

В 2015 году мною было осмотрено Этокское городище. Оно находится на мысообразном холме вблизи современного кладбища селения Этоко в Зольском районе. На краю мыса имеется усеченно-конусовидная цитадель древнего городища. Данное поселение — крупный археологический памятник предскифского (VIII–VII вв. до н.э.) и сарматского (I–IV вв. н.э.) времени. На юго-восточной периферии памятника прослеживаются следы распавшегося рва [9].

Городище на берегу реки Кишпек (Баксанский район) расположено у ее пересечения с трассой Пятигорск-Нальчик. Это крупный памятник (рис.

3) с несколькими холмами-цитаделями. С южной и восточной сторон к укреплению примыкает селище, где кроме керамики сарматской эпохи встречаются фрагменты сосудов скифского и, возможно, предскифского времени. Осмотрено автором в 2013 г. В 2020 г. частично исследовано археологической экспедицией при реконструкции трассы.

Большой кишпекский курган находился у селения Кишпек Баксанского района. Этот памятник был полностью раскопан в 1973–1974 гг. Важно, что насыпь этого кургана создавалась в эпохи ранней и средней бронзы, но в первых вв. н.э. она была превращена в городище с мощными фортификационными сооружениями (конусовидная цитадель около 12 м высотой, ров и вал). К сожалению, материалы, относящиеся к сарматскому времени, из раскопок Большого кишпекского кургана опубликованы не были [10].

Рис. 4. Цитадель поселения первых вв. н.э. в долине реки Чегем. Снимок автора, 2009 г.

Рис. 5. Городище Гора Озроковых. Сел. Исламей. Снимок автора, 2023 г.

Среди курганообразных древних городищ нужно назвать Шхалишхову гору. Это крупное конусовидное фортификационное и (или) культовое сооружение. Расположено оно у селения Кишпек. Шхалишхо переводится с кабардинского как «большая мельница». Конус Шхалишховой горы находится на широком, но невысоком, основании и возвышается над окружающей местнос-

тью приблизительно на 14 м. Этот объект был осмотрен археологами в 1975 и 2023 г. Судя по опубликованным находкам, фортификационные сооружения и селище Шхалишховой горы следует датировать началом I тыс. н.э. Важно также учесть, что при строительстве этого городища была использована насыпь, находившегося на этом месте, кургана эпохи бронзы [11].

Городище у селения Чегем II расположено возле дороги к Чегемским водопадам. Его конусовидная цитадель (рис. 4), окруженная ровом, имеет сравнительно небольшие размеры. Осмотрено автором в 2009 и 2023 гг.

Городище первых веков н.э. Гора Озроковых расположено у старого кладбища селения Исламей в Баксанском районе. Оно имеет крупную усеченноконическую цитадель, глубокий ров и вал с сохранившимся проходом (рис. 5). Памятник осмотрен автором в 2022 и 2023 гг.

Интересен также обычай использования местным населением Северного Кавказа сарматского времени курганных насыпей эпохи бронзы и естественных курганообразных возвышенностей для устройства рядовых кладбищ [12]. Эта традиция также характерна для древностей соседнего Пятигорья [13] и других районов Предкавказья [14].

Непосредственно курганные могильники сарматского времени на территории Кабардино-Балкарии, также как и впускные погребения этого времени мало изучены и скорее всего редки.

Так, к концу сарматской эпохи относится курганный могильник из 9 насыпей, исследованный архео-

логом Р.Ж. Бетровым у сел. Кишпек [15]. Уникальные находки из неограбленного княжеского захоронения на этом кладбище относятся современными исследователями к рубежу III и IV вв. и свидетельствуют об очень широких связях населения Предкавказья в это время — от Прибалтики и Римской империи на западе до Парфии на юге и Китая на Востоке [16].

Это говорит о том, что в сарматское время в Центральном Предкавказье проходили сложные этнокультурные процессы. Отдельные ученые пытались свести к их к иранизации местного кавказоязычного населения [17]. Однако, как мне представляется, эти процессы были намного сложнее.

Таким образом, земляные курганообразные возвышенности сарматского времени на территории предгорно-плоскостной части Кабардино-Балкарии являются уникальными и мало изученными памятниками. Укрепления, вероятно, имели важное оборонительное и, возможно, культовое значение для местного земледельческо-скотоводческого населения. Но в их хронологии, типологии и культурно-этнической атрибуции остается еще много нерешенных вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа (Труды Чечено-Ингушского НИИ. Т. 6). Грозный, 1963. 222 с.; Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 44–73.
2. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 216 с.
3. Кереев Б.М. Памятники сарматского... С. 9–15.
4. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии... С. 44–73.
5. Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. С. 40–169.
6. Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А. Памятники сарматского времени северо-восточной части Пятигорья (археологическая карта) // Страницы истории России: межвузовский сборник научных статей. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 1996. С. 3–9.
7. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5. С. 30, № 52.

8. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СКФУ, 2014. Ч. 2. С. 242–244.
9. Фоменко В.А. О месте первоначального нахождения Этокского изваяния (Дукабека) // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2016. №4 (31). С. 9, 12–13.
10. Мизиев И.М. Два кургана у селения Кишпек и Кызбурун 3 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 88–89; Фоменко В.А., Шаов А.Р. Городище Шхалишхова гора и некоторые другие памятники рубежа и первой половины I тыс. н.э. на территории Кабардино-Балкарии // Тенденции развития науки и образования. Самара: Научный центр Ljournal, 2023. №98, Июнь. Часть 7. DOI 10.18411/tmio-06–2023–384. С. 112.
11. Фоменко В.А., Шаов А.Р. Городище Шхалишхова гора... С. 110–113.
12. Кереев Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 135–259.
13. Рунич А.П. Железноводский могильник // Советская археология. М., 1983. №4. С. 218–222; Абрамова М.П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. 182 с.
14. Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Раскопки кургана-кладбища в Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987, С. 47–48; Малашев В.Ю., Маслов В.Е. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2021. Т. 20, №2. С. 81–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>.
15. Бетров Р.Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 113–122; Бетров Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1987. Т. 3. С. 11–39.
16. Васильев А.А. Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария // Германия — Сарматия. Калининград; Курск. 2010. Т. II; Васильев А.А., Кармов Т.М. Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 238–246; Лурье Е.В. Шлем из могильника у с. Кишпек и классификация шлемов с составным куполом римского времени // Третья Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2013. С. 268–278.
17. Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // Памятники предкифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 153–178.

Г.Н. КЕРЦЕВА (ВОЛЬНАЯ)

(г. Владикавказ, РФ)

ТИПЫ СЕРЁГ И ВИСОЧНЫХ ПРИВЕСОК ИЗ «ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА МАЦУТА 1, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

В 2020 г. в связи со строительством фельдшерско-акушерского пункта проводились охранно-спасательные исследования выявленного объекта культурного наследия «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» с целью его изучения и сохранения. Могильник находится на южной окраине с. Мацута Ирафского района Республики Северная Осетия-Алания. Селение Мацута расположено в высокогорной части Дигорского ущелья на северном склоне Большого Кавказского хребта в Махческ-Донифарсской котловине в междуречье рек Урух (дигор. Ирæф) и Амугидон. Научно-исследовательские археологические работы проводились по Открытому листу №0794–2020, выданному на имя начальника экспедиции Г.Н. Керцевой проведена исследования «Грунтовой могильник Мацута I, средневековье», попадающего в зону объекта «Строительство фельдшерско-акушерского пункта в с. Мацута».

В результате проведения охранно-спасательных раскопок выявленного объекта культурного наследия «Грунтовой могильник Мацута I, средневековье» было раскопано 75 грунтовых погребений в каменных ящиках. Исследованная площадь составила 280 кв. м. Погребения представляли собой грунтовые могилы, обложенные по периметру и перекрытые сверху сланцевыми плитами. Время создания каменных ящиков и захоронений в них определяется по погребальному инвентарю XVI–XVII вв.

Каплевидные височные подвески (рис. 1).

В погребениях 9, 24, 47 «Грунтового могильника Мацута 1, средневековье» было обнаружено 5 каплевидных височных подвесок с длинным стержнем с петлёй и 3 бусинами на конце (рис. 1–5). В Погребении 9 «Грунтового могильника Мацута 1, средневековье» обнаружены две каплевидные серебряные серьги. Одна найдена в области правой ключицы, а вторая справа от талии. Из этого расположения подвесок можно сделать вывод, что серьги были положены сверху на погребённого. Серебряные каплевидные височные подвески из погр. 9 имеют с две жемчужины и серебряный шарик на стержне, каплевидная основа выполнена из проволоки, уплощённой в сечении и согнутой в виде капли с двумя жемчужинами на конце. Возможно одна жемчужина не сохранилась, т.к. на стержне оставалось место для ещё одной жемчужины. Жемчужины по краям ограничены сверху серебряным шариком, снизу бронзовым цилиндром. Размеры подвески: Высота — 5,1 см, ширина — 2,2 см. Ширина проволоки — 0,4 см, толщина — 0,1 см. Диаметр жемчужин — 0,7 и 0,6 см. Диаметр серебряного шарика — 0,5 см. Размеры второй подвески: высота — 5,2 см, ширина — 2,0 см. Ширина проволоки — 0,4 см, толщина — 0,1 см. Диаметр жемчужин — 0,7 и 0,6 см. Диаметр серебряного шарика — 0,6 см.

Из погребения 24 происходит ещё одна каплевидная серебряная

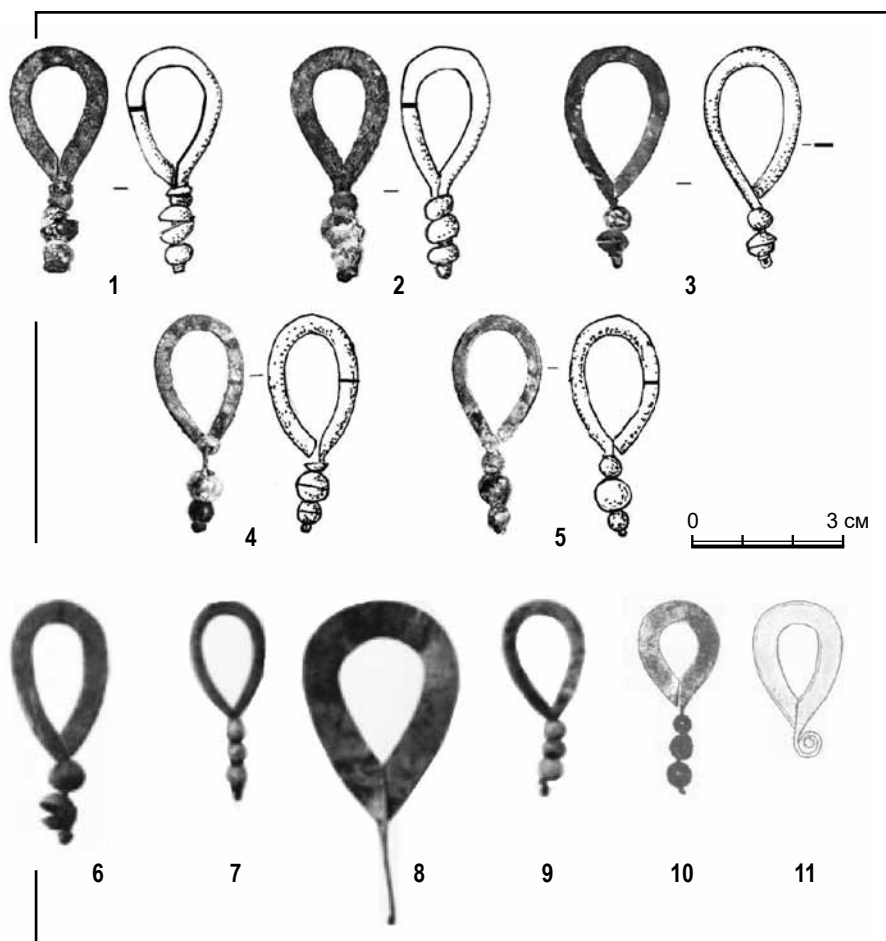

Рис. 1. Каплевидные височные подвески. Погребения «Грунтового могильника Мацута 1, средневековье»: 1–2 — погребение 9; 3 — погребение 24; 4–5 — погребение 47. Сел. Далагкау — 6. Сел. Махческ — 7–9. Каррас — 10–11.

подвеска с жемчужиной и бронзовой бусиной на нижнем конце. Она была найдена между правой плечевой костью и грудной клеткой. Похоже, что она была положена на тело погребённого. Длина — 4,5 см, ширина — 2 см, Диаметр бронзовой бусины — 0,7, жемчужины — 0,5 см.

Из погребения 47 этого же могильника происходят две каплевидные бронзовые височные подвески. Они

были найдены по сторонам от черепа. В нижней части на стержне — три круглые бусины, две бронзовые и одна серебряная. Размеры первой подвески: высота — 4,2 см, ширина проволоки — 0,5 см, толщина — 0,1 см, диаметр бусин — 0,4 см, 0,7 см, 0,4 см. Размеры второй подвески: высота — 4,4 см, ширина проволоки — 0,5 см, толщина — 0,1 см, диаметр бусин — 0,4 см, 0,7 см, 0,4 см.

Аналогиями каплевидным височным подвескам являются находки из сс. Далагаку, Махческ [1] и Караса (Ставропольский край). Такие серьги были массово обнаружены в погребениях Нузальского могильника Северной Осетии¹. Серьги такого типа датируются И.А. Дружининой XVI в. [2].

Эллипсоидные серьги из двух половинок с зернью и сканью (рис. 2).

В погребении 35 были найдены две эллипсоидные серебряные серьги-подвески на дужке с 4 конусами, обрамлёнными проволокой (сканью) и с зернью в центре (Рис. 2, 1–2). Серьги-подвески найдены по сторонам от черепа. В нижней части зернь в виде треугольника. Размеры первой серьги-подвески: высота предмета — 4,5 см, длина подвески — 2 см, диаметр — 1,2 см. Дужка фрагментирована, декор частично отсутствует. Размеры второй серьги-подвески: высота — 4,5 см, длина подвески — 2 см, диаметр — 1,2 см.

Аналогиями им является серьги-подвески из с. Даргавс и Махческ [3], с. Верхний Кобан [4]. Также аналогиями являются бусины трёхбусинных серёг из раскопок русских могил в Киевской губернии [5]. Эти подвески находят аналогии в подвесках, которые использовались для трёхбусинных подвесок. В то же время знакомство Руси с балканскими образцами бусинных украшений документируется находками на территории Восточной Европы колец, по форме бусин или характеру декора тяготеющих к балканской традиции. К подобным предметам балканского импорта или украшениям, изготовленным на месте под влиянием привозных образцов, можно отнести, на-

пример, бусинные кольца XII–XIII вв. из клада Старково (ГЭ. инв. 1000/2–4), из слоев Новгорода (инв. 20–22–424), из находки неизвестного происхождения, хранящейся в Киеве в кол. КМИД (рис. 14: 1–5). Разнобусинным является и массивное золотое кольцо из коллекции КМИДа, которое можно датировать XIII в. С балканскими образцами его связывает и декор в виде проволочных колечек, а особенно — наличие цепочек-подвесок. Собственное производство бусинных украшений в XIII–XIV вв. на Руси заканчивается, но вплоть до XV–XVI вв. продолжают sporadически встречаться украшения, изготовленные в поздней Карпато-Балканской традиции [6].

Серьги с двумя привесками (рис. 3).

В погребении 43 по сторонам от таза, погребённого обнаружены две бронзовые идентичные серьги с двумя привесками на дужке. Общая длина серёг — 6,2 см. Длина дужки — 2 см, длина подвесок — 3,5 см. Дужка в сечении круглая, диаметром — 0,1 см, сверху на ней каплевидная накладка. Привески состоят из трёх бусинок, нанизанных на проволоку. Две по бокам белые жемчужные бусины круглые диаметром — 0,3 см и ажурная цилиндрическая бронзовая бусина с треугольными отверстиями посередине высотой — 0,5 см, диаметром — 0,4 см. Аналогичные серьги известны с территории Северной Осетии из могильника в с. Лезгор [7] и наскального склепа в с. Дзизгис [8].

Рисунок 4. Из погребения 36 происходит бронзовая серьга каплевидной формы, представляющая собой подтреугольное гладкое кольцо из проволоки (рис. 4). Размеры: 2,2×1,9 см. Диаметр проволоки — 0,1–0,5 см. Серьга найдена у левого виска черепа погребённого. Эти серьги выполнены из бронзовой проволоки. В верхней части диаметр проволоки — 0,5 см.

1 Благодарю М.М. Канукову сотрудника отдела культурного наследия Института истории и археологии за информацию.

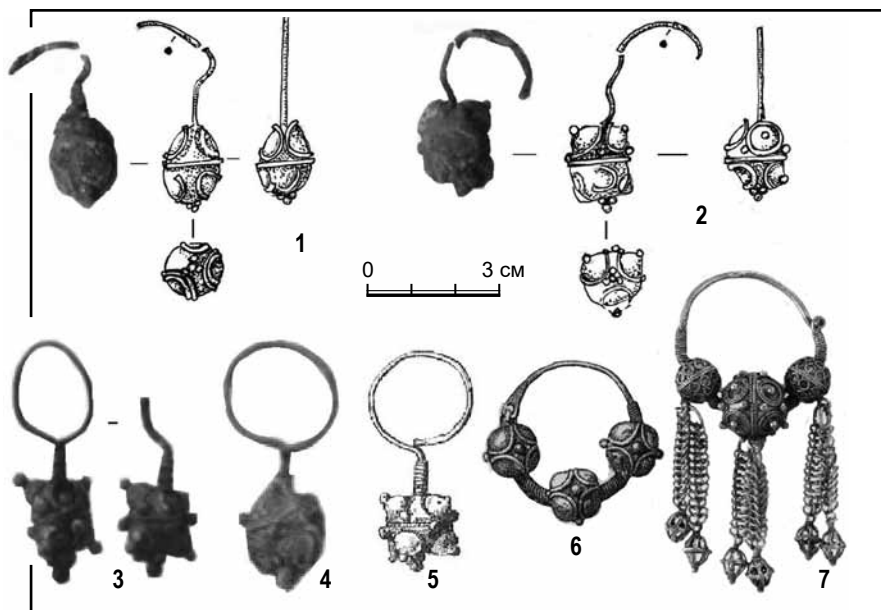

Рис. 2. Эллипсовидные серьги из двух половинок с зернью и сканью. 1–2 — погребение «Грунтового могильника Мацута 1, средневековье»; 3 — с. Даргавс, 4 — с. Махческ, 5 — с. Верхний Кобан, 6–7 — из раскопок русских могил в Киевской губернии.

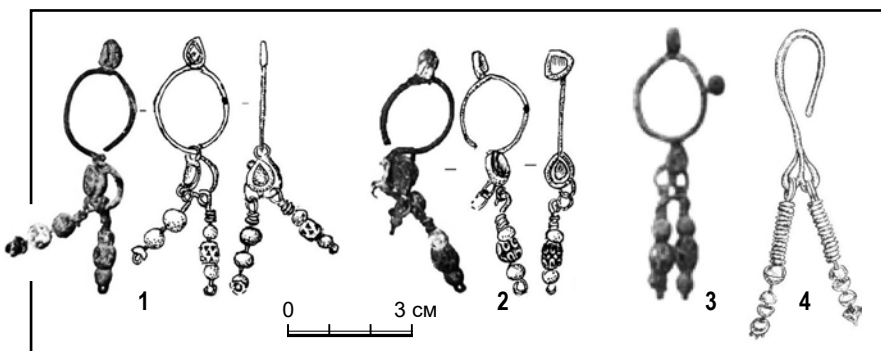

Рис. 3. Серьги с двумя привесками. 1–2 — из погребения 43 «Грунтового могильника Мацута 1, средневековье»; 3 — из с. Лезгор, 4 — из с. Дзивгис. Серьга калачевидной формы.

Серьги/подвески из вертикально расположенных шариков с зернью

Также в погребениях 9, 14, 20, 43, 64, 75 «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» встречаются серьги, состоящие из круглого коль-

ца и прикреплённых к нему вертикально расположенных полых шариков, украшенных зернью (рис. 5). В погр. 9 справа у черепа, погребённого обнаружен фрагмент серебряной височной подвески из грозди шариков, прикреплённых с по-

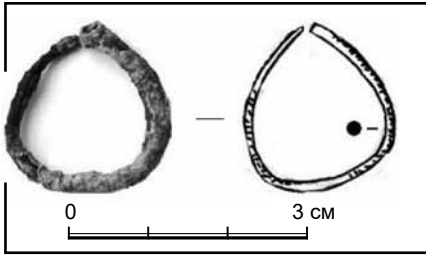

Рис. 4. Калачиковидная серьга из погребения 36 «Грунтового могильника Мацута 1, средневековье».

мощью штыря к дужке (рис. 5, 1). Интересно, что помимо этой подвески под рёбрами с правой стороны была обнаружена бронзовая подвеска каплевидной формы с тремя жемчужными бусинами, а в верхней части позвоночника аналогичная бронзовая подвеска (рис.). Через центральный шарик диаметром — 0,7 см, проходит дужка и штырь, над ним на штыре шарик меньших размеров — 0,5 см. Снизу к центральному шару припаяны четыре шарика диаметром — 0,25 см, ниже к каждому из них припаяны более крупные шарика диаметром — 0,5 см. Сверху на дужке ещё один фрагментированный полый серебряный шарик диаметром — 0,5 см.

В погребении 14 слева у головы погребённого была обнаружена пара бронзовых серёг, состоящих из дужки и каскада полых шариков различных размеров (рис. 5, 2–3). Длина одной из серёг — 5,3 см, диаметр дужки — 2 см, диаметр большого шарика — 1,2 см, диаметр мелких шариков — 0,5, 0,4, см, 0,3 см, 0,2 см. Диаметр зерни — 0,1 см. Размеры другой серьги: длина — 6,4 см, диаметр дужки — 2,5 см, диаметр большого шарика — 1,7 см, диаметр мелких шариков — 0,5, 0,4, см, 0,3 см, 0,2 см. Диаметр зерни — 0,1 см.

В погребении 20 в области разрушенного черепа найдены две ви-

сочные подвески пара бронзовых серёг, состоящих из дужки и каскада полых шариков различных размеров (рис. 5, 4–5). Длина — 5,9 см, диаметр дужки — 2,3 см, диаметр большого шарика — 1,6 см, диаметр мелких шариков — 0,5, 0,4, см, 0,3 см, 0,2 см. Диаметр зерни — 0,1 см.

В погребении 43 найдены две серьги/подвески из жёлтого металла. Одна из серёг была разделена на два фрагмента и помещена в разных местах. Её верхняя часть серьги (рис. 5, 9; 6, 4) найдена у основания черепа, нижняя часть в области грудины. Верхняя часть фрагмента серьги представляет собой кольцевидную дужку и четыре столбика из трёх вертикально расположенных плоских окружностей высотой 1 см, сверху дужки шарик с пирамидальной зернью. На дужку снизу нанизана бусина меньших размеров, высотой — 0,7 см и диаметром — 0,5 см, а сверху на ней шаровидная бусина диаметром 0,5 см с пирамидкой зерни наверху. Дужка в сечении круглая, диаметр — 0,1 см. Диаметр зерни — 0,2 см. Нижняя часть фрагмента серьги — эллипсоидная полая бусина с зернью (рис. 5, 9; 6, 7). Длина эллипсоидной полой бусины — 1,5 см, диаметр — 1,2 см. Диаметр зерни — 0,1 см. Аналогичная серьга/подвеска была обнаружена справа от подбородка, погребённого (рис. 5, 10; 6, 5). Общая длина — 6,4 см, длина эллипсоидной полой бусины — 1,5 см, диаметр — 1,2 см. Дужка в сечении круглая, диаметр — 0,1 см. Высота столбиков — 1 см. Диаметр зерни — 0,1 — 0,2 см. Эллипсоидная привеска обрамлена сканью. На дужку снизу нанизана бусина меньших размеров, высотой — 0,7 см и диаметром — 0,5 см, сверху на ней шаровидная бусина диаметром 0,5 см с пирамидкой зерни наверху.

По сторонам от таза в погребении 43 найдены ещё две бронзовые

Рис. 5. Серьги и височные подвески из вертикальных шариков с зернью из «Грунтового могильника Мацута I, средневековье». 1 — погр. 9, 2-3 — погр. 14, 4 — погр. 75, 5-6 — погр. 64, 7-8 — погр. 20, 9-10 — погр. 43, 11-12 — погр. 69.

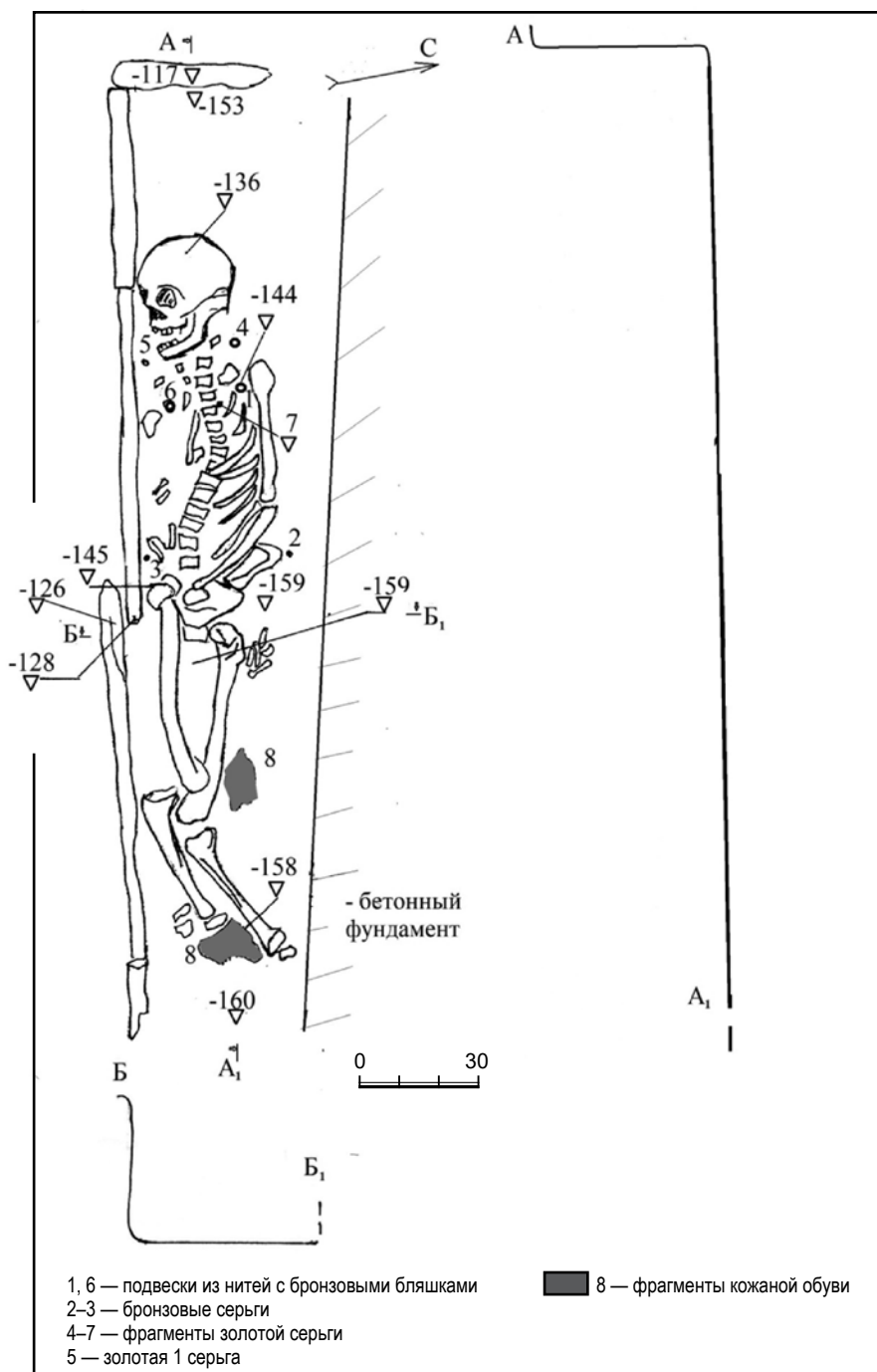

Рис. 6. Расположение серёг в погребении 43 «Грунтового могильника Мацута I, средневековье».

височные подвески с двумя привесками на дужке (рис. 3, 1–2).

В погребении 64 слева от черепа у шеи найдена бронзовая серьга/височная подвеска (Рис.5,6) с кольцевидной дужкой и эллипсоидной поллой бусиной ниже дужки на четырёх столбиках из двух вертикально расположенных шариков (меньшего и большего), сверху и снизу дужки. Диаметр шариков — 0,4 и 0,3. Снизу бусины — пирамидка из зерни. Диаметр зерни — 0,1 — 0,2 см. Общая длина — 5,8 см, высота бусины — 2,4 см, диаметр — 1,6 см. Дужка в сечении круглая, диаметр — 0,1 см. Высота столбиков — 0,7 см. На дужку снизу нанизана эллипсоидная бусина меньших размеров, высотой — 0,9 см.

Ещё одна фрагментированная серьга/височная подвеска аналогичная предыдущей найдена в погр.64 у основания черепа, с той же стороны, что и предыдущая (рис. 5, 5). Она является нижней частью серьги/ височной подвески — представляет собой эллипсоидную полую бусину с фрагментами шариков сверху и зерни снизу. Сохранившаяся высота — 2,9 см. Высота бусины — 2,4 см, диаметр — 1,6 см. Её верхняя часть найдена в погребении 75 (рис. 5, 4). В погребении 75 сохранилась вытянуто-кольцевидная проволочная дужка с эллипсоидной поллой бусиной на ней. Общая сохранившаяся высота 3 см. Сверху бусины два полых шарика диаметром 0,5 (верхняя) и 0,2 см (нижняя). Под бусиной фрагменты шариков. Размеры дужки 2,2×1,7 см. Размеры бусины 0,7×0,5 см. Диаметр проволоки дужки 0,1 см. Сверху дужки пирамидка зерни высотой 0,4 см. Диаметр зерни — 0,1 см. Таким образом одну и ту же серьгу использовали как погребальный инвентарь в двух погребениях 64 и 75.

В погребении 69 справа от грудной клетки обнаружены фрагменты

верхних частей двух бронзовых серег/височных подвесок (рис. 5, 11–12). Первая серьга состоит из дужки и каскада 3 уплощённых полых шариков различных размеров (высота 0,3; 0,4; 0,4 см и одного шарика диаметром — 0,2 см. Сохранившаяся общая длина — 4,3 см, диаметр дужки — 2,1 см. Сверху на дужке эллипсоид размерами 0,6×0,4 см, с зернью сверху и снизу. Диаметр зерни — 0,1 см. Сохранилась нижняя часть серёг с пирамидой из зерни. Диаметр зерни — 0,1 см.

Вторая серьга состоит из дужки на эллипсоидной поллой бусины сверху дужке размерами 0,6×0,4 см, с зернью сверху и снизу. Сохранилась нижняя часть серёг с пирамидой из зерни. Диаметр зерни — 0,1 см.

Круглые подвески этого типа серёг/ височных подвесок состоит из двух половинок: верхней и нижней, спаянных посередине. Они внутри полые, бусины изготавливались из тонкой золотой, серебряной или бронзовой фольги толщиной менее 0,1 см. Для их изготовления использовалась металлическая матрица. Большинство из рассматриваемых серёг в погребениях не являлись элементом костюма, а были положены в могилу во время погребения. В золотоордынский период на Верхней Кубани, в Дагестане и Чечено-Ингушетии был распространён тип крупных серёг со стерженьком, унизанным несколькими бусинками, восходящий к салтовским серьгам. Эти серьги уже были рассмотрены в наших предыдущих статьях [9] [10].

Серьги в некоторых погребениях, судя по их расположению, не были частью костюма: вдеты в уши погребённого или служили украшением головного убора, а были частью погребального обряда. Также в некоторых погребениях серёг/височных подвесок могло быть несколько пар. Фрагменты одной и той же

серьги / подвески могли находиться сразу в двух погребениях. Можно ещё предположить, что серьги из жёлтого металла, разделили на части во избежание их хищения. То есть происходила преднамеренная порча украшений. Кроме этих серёг из Мацуты, такие украшения в Северной Осетии известны из Махческа [11], Лезгора, Кумбулты, Кобани [12, табл. LXXXIX, 22; табл. LVIII, 5], , серебрянная подвеска из погр. 143 Нузальского мог. [13]. Аналогичные серьги происходят из каменных ящиков и склепов с. Дзивгис [14], склепа XV–XVI в. близ с. Ахсау [15]. Обращают на себя внимание серьги из Дзивгиса с крестиками на шариках в верхней и средней части. Большинство находок таких серёг известно из Дигорского ущелья Северной Осетии (10 экз. из 26). В Чечне такие серьги известны из Юрташтинского [16], Ялхой-Мохкского [17], Гардалинского могильника [18], Автуринского могильника 1 [19], могильника «Урус-Мартановский поворот» [20], недокументированные же находки хранятся в НМ ЧР. В Ингушетии такие серьги встречаются в склепах XIV–XVII вв. в с. Салги и Хамхи [21], в Балкарии из с. Зилчи [22], также они встречаются в Карачаево-Черкесии [23].

Серьги и височные подвески — наиболее массовый материал, который может датировать погребения и свидетельствовать об экономических контактах местного населения. По мнению В.Х. Тменова: «Относительная малочисленность украшений в позднесредневековых погребениях объясняется, видимо тем, что ими дорожили и передавали по наследству» [26].

Указанный период археологикавказоведы традиционно называют эпохой позднего средневековья. В обстоятельных публикациях В.Б. Виноградова и В.И. Марковина эта точка зрения получила наи-

более полное обоснование [24]. Однако, проблемы периодизации средневековой истории народов Северного Кавказа нуждаются еще в дополнительном исследовании и соответствующей аргументации, в основу которой должен быть положен формационный (а не хронологический) критерий, позволяющий при выделении тех или иных временных периодов (этапов) учесть и специфику социально-политической жизни населения региона [25].

Территория Дигорского общества в период функционирования «Грунтового могильника Мацута I, средневековье» делилась на несколько частей, которые в XVI в. принадлежали самостоятельным гражданским общинам. Территория Мацуты входила в Тапан-Дигорию.

Источники середины XV – начала XVI в. рисуют страшную картину разгрома после монгольского нашествия и походов Тимура. На равнине господствовали кабардинцы. Населению в горах приходилось довольствоваться малой экономической базой.

XV – начало XVI в. представляет собой «тёмные века». Об этом периоде мало письменных источников. С середины XVI по начало XVII в. произошли заметные сдвиги в социально-политической и экономической жизни горских народов, изменилась и общеполитическая ситуация в регионе. Народы Кавказа совместными усилиями отставали свою независимость в борьбе с экспансией Ирана, Турции и Крымского ханства. С середины XVI в. усиливается процесс укрепления и развития разносторонних связей с Россией. И здесь особое место занимает опыт социально-экономической и культурной интеграции осетин в состав России [26]. Русско-северокавказские отношения, прерванные татаро-монгольским нашествием, ак-

тивизировались в середине XVI в. Участвовавшие в этом процессе стороны находились в разных условиях, как разными были причины, толкавшие их к поиску союзников. Московские князья к этому времени завершили «собрание земель русских». Более того, они расширили границы своего государства; на

Волге после присоединения Казани и Астрахани они подошли к границам Кавказа [27].

Наличие серёг и височных подвесок аналогичных, тем, что бытовали в Русском государстве в этот период, свидетельствуют о культурных и экономических контактах населения Дигорского ущелья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа графини Уваровой // Материалы по археологии Кавказа, сборные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8. М., 1900. Табл. XXII, 18; CVII, 3–4.
2. Дружинина И.А. К датировке погребальных памятников адыгов XVI–XVIII вв. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала, 2020. Рис. 1, 59, 61. С. 338.
3. Уварова. Указ. соч. Табл. LII, 34; CIX, 11.
4. ОАК, 1890. С. 101. №42.
5. Прохоров В. А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Выпуск 1-й. 1881. С. 110.
6. Рябцева С.С. Трёхбусиные кольца от Вислы до Волги // *Stratum plus*. №5. 2000. Рис. 14: 6, 10, 13, 14.
7. Уварова П.С. Указ. соч. Табл. LXXII, 4.
8. Тменов В.Х. Эпоха позднего средневековья. Формирование традиционной осетинской культуры XIII–XVIII вв.) // Археология Северной Осетии. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. Ч. 2. Рис. 29, 4.
9. Керцева (Вольная) Г.Н. Традиции изготовления серёг и височных привесок в средневековом прикладном искусстве Северного Кавказа // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов участников VIII Международного научного форума (Краснодар, 22–25 сентября 2022 г.). М.: Институт наследия, 2022. С. 111–112.
10. Керцева (Вольная) Г.Н. Позднесредневековые серьги и височные привески Северного Кавказа: традиции изготовления и семантика // Третьи Виноградовские чтения // Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 5 апреля 2023 г.). Армавир, Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2023. С. 60–65.
11. Уварова П.С. Указ. соч. Табл. CVII, 5–6; CIX, 3–4, LXXXIX, 2.
12. Там же. Табл. LXXII, 5–6.
13. <https://osnova.news/n/10473/?ysclid=ldzww048m6659803581> (Дата обращения: 26.12.24).
14. Тменов В.Х.. Указ. соч., с. 249–408, рис. 27, 24; 28, 3, 6, 8, 9; 18, 1–3.
15. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии, Владикавказ: Растдзинад, 1928. С. 7, рис. 21, 42, 2.
16. Умаров С.Ц. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1969. С. 68–79.
17. Виноградов В.Б., Петренко В.А., Березин Я.Б., Савенко С.Н. Отчет о полевых работах 3-го отряда Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 г. // Научный архив ИА РАН. Р–1. №8710.
18. Тангиев М.А. К изучению погребального обряда населения Чечни XIII–XVI вв. (ямные погребения) // Российская археология, 2021, № 1. No 1, рис. 7, 5. С. 152–168.
19. Багаев М.Х. Раскопки позднесредневекового могильника у селения Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1984. С. 105–111.
20. Умаров С.Ц. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1969, рис. 1, 2.
21. Багаев М.Х. Указ соч., с. 105–111, рис. 1, 4.
22. Извлечение из отчёта о раскопках, произведённых классным художником И.А. Владимировым в Нальчикском округе Терской области // Отчет Археологической Комиссии за 1895 год. С.-Пб: Типография Главного Управления уделов, 1897. Рис. 276–277.
23. Керцева (Вольная) Г.Н. Традиции изготовления серёг. С. 111–112. Рис. 1, 32.
24. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С. 234–244.
25. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.
26. История Осетии. История Осетии: В 2-х т. Владикавказ, 2019. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII в. С. 4.
27. Тменов В. Х. Эпоха позднего средневековья. С. 329.

Л.С. ИЛЬЮКОВ

(г. Ростов-на-Дону, РФ)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ТРАИЛИНА ГОРОДКА

В XVI–XVII вв. в бассейне Нижнего Дона появляются многочисленные казачьи городки или деревянные крепости [1]. Скупые сведения о них находим в письменных источниках или на картах того времени [2–4]. Впервые донские казаки упоминаются в грамоте царя Ивана IV Грозного к ногайскому князю Юсуфу.

В 2012 г. семикаракорский краевед Сергей Федорович Токаренко в пойме Дона к северо-востоку от хут. Титов Семикаракорского района Ростовской области обнаружил следы древнего поселения. Первоначально он назвал этот памятник по имени близ лежащего хутора, как поселение «Титов». В дальнейшем, сопоставив космические снимки бассейна р. Дон, сделанных в последние два десятилетия, с картой реки Дон, опубликованной норвежцем Корнелием Крюйсом в 1704 г., С.Ф. Токаренко пришел к выводу, что обнаруженный им археологический памятник является казачьим городком Траилин. На карте Г. Крюйса этот городок был обозначен красным треугольником на правом берегу Дона в излучине реки (Фрагмент карты Крюйса) (рис. 1), тогда как на современных картах русло реки выпрямлено, а речная петля пересыпана, и поэтому городок оказался на левом берегу Дона.

В походном журнале Петра I за 1695 г. отмечено, что в полдень проехали «городок «Траилин Вал», который стоял на правой стороне Дона и был обнесен земляным валом. А в седьмом часу достигли городка Кагальник, окруженного частоко-

лом на ровном острове, против него с правого берега впадала река Кагальник. Название городка «Траилин», возможно восходит к слову «троить», т.е. «разделять на трое» [5]. Скорее всего, это слово могло восходить к истории формирования городка из трех частей, которые располагались вдоль реки в виде земляного вала. По-видимому, полуземлянки, покрытые слоем тростника и земли, напоминали земляной вал. В 1695 г. в походном журнале флотоводцев Петра I этот городок был назвали «Траилин Вал».

О своем открытии местоположения городка краевед поделился с журналистом [6]. На территории казачьего городка С.Ф. Токаренко собрал выразительный подъемный материал. Наряду с предметами казачьего времени были найдены кирпичи семикаракорского типа, относящиеся к боне древнему времени, связанному с хазарской культурой. Ими заинтересовался В.С.Флеров. В 2013 г. С.Ф. Токаренко вместе с В.С. Флеровым посетили Траилин городок. Были собраны многочисленные артефакты. По-мнению В.С. Флерова, обнаруженные кирпичи на территории городка, казаки привезли с Цимлянского городища, расположенного выше по Дону.

В настоящее время Траилин городок расположен вдоль старицы Дона, в 500 м от реки на небольшой пойменной террасе. С.Ф. Токаренко отметил, что поверхность памятника повреждена небольшими раскопами и ямами, кроме того на ней была сделана глубокая вспашка. Такая сохранность казачьих городков харак-

терна для многих памятников этого типа [7]. В 2024 г. территорию Траилина городка посетил Л.С. Ильюков в рамках проекта «Ранние казачьи городки на Нижнем Дону». Им была собрана небольшая коллекция находок, которая дополнила сборы С.Ф. Токаренко.

А.П. Пронштейн считал, что первое упоминание донского казачьего городка Траилин относится к 1672 г. [8]. Фрол Минаев, сподвижник Степана Разина, при дознании в Москве перечислил ряд казачьих городков по берегам Дона. Их список был опубликован В.Л. Сухоруковым [9]. Среди них упомянут городок Траилин, в нескольких километрах от которого на острове находился городок Кагальник, где был пленен организатор крестьянской войны в XVII в. Степан Разин.

Первые донские казачьи поселения располагались по берегам Дона. Это были небольшие поселки, укрепленные тыном. Их жители селились в полуземлянках, крытых деревом и слоем земли. Возможно, ряд построек, крытых землей, издали выглядели как земляной вал. В путевом журнале 1695 г., проплывающих мимо донского Траилинского поселка, отметили его особенность, назвав этот городок «Траилин Вал».

Судя по керамике, обнаруженная на территории Траилинского городка, его можно датировать XVI – началом XVIII в. Традиции украинского гончарства хорошо заметны в столовой светлоглиняной посуде, которая имеет ряд специфических черт в оформлении горла сосуда, опоясанного полосой гребенки. Проступают тесные контакты населения Траилинского городка с украинским этносом [10].

В последнее время местные жители на территории городка собирают металл, нередко находят монеты. Ими была собрана целая коллекция серебряных «чешуек».

Сборы нумизматического материала укладываются в рамки 1654 – 1715 гг. С.Ф. Токаренко справедливо отметил, что монетные находки являются узко датировемым материалом [11].

Среди собранных серебряных «чешуек» самыми ранними являются несколько монет времени Ивана IV Грозного, который правил в 1547–1584 гг. Они не имеют пробитых отверстий для пришивания. Донские казаки приняли участие в боевых действиях при взятии Казани, за что им царь пожаловал им грамоту на вечное владение Доном и его притоками. 3 января 1570 г. считается основанием донского казачества. Грамоту привез боярин Новосильцев. Она была выдана за службу по охране боярина. Казаки стали получать жалование за службу и из казны на Дон потекли серебряные и медные чешушки. Эти денежные поступления не прерывались в течение столетий. В XVII- начале XVIII в. эти серебряные «чешушки» часто использовались как мелкие украшения на традиционных женских головных уборах. Их не подвешивали, а пришивали к их поверхности. Для этого по краям тонкой пластинки пробивали пару отверстий.

По-видимому, у казачек один из архаичных женских головных уборов являлась кичка рогатая. Она состояла из трех составных частей: шапочки с укрепленными на ней рогами, сороки — чехла на рога и позатыльника, выполненного из прямоугольного куска ткани, расшитой золотой ниткой и украшенной вероятно, серебряными «чешуйками», которые образовывали вертикальные ряды. Рогатая кичка использовалась в свадебном головном уборе [12]. Сороку носили после родов. Пожилые женщины имели менее украшенные сороки, чем молодые. Возможно, деталь головного убора в виде «сорока» являлась обер-

Рис.1.

гом, она была связана с названием птицы, отражала связь с птицей — «сорочкой» [13].

Среди работ Е.Ознобишина есть рисунок казачки с головным убором типа кички. Узкая лента, опоясывающая нижний край головного убора, имеет украшения в виде камней [14]. Но его вполне мог заменять ряд нашитых серебряных «чешуек». Название «кичка» происходит от слова «утка». Е.Ознобишин в описании изготовления кички отметил, что холст складывали четырехугольником и расшивали нитками, а затем его помещали в молоко. В нем его вываривали, пока холст не становился «деревянным». Это

была лицевая часть убора, которую расшивали бусами. На кичке из Новочеркасского музея налобную пластину украшают вертикальные колонки по три бусины в ряду. Кичка в работе А.И. Ригельмана датируется XVIII в. В ней ряд украшений расположен в виде ленты в нижней части головного убора.

Нумизматический материал позволяет сделать вывод о том, что городок Траилин появился во второй половине XVI в. Среди находок представлены монеты царей Ивана IV Грозного, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Петра Алексеевича (Петра I). Жители го-

родка Траилин принимали активное участие в жизни Русского государства в XVII – начале XVIII в., за что периодически получали жалование. Женщины любили украшать рогатые головные уборы, бусами и расшивать монетами. Монетные пластинки с парой пробитых отверстий для пришивания — частая находка на ранних казачьих поселениях.

В сборах на территории городка Траилина нет фрагментов изразцов для печи, которые хорошо известны на соседнем Кагальницком городке, перенесенного с острова на берег. Вероятно, наземные постройки с печью, обложенной изразцами, появляются на казачьих поселениях в начале XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эвлия Челеби. «Книга путешествий». Извлечения из сочинения Османского путешественника XVII века. М.: Институт наследия, 2023, 632 с.
2. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. 239 с.
3. Мининков Н.А., Рябов С.И. О заселении донской земли в XVI–XVII веках // Известия СКНЦ высшей школы. Общественные науки. 1984 № 3 С. 25–28.
4. Усова С.А. В поисках ранних казачьих городов: от старинных карт и археологических записок к полевым исследованиям // Вестник Старочеркасского музея-заповедника. Вып. 8. Старочеркасск, 2023. С. 111–121.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2008.
6. Михалевич Н. Казачий городок Траилин: 300 лет назад. Семикаракоские вести. 12. 11. 2013;
7. Скворцов Н.Б. Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. 26 с.
8. Пронштейн А.П. Земля Войска Донского в XVIII в. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1961. С. 55.
9. Сухоруков В.Л. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск. С. 380.
10. Токаренко С.Ф. Казачий городок Траилин на Нижнем Дону. — Донской временник. Год 2015-й. Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 23. С. 131–133.
11. Там же. С. 359.
12. Жукова Л.М., Бандурина С.А. Одежда казаков-некрасовцев // Донской народный костюм. О создании сценического костюма на основе донской народной одежды. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1986. С. 62–63.
13. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX начале – XX в. 1956 // Восточнославянский этнографический сборник. Труды ИЭИМ, Новая серия. Т. XXXI. С. 666–670.
14. Максименко Л.И. Казачка верховой станицы в кичке. Альбом Егора Ознобишина // Донской временник. Вып. 28, 2019. С. 130–134.
15. Крюйс К. Атлас реки Дон, Азовского и Черного морей URL:<http://vivaldi.dspl.ru/sa0000001/details> (дата обращения 10.11.2024).
16. Токаренко С.Ф. Еще раз об истории посудного промысла. Шеснадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. Ростов-на-Дону: Альтаир. 2024.
17. Токаренко С.Ф. Семикаракоры. Очерки местной истории по данным археологии. Ростов-на-Дону: Алиса. 2019. 288 с.

С.Н. САВЕНКО

(г. Пятигорск, РФ)

ИЗ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ РУССКОГО УКРЕПЛЕНИЯ И СТАНИЦЫ У ДРЕВНЕГО ГОРОДА (к 200-летию станицы Боргустанской)

Среди знаменательных дат 2025 года выделяется серия 200-летья основания большой группы казачьих станиц в центре Северного Кавказа, включая регион Кавказских Минеральных Вод. Это результат успешной реализации одного из масштабных проектов преобразований, осуществленных наместником Кавказским, генералом А.П. Ермоловым (1777–1861). Среди этих станиц особыми обстоятельствами возникновения и дальнейшего развития отличается Боргустанская, относящаяся, сегодня к Предгорному муниципальному району Ставропольского края. Двухвековая история этой станицы обширна и насыщена событиями и знаменательными фактами, в связи с чем вполне заслуживает не одного развернутого очерка или книги, и в разной степени удачные попытки, написания которых уже принимались [1–4]. Поэтому, в рамках данной статьи, я не ставлю задачу их подменять, а сосредоточусь лишь на некоторых малоизвестных ранних и интересных с моей точки зрения, страницах и сюжетах своеобразной исторической судьбы данного населенного пункта и его жителей. Подспорьем для этого послужат не только архивные и литературные источники, но и собранные мною материалы этнографического характера, включая сведения информаторов из бывших жителей станицы и слободы Кисловодских и нынешней станицы Боргустанской, в которой, в частности,

мне довелось работать в этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в 2006 г., вскоре после празднования 180-летия этого исторического казачьего поселения [5]. Нас будут интересовать материалы, имеющие выход не только на новую историю и современность, но и на историческую этнографию, средневековую и древнюю историю и археологию региона. Именно перекрестное использование исторических, этнографических и археологических источников позволяет уточнить, дополнить и разнообразить палитру представлений о веках и неординарных чертах эволюции подобных населенных пунктов почтенного возраста.

Свое наименование станица Боргустанская получила от места, на котором, или у которого, она первоначально была размещена. По-прежнему самыми ранними из известных остаются свидетельства турецкого путешественника Эвлия Челеби (1611–1682), посетившего этот край в ходе путешествия в верховья р. Подкумок в апреле 1666 г. Землепроходец и исследователь евразийских стран описывал «устрашающую крепость Боргустан», окруженную «с четырех сторон горами и подобными колодцам глубочайшими ущельями» с «живой водой», подвластную Кабарде и входящую в область Бербере. В тексте путевых заметок называется и глу-

бокое, труднопроходимое «Боргустанское ущелье», протяженность в 8 часов пути, через которое «может пролететь только птица». При этом говорится, что имеется и «горная долина» крепости, которая «...плодородна, имеет живую воду и водопой ее достаточен для скота числом 5–10 раз по сто тысяч голов» [6]. Понятно, что эти и другие описания Боргустана по-восточному насыщены образными фразами и гипертрофированы. Но многие характеристики с некоторыми оговорками, вполне могут быть соотнесены с округой выдающейся возвышенности в западной части долины верховьев реки Подкумок, называемой с середины XIX в. — «Рим-Гора». Так, что, на основании данной информации Боргустаном назывались: крепость, ущелье, и долина вокруг крепости.

Наиболее ранним из выявленных российских известий об «урочище Бургусант» на сегодняшний день являются сведения о горских народах Северного Кавказа моздокского ротмистра Александра Шелкова. Они были подготовлены для Коллегии иностранных дел и представлены ей по распоряжению Кизлярского коменданта генерал-майора Потапова в октябре 1768 г., т.е. в период начала русско-турецкой войны 1768–1774 г. Примечательно важное место этого урочища в распределении местных владений и расселении народов. В первом случае оно называется, как географический пункт, до которого от урочища Бештау «вверх по обоим сторонам река Кумы» тянется Большая Кабарда. И второй раз отмечается, что «Между рек Кумы и Кобан (Кубань. — С.С.) живут алтикасек абаза против выше показанного Бургусанта в урочище Танбуха...» [7]. То есть и здесь речь идет о целом районе. Но следует обратить внимание на наименование урочища «Бургу-

сант». Оно отличается от формулировки Э. Челеби.

Написание близкое, но не идентичное. Возможно, название «Боргустан» было благозвучнее и понятнее звучало для тюркоязычного путешественника и для, наблюдаемых им тогда в том районе поселенцев, о которых он сообщал: «в пещерах селятся семьями ногайцы Арсланбека со своим скотом — каждая семья в отдельной пещере», скрываясь в ущелье от многотысячного калмыцкого войска [8]. Слово или морфема «стан» в значении «страна», «область» присутствует в названиях многих государств с титульным тюркским языком. Но с позиций исторической лингвистики или этимологии сам этот термин в близком смысловом значении является по происхождению не тюркским, а индоиранским — древнеперсидским [9].

В других же почти одновременных или несколько более поздних сообщениях наименования интересующего нас места и горы с древней крепостью давались с разночтениями и звучали в переводе на русский язык как: «Бургузант» — акад. И.А. Гюльденштедт (1773); «Бургусан» — акад. П.С. Паллас, Я. Потоцкий и др. Примечательно указание хорошо осведомленного о землях кабардинцев и абазин пристава Кабарды князя Афанасия Уракова, в описании, составленном в апреле 1785 г. по личному распоряжению Екатерины II. Администратор тоже называл и описывал «гору Бургусант» или «Бургусант-Кала», как еще одно его название местными жителями [10]. В дальнейшем в течение начала и середины XIX в., в трудах различных авторов форм написания и разночтений в них стало еще больше [11]. Но основными вариантами, используемыми для попыток перевода их смысла на русский язык, оставались и остаются

два первых названия с некоторыми нюансами. Причем, с начала 1820-х гг. в русскоязычном звучании почему-то возобладал термин «Боргустан». Так, когда в 1822 г. было создано первое круглогодичное стационарное российское укрепление в деловых документах указывалось, что оно было размещено в «урочище Боргустан» [12]. И станица волжских казаков в 1825 году стала создаваться в так же названном урочище.

Путешествовавший по Северному Кавказу с 1848 по 1850 гг. с целью поиска древних рукописей и памятников Авр. Фиркович (1786–1874), в своих работах наряду с «горой Боргустанской» приводит и новое, по тем временам название — «Рим-Гора» [13]. Наименование «Рим-Гора» непосредственно не было связано с названием укрепления и станицы, но так сложилось, что возле Горы еще в 1905–1910 гг. возник поселок Римгорский или Римгорка, образованный несколькими семьями выходцев из станицы Боргустанской второго периода ее истории, когда она обосновалась в верховьях реки Бугунты [14]. Данный поселок (сейчас село Римгорка, или Римгорское Малокарачаевского района КЧР), был создан, хотя и на левом берегу Подкумка, напротив Рим-Горы и нынешнего районного центра села Учккен, но достаточно близко к той части заселенной территории, где когда-то были русское укрепление и казачья станица в месте слияния рек Эшакон и Подкумок. Кстати, в границах этого села и рядом расположенного района Учккена, также называемым Римгорским, и сегодня проживают русские семьи.

Следует еще раз остановиться на названии. Предложено немало версий объяснения смысла наименования в рамках различных языков. Одна из ранних трактовок принадлежала адыгскому просветителю

Шоре Бекмурзину Ногмову (1794–1844) на основе родственных и понятных ему языков: «Бергусант» — «собрание многих антов» (адыгов) [15]. Станичный краевед Г.И. Зинченко, без дополнительной аргументации, предположил свой перевод: «собрание верующих — церковь антов», полагая, при этом, что анты — это славяне [16].

В связи с определенной исторической причастностью к рассматриваемым районам европейцев «франков» (генуэзцев, венецианцев) еще в середине XIX в. был предположен перевод названия «Боргусант» с итальянского — «борго» — городок, местечко; «сант» — святой, который, в частности, поддерживал еще один просветитель — абазинский писатель и журналист Адыль Гирей Кучукович Кешев (1837–1872) [17].

В XX веке развивались ранее выдвинутые версии и предлагались новые варианты или нюансы. О них мне уже доводилось писать [18]. К уже обобщенным ранее версиям, добавим еще несколько. Так, в одной из последних публикаций об истории ст. Боргустанской ее автор кандидат исторических наук, казаквед В.А. Колесников ссылается также на мнение тюрколога М.А. Булгаровой, считающей, что в основе его лежит топоним «стан — укрепление боргов», а сам В.А. Колесников делает пояснение, что «борги» — это какой-то пришлый народ [19].

В популярной литературе и в устной традиции фигурируют и другие варианты объяснения названия станицы Боргустанской. Так, в «Истории городов и сел Ставрополя» предлагается еще одно объяснение. Слово «бор» это «желтый» или «серый», а «стан» — стоянка, место поселения. Поэтому общее название либо «серая стоянка», либо «желтое место», и для обоих вариантов предполагается скифское

происхождение [20]. Изначально эта версия также внедрена Г.И. Зинченко со ссылкой на В.И. Абаева [21]. Первый атаман ст. Боргустанской периода возрождения российского казачества П.Ф. Пугач выдвинул непоследовательную с точки зрения хода исторических событий версию о связи названия Боргустана с именем турецкого генерала Бургун-паши современника Шамиля [22].

Таким образом, однозначный ответ на вопрос о происхождении наименования станицы остается невыясненным, но следует подчеркнуть, что во многих случаях при его трактовке учитывается реальная ситуация первоначального размещения ее возле существовавших на возвышенности остатков средневекового города или (и) крупной крепости. Это обстоятельство выделило данную станицу среди других ей подобных и определило особую историко-культурную составляющую ее судьбы.

Вернемся к началу этой истории и ее продолжению в первые три — три с половиной десятилетия, когда станица еще располагалась у подножья горы Боргустан — Бургусант или Рим-Горы. Важно подчеркнуть ее тесную связь с историей Кисловодска и бывшей станицы Кисловодской.

31 июля 1822 г. командующему Кавказской линией генерал-майору К.Ф. Сталю (1774–1824) было направлено предписание Главнокомандующего и главноуправляющего на Кавказе наместника (1816–1827) генерала А.П. Ермолова (1777–1861) с поручениями. Они были адресованы офицерам Тенгинского полка майору Принцу (позднее подполковник и генерал-майор Петр Александрович Принц (1794–1873), происходивший из дворян Петербургской губернии, на Кавказ прибыл в 1819 г. вместе с Суздальским полком) и капитану Кашутину. Дан-

ным офицерам с вверенными им воинскими подразделениями поручалось переместиться в указанные места для организации новых постов в верховьях Подкумка близ урочища Боргустан и у сожженного Ахандукова аула на Куме [23]. Фактически это было не только первое распоряжение о создании стационарного оборонительного пункта у Боргустана, но и одно из ранних решений о формировании Кисловодской кордонной линии на участке от верховьев Кумы (пост Верхнекумский) до поста Соленобродского на р. Малке в относительной близости от станицы Павловской. Боргустанское укрепление мыслилось первым серьезным оборонительным объектом на западной оконечности (или начале) указанного рубежа. Туда были направлены: рота пехоты с одним орудием и 40 казаков, по всей вероятности, из донского полка, обеспечивающего казачий пост у источника Нарзан в Кисловодске. Сам Ермолов, вместе с сопровождающими его отрядами, находясь в течение двух недель в Кисловодске, давал указания солдатам возводить полевые укрепления при выходе ущелий в долину Подкумка. Об этом сообщал в своих воспоминаниях кавказский офицер Э.В. Бриммер (1797–1874), участник этих действий [24]. Боргустанское укрепление было подчинено начальнику (коменданту) Кисловодской оборонительной линии.

14 марта 1825 года А.П. Ермолов издал приказ, в соответствии с которым начался процесс основания 15 новых станиц, в том числе 7-ми Волгского полка, включая Ессентукскую, Кисловодскую и Боргустанскую. Переселение шло поэтапно, и в течение 1826–1827 гг. к Боргустанскому укреплению переместились 50 семей волгских казаков, проживавших ранее в станице Александровской. В то же время 100 семей

из той же станицы основали соседнюю с Боргустанской и станицу Кисловодскую [25]. В дальнейшем казаки этих станиц совместно образовывали строевую сотню Волгского казачьего полка. Боргустанское укрепление продолжало действовать как самостоятельное войсковое оборонительное подразделение.

Несмотря на малочисленность казачьих семей в станице Боргустанской, которые и в 1829 г. населяли только 50 дворов с 212 мужчинами и 123 женщинами и в дальнейшем число казаков здесь до начала 1840-х гг. лишь сокращалось [26], она выполняла определенные ей функции. Это приходилось делать в условиях, когда поселение подвергалось серьезной опасности в связи с расположением на передовой позиции. Помимо многих военно-оборонительных задач, одной из миссий было участие казаков в сопровождении и охране посетителей, в основном ученых и путешественников в их научно-познавательных поездках по региону Кавминвод.

Менее, чем через 10 лет после основания станицы — в 1834 г., верховья Подкумка и район древнего города «Баргусана» посетил и основательно их осмотрел швейцарский ученый французского происхождения Фредерик Дюбуа де Монпере. В переведенных на русский язык частях его комментированных путевых записей ничего не сообщается о станице и poste Боргустанских. Не исключено, что это обстоятельство также указывало на сложное положение станицы. Однако вряд ли исследователь обошелся без содействия казаков местных команд, ведь казаки, располагавшиеся возле разнообразных древних памятников, быстро стали осознавать их значение и это обстоятельство сформировало одну из особенностей станичной жизни. Поэтому можно полагать, что теплые благодарные слова

путешественника о том, что «...все, что могло способствовать безопасности моего путешествия — проводники, эскорты, конвой, приказы, отданные повсюду... Чиновники всех рангов и простые подданные наперебой спешили мне помочь в моих изысканиях... с умилением воскрешаю я в своих воспоминаниях трогательные знаки внимания, неподдельного интереса... и особенно многочисленных моих покровителей и друзей, обретенных мною в моем долгом странствии..» [27], в полной мере могли относиться и к боргустанцам.

Оборонительная и боевая история станицы на передовом рубеже противостояния немирным горцам и зарубежным продолжалась эмиссарам в напряженном режиме и в середине 30-х — первой половине 40-х гг. XIX в. Так, мощное нападение закубанцев и их союзников из числа местных абазин и кабардинцев в сентябре 1835 г. привело к серьезным потерям, угрожало полным разорением и даже уничтожением станицы. От такого исхода ее спасла поддержка гарнизона одноименного укрепления, состоящая тогда из 9-ой мушкетерской роты Крымского пехотного полка [28]. Большую опасность нес в себе и налет на станицу Бекешевскую в начале мая 1843 г. [29], хотя тогда она и находилась достаточно далеко от Боргустана.

Высказано мнение, что в связи с постоянной опасностью возник план, и стало готовиться перенесение станицы в более отдаленный район на верхнюю часть хребта, протянувшегося к северу от исторической станицы. Именно на этом хребте среднегорной зоны, имевшем старое название — «Дарьинские высоты» [30], а позднее также получившем название «Боргустанского», располагалась большая часть удобных для хозяйственной

деятельности станичных земель, включая покосы и пастбища, отведенные казакам еще в начале 1820-х гг. И это действительно существенно усложняло ситуацию. По воспоминаниям старожилов, к примеру, боргустанцы тратили много времени и сил при заготовке сена. Кто-то из смышлёных станичников предложил собирать скошенную траву в крупные круглые тюки на своих покосах, подкатывать их к высокому южному краю хребта и спускать самотоном вниз по затяжному и далеко неровному склону. Это, с одной стороны ускоряло процесс доставки сена, с другой — приводило к травмам животных и людей, потерям и необходимости вторичного подбора скошенной травы. Так, что вполне возможно, что, помимо военно-политических обстоятельств, немаловажное значение для планов переноса станицы имели и хозяйственно-экономические причины.

Но по поводу того, когда и как конкретно это произошло, решался неоднозначно. В литературе распространена дата «1847 год» [31]. П. Пугач привел даже развернутый сюжет о посещении станицы Боргустанской на историческом месте генералом Раевским (вероятно, Николаем Николаевичем, но не ясно каким?), которому боргустанцы продемонстрировали сложности транспортировки скошенной травы, попросили содействия и перемещении станицы, и генерал помог в решении этой проблемы [32]. Но не один из служивших на Кавказе генералов Раевских, Николаев Николаевичей (старший — отец и младший сын) не могли добиться переселения казаков в 1847 году, т.к. оба из них к этому времени уже ушли из жизни. Да и исторических подтверждений указанных фактов мне не известно.

О переносе станицы в 1847–1849 гг. писал и Г.И. Зинченко, ссылаясь на год, указанный на воен-

но-исторической карте Северо-Западного Кавказе, составленной Е.Д. Фелицыным. Не ней действительно проведен хронологический диапазон 1822–1849 гг. над надписью «Боргустанское укр. и станица», но показаны они там уже на новом месте, в то время как на старом никаких подписей нет, что в принципе неверно.

По поводу рассматриваемой даты рассуждал уроженец станицы Боргустанской доктор медицинских наук, профессор Пятигорской фармацевтической академии В.Ф. Семенченко. Он вступил в полемику с «кисловодской журналисткой» Т.М. Лобовой, которая в выпуске «Исторической газеты» (№ 11, 2007 г.) указала, что «...в середине XIX века напали на станицу Боргустанскую кабардинцы и только половина населения спаслась на Боргустанских горах». Владимир Федорович допускал, что набег на станицу в этом году был, т.к. тогда в трехлетнем возрасте был похищен казак Михаил Горелекин, десятилетия после этого пребывавший в горском плену [34]. Однако он не находил подтверждений того, что в 1847 г. станица была настолько разорена. Профессор прав в том, что и в 1847 году и позднее станица Боргустанская оставалась на прежнем месте. Более того, по другим данным именно в конце 1840-х гг. ее население было существенно пополнено около 150-ю семьями переселенцев из Полтавской и Черниговской губерний Малороссии [35]. В народных сказаниях отмечалось, что для того, чтобы привлечь переселенцев были распространены слухи о том, что «...на Кавказской линии есть Рим-Гора, у подножья которой Бог весть, откуда спущены два желобка; по одному течет мука пшеничная, а по другому — гречневая» (из рассказов старика станичника Родиона Григорьева внуку Семену в 1960-е гг.) [35]. В 1849 г. пос-

ле пополнения станицы упразднено было Боргустанское укрепление, которое, вероятно, в новых условиях стало не столь актуальным [36]. Возможно, это обстоятельство породило раннюю дату переселения станицы или повлияло на нее.

Реальные данные указывают, что в конце 1840-х – 1850-е гг. станица располагалась на прежнем месте. Немало сведений и взаимоотношениях с казаками станиц Кисловодской и Боргустанской на ее историческом месте содержат отчетные материалы об исследованиях в данном районе Авраама Самуиловича Фирковича в 1849 г. Исследователь в своих полевых записях много места уделил горе Боргустанской или Рим-Горе, ее памятникам и окрестностям потому, что он пробыл возле них более месяца с 19 июня до 21 июля, проживая, по всей вероятности, в станице Боргустанской. Не останавливаясь здесь на всех опубликованных (а имеются еще и дневники на иврите в рукописном фонде РНБ) деталях этих работ, укажу факты общения исследователя с казаками и отмечу сделанные, в связи с этим открытия и находки.

Одним из представителей казачества, связанных со станицей Боргустанской, был «есаул Абуков», как его называет Авр. Фиркович. По всей видимости, такое произношение не совсем точно и сделано по аналогии с фамилией владельцев абазинского селения, располагавшегося в нескольких верстах от станицы Боргустанской. Оно было основано в 1846 г. лояльным к России абазинским дворянином Атажуко Абуковым [37].

По архивным данным в середине 1840-х гг. известен есаул Абухов — начальник станицы Боргустанской и 1-го участка кордона Кисловодской оборонительной линии в структуре Центра Кавказской линии. На кордонном участке в ведении еса-

ула Абухова был, помимо укрепления Боргустанского, еще и пост или пикет Боргустанский в 6-ти верстах выше по течению р. Подкумок. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в архивных ведомостях о расположении войск на Кисловодском кордоне, хранящихся в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик) за 1843 и 1846 гг. и станица, и укрепление, и пост называются не Боргустанскими, а Боргусантскими, т.е. по одному из названных выше архаических вариантов наименования древнего города, который продолжал фигурировать в деловых бумагах [38].

К сожалению, по имеющимся в моем распоряжении документам, пока имя есаула Абухова не удалось установить, хотя представители казачьей фамилии Абуховых проживали и в станице Кисловодской. Есаул Абухов — современник Фирковича, также имел свой двор в Кисловодской станице в 1849 г., на что указывал исследователь. Есаул упоминается Фирковичем несколько раз, и он предстает перед нами, как человек, явно интересующийся местными древностями, достаточно хорошо о них осведомленный, и не только о них. Первый раз он сообщил о каменном кресте в 3 аршина длины и $\frac{1}{4}$ аршина толщины с написанными на нем именами «рабов Божиих Георгия и Якова», найденном есаулом «на так называемой Рим-Горе» в 1846 г. в станице Боргустанской и перевезенном сначала на его двор в ст. Кисловодской [39]. Ценный памятник А. Фиркович сначала срисовал на указанном месте, а потом содействовал его перевозке в созданный в этот период первый на Северном Кавказе музей древностей в Пятигорске [40]. Есаул сообщил Авр. Фирковичу и о древней монете, найденной одним из казаков ст. Кисловодской

в «Заподкумской пещере», о глиняной вазе с Рим-Горы, отправленной в Санкт-Петербург, и о плите с надписью, находящейся на хуторе генерала Г.А. Емануеля (1775–1837) близ Ставрополя [41].

Еще более ценным явилось знакомство Авр. Фирковича с восьмидесятилетним казаком станицы Боргустанской Смирновым, пробывшим около 25 лет в плену у горцев. По информации и при содействии этого станичника исследователь обнаружил еще один крупный средневековый археологический комплекс с остатками оборонительных стен, прямоугольно- и круглоплановых строений, подземными сооружениями и т.п. [42]. Сейчас этот важный в научном и культурном отношении комплекс известен специалистам как городище Уллу-Дорбунла [43].

О том, что станица Боргустанская и в 1858 году оставалась на прежнем месте, свидетельствуют описания ее посещения в это время названным нами выше петербургским искусствоведам, писателем и путешественником, директором Императорского музея Флорианом Антоновичем (Антуан) Жилем (1801–1865). Эти мало пока используемые описания содержат самую разнообразную информацию о «последней станице казаков с этой стороны Эльбруса» [44]. Направившись в Боргустан в сопровождении командира 2-го Волгского казачьего полка подполковника Агишева с эскортом из 10-ти казаков во главе с есаулом Тамбиевым, Ф. Жиль по пути замечает небольшой казачий пост на «Красивом кургане», с которого несколько казаков ведут постоянное наблюдение за пространством речной долины и окрестностей до «Римской Горы» у места слияния Подкумка и Эшкакуна, где и расположена «станция Боргустан». Рассказ путешественника изобилует деталями этнографического харак-

тера о станице, казаках и соседствующих с ними горцах. Причем станица предстает перед нами как достаточно крупная, в которой имеется около 200 дворов и 1500 жителей. В ней он собирал сведения о находках древних монет, железных крестах с «римскими или византийскими» надписями, с помощью казаков посещал Рим-Гору и другие места, где возможно было «обнаружение каких-нибудь древнеримских монет» и других древностей. Параллельно отмечал он, что казаки пасли свой скот на вершине Рим-Горы, оставляя его там и на ночь под охраной нескольких человек, а у восточного основания этой возвышенности имелись вспаханные поля, «...с коих собирают урожай пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи». Были и другие поля и пастбища вблизи и в отдалении от станицы [45].

Особое внимание Ф. Жиль уделил характеристике высокой деревянной белой церкви в центре станицы, которая была также и зарисована им. Подчеркивалось, что казаки имели особо уважительное отношение к церкви и все общественная жизнь сосредотачивалась вокруг нее. Детально характеризовалась окружающая церковь прямоугольная каменная стена с башнями и двумя округлыми башнями — бастионами по углам, за которой могло скрыться в случае опасности все население станицы вместе с детьми и стариками. Указывались и дополнительные ограды из плотных плетневых изгородей, укрывающие дома, склады, стойла и даже маленькие сады, и превращающие их в отдельные укрепления. Ограждены были: караульное помещение при входе, административный дом, арсенал, дома низших офицеров, дом священника, школа для детей. И вся станица была ограждена сплошным прямоугольным рвом и плотным плетнем, а там, где

был камень в изобилии, плетень превращался с зубчатую стену с бойницами. Все это также подчеркивало военно-оборонительный характер данного поселения и особо напряженный стиль жизни казаков, который внушал путешественнику «...в одно и то же время восхищение и уважение» [46]. Примечательно, что на обратном пути в Кисловодск Жилья сопровождал эскорт из бравых всадников под командой, награжденного крестом Святого Георгия, гордого и статного урядника по фамилии Смирнов [47]. Напомним, что информатором Авр. Фирковича за 10 лет до этого был также казак Смирнов, побывший в горском плену 25 лет. Интересно было бы установить соотношение этих лиц с одной фамилией, являвшихся, вероятно, родственниками. Но пока данных для решения этой задачи недостаточно.

Не менее интересный рассказ Ф. Жилья посвящен посещению аула Абукова в нескольких верстах юго-западнее станицы, но это уже самостоятельная тема, требующая особого рассмотрения [48].

Переселение станицы на новое место произошло уже после завершения основных событий Кавказской войны на восточном крыле и в центре Линии в 1860 г. В верховья р. Бугунты было перемещено 159 дворов 1529 душ обоего пола, церковь, станичное управление, в скорости образовались сотенная канцелярия, аптека, хлебный магазин [49].

Интересна еще одна легенда, объясняющая причины переселения станицы Боргустанской с исторического на новое место. Она была почерпнута мной в 1991 г. из воспоминаний одного из представителей фамилии Булгаковых — перепоселенцев солдатской слободы Кисловодской, Василия Гавриловича (1900–1991). А рад, что мне довелось, хотя и коротко, пообщаться

с этим ровесником XX века. Он подготовил машинописную книгу своих воспоминаний, которая спустя много лет после его смерти была дважды издана родственниками и краеведами [50]. Но, к сожалению, в опубликованный вариант теста эта легенда не вошла. Источники и суть ее такова.

В.Г. Булгаков услышал рассказ, примерно, в 1970-е гг. от бывшего слобожанина Трифона Михайловича Корчагина, который узнал эту историю со слов соседа 90-летнего старика Фомы Ефимовича Панасенко, жителя ст. Боргустанской, слышавшего, в свою очередь, ее от матери — участницы событий. В легенде также говорилось о неудобстве расположения станичных земель, но отмечалось, что, где они располагались почти не было воды, а рядом с Рим-Горой качественных водных источников было предостаточно. Поэтому хозяйственная ситуация не считалась определяющей для переселения. В легенде выдвигалась иная причина.

В течение первых лет и десятилетий существования станицы обозначилась следующая проблема. В семьях казаков рождались только мальчики, а девочек на свет не появлялось. Казалось бы, что для казачьей станицы это хорошо. Со временем будет больше мужчин-защитников. Но назревала другая трудность. В отдаленной станице браки заключались преимущественно с местными девушками. Невесты из других станиц и сел неохотно хотели ехать «на край света». При таком обороте дела со временем вся станица могла выродиться и пропасть. Старики думали-думали и решили — место станицы заколдовали. Провели молебен по обычаю. Не помогало. Поэтому люди постепенно стали переселяться на новое место.

Однако заклятие сохранялось и

там. Девочки по-прежнему не рождались. Вновь потребовался молебен, но ситуация не менялась. Тогда, вспомнив на казачьем сходе, что большинство станичников пришло в эти места из Украины с Полтавщины, решили туда послать за невестами и выбрали для этого двух способных казачек — свах. Дойдя до места, свахи обратились к полиции, к общественному сходу и к церкви. Священник и старики прониклись сутью воззвания и выступили в поддержку соплеменников. Кликнули девчатам. По своей охоте без всякого принуждения отозвалось 30 девушек. Снарядили их и отправились они в дальний путь.

По прибытию их в ст. Боргустанскую вновь состоялся сход и благодарственный молебен. После этого провели распределение невест. Урядник вызывал по списку молодых казаков, а невесты стояли в шеренгу. Казаки проходили вдоль строя и выбирали себе приглядевшуюся девушку. Через час не одной свободной невесты не осталось. Сыграли сразу 30 свадеб., и после этого станица была расколдована. Одной из этих невест была мать 90-летнего рассказчика Панасенко.

Фольклорный сюжет об организованном распределении невест между казаками встречается и в других передовых кавказских станицах, но интерес к этой версии состоит в том, что известные статистические данные по станице Боргустанской могут определенным образом подтверждать обрисованную в легенде демографическую проблему. Вспомним, что к 1830 г. в станице на 212 душ мужского пола было только 123 — женского. Число мужчин в станице в меньшей степени, но все же превышало количество женщин вплоть до конца XIX в. И только в 1911 г. число женщин превысило количество казаков и мужчин иных условий [51–52].

После перенесения станицы Боргустанской в верховья Бугунты ее прежние земли вокруг Рим-Горы обрели новых хозяев, преимущественно из числа национальной элиты. Об этом, в частности, сообщал в своих письмах композитор С.И. Танеев в 1885 году, являясь участником археологических поездок М.М. Ковалевского, И. Иванюкова и других к Рим-Горе. Когда исследователи во второй день пытались провести в этом районе раскопки кургана, группа кабардинцев пыталась им воспрепятствовать, указав, что эти земли принадлежат одному из них — Тамбиеву [53].

Но проявлялась и историческая память боргустанцев. Станичники на новом месте ощущали свою причастность к историческому местонахождению. Не исключено, что какие-то семьи или отдельные казаки даже задерживались на какое-то время там. Часть станичников переместилась в известный, по крайней мере, с 1870 г. «бедняцкий» хутор и небольшое село Михайловское в районе нынешнего селения Кызыл-Покун в КЧР. В это селение была продана или передана разобранная деревянная Николаевская церковь слободы Кисловодской после того, как была сооружен каменно-кирпичный Свято-Никольский собор. В народном сознании закрепилась еще одна легенда о том, что слобожане «пропили» эту церковь, получив большое вознаграждения от михайловцев в виде бочки водки, и стали называться из-за этого «опоимцами». В.Г. Булгаков считал эту легенду обидной и сочиненной недоброжелателями. В действительности же кисловодские слобожане сделали доброе дело, бесплатно отдав бедным хуторянам храм. Но, а то, что выпили по этому поводу с благодарными соотечественниками — так с кем не бывает? [54].

Хутор в последующем пострадал. Просуществовал он до лихого 1918 года. и был разорен, как говорили в советское время — «белобандитами». Многие хуторяне были убиты. Часть из немногих оставшихся жителей бежало в нынешний хутор «Побегайловка» Минераловодского района Ставропольского края, и часть — в Кисловодск. Бывших хутор вскоре получил название Мхал и в начале 1920-х гг. в нем стали селиться карачаевцы [55].

Осознание преемственности, вероятно, было одной из причин, упомянутого выше, основания села Римгорка в 1900-е годы почти на старом месте станицы. Представляется также обоснованным считать, что станичники, жившие у древнего города, сохранили на новом месте и особое, хотя и неоднозначное, отношение к древностям, которых было и есть немало и в районе нынешней станицы Боргустанской. Приведем некоторые выборочные примеры.

Оказавшись на северных отрогах хребта, получившего название Боргустанского казаки также нередко сталкивались с древностями, особенно с каменными изваяниями — «бабами». Они также становились частью их истории, приобретая особое место в их культурно-бытовой среде. Следует подчеркнуть, что из числа всех населенных пунктов региона Кавминвод именно нынешняя станица Боргустанская имела наибольшее число преданий о памятниках древности. Ее, по данному показателю, пожалуй, можно сравнить только с поселениями под Рим-Горой, которыми в настоящее время являются районный центр Малокарачаевского района КЧР Учкеек и связанное с ним территориально село Римгорка [56].

Один яркий пример истории уникального скифского женского изваяния, которое боргустанские ка-

заки в 1870-е годы выкрали у абазинцев Кумско-Лоовского аула в отместку за поражение в столкновении, установили на одном из курганов у восточного въезда, относились к ней с почитанием и даже выработали особый ритуал сборов и ухода в поход с ее участием, я уже неоднократно описывал [57]. Публиковал я данные и о каменной бабе, доставленной в музейное собрание из станицы Боргустанской 4 августа 1938 г., о которой у станичников также отложилась интересная история. Она была грубо выделанной из твердого темно-серого песчаника мужской статуей высотой 1,7 м. На левом боку был прорезан колчан, на правом — акинак и плетка (?). Данные висели на слабо намеченном поясе. Со слов жителя станицы И.Г. Савченко, статуя раньше стояла в степи в районе соседней станицы Бекешевской. Один из жителей этой станицы решил перевести «каменного деда» к себе во двор. Но, когда он это сделал, в его семье начались несчастья. Умерли почти все члены его семьи, а сам он заболел. Он решил отвести статую обратно и закопать ее вниз головой. Это действие помогло прекратить его домашние проблемы. Позже древнюю скульптуру забрал к себе боргустанец Говда и сразу использовал ее в качестве столба для ворот, причем поставив ее также вниз головой. Для этого казака никаких последствий использования изваяния не было и из его двора она «перекочевала» в музей [58]. Как выглядела эта статуя можно увидеть по фото, также сохранившемся в архиве Н.М. Егорова [59]. Сама же статуя, к большому сожалению, погибла у входа в одно из помещений музея на Советском проспекте (ныне пр. Кирова) во время осознанных разрушительных действий городских служб в 1950 г.

Существовало и еще одно поучительное сказание, связанное с отношением к древностям. Она касается распространенного, и ранее, и сейчас, стремления обогатиться за счет оставленного нам предками наследия. Один из пожилых станичников в поисках клада в течение долгового времени по ночам разрывал безымянный курган в районе Кумско-Лоовского аула. Озорники однажды ночью нарядились в маски и одежду под чертей и потребовали у раскопщика выдать клад. Старик сильно испугался, уронил заступ, зашептал «Свят, свят, свят, сгинь нечистая сила» и в смертельном страхе убежал. Вскоре он умер, а за курганом закрепилось название «Разрытый» [60].

Одной из задач музейной этнографической экспедиция СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в станицу Боргустанскую 2006 г. с моим участием, было определение наличия памятников археологии на территории и в окрестностях поселения, изучение отношения к историко-культурным объектам археологического характера и элементов памяти о древнем Боргустане — Боргусанте у современных, на тот момент, станичников. Выяснить в этом отношении удалось немало, но обзор результатов работ этой экспедиции достаточно объемён и заслуживает самостоятельного рассмотрения. Сейчас же я скажу лишь на одном аспекте — памяти о Рим-Горе как древнем городе, под которым была основана станица. Среди боргустанских старожилов и у некоторых краеведов эта память сохранилась около 20 лет назад, хотя нередко уже в существенно искаженном по отношению к реальной истории виде.

Современное «спрессованное» время и стремительный прогресс, идущий «семимильными шагами», быстро деформирует традиционные отношения и представления.

Существует опасность полного отрыва от своих корней. Но некоторые позитивные тенденции все же сохраняются. Они проявляются в попытках учащейся молодежи, хотя бы под воздействием их руководителей из числа педагогов, находить вдохновение в изучении истории или в причастности к ней. Не все получается удачно и у заинтересованных юных и молодых исследователей, но «надежда умирает последней» (В.Б. Виноградов). И для этого имеются показательные примеры, об одном из которых сообщу в заключении данного очерка.

В неплохой творческой работе учащихся МБОУ «Лицей №11» г. Пятигорска (в нем также были и есть люди с боргустанскими корнями), представленной на международный конкурс «Старт в науке» в 2018 г., приведена оригинальная без аргументации трактовка гидронима «Бугунта», как связанного с названием древнего города Боргустана возле Рим-Горы [61]. В настоящее время эта версия широко распространилась в сетях интернет. При всей привлекательности для нашей темы, она вряд ли может считаться обоснованной. Дело в том, что, когда создавалась станица Боргустанская под Рим-Горой в 1825 г., название реки «Бугунта» уже существовало и вблизи ее устья на значительном расстоянии от Боргустана параллельно образовывалась станица Ессентукская [62]. Поэтому перенос названия возвышенности на достаточно отдаленную от нее реку вряд ли был возможен. Допустимо, что река и нынешние Боргустанские горы имели общее и сходное название, но такое наименование хребет приобрел, по всей вероятности, только в XX веке, так как существовало более раннее его наименование — «Дарьинские высоты», о чем сообщалось выше. И еще один аргумент против подоб-

ного отождествления связан с достаточно содержательным документом 5 апреля 1785 г., названного выше, пристава кабардинского народа премьер-майора, князя А. Уракова. В нем упоминается «Речка Байкунты» с авторским объяснением этимологии — по ногайски «Бай» богатый + «конды» — буквально «где бо-

гатый обосновался, осел» [63]. Эта трактовка также вряд ли может считаться безупречной, но по историческим причинам она более предпочтительна, чем связь с Боргустаном. Надеюсь, что данный разбор версии, способен возбудить интерес и желание искать истину у тех, кто приходит нам на смену.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зинченко Г.И. Очерки по истории станицы Боргустанской 1825–1970 годы. Машинопись. Пятигорск, 1970. 169с. Пятигорская Центральная городская библиотека им. М. Горького. ул. Козлова, 1. Справочно-библиографический отдел.
2. Боргустанская // История городов и сел Ставрополя. Краткие очерки / колл. авторов.; редкол.: В.А. Шаповалов и др. 2-е изд. исправленное и дополненное. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 574–576.
3. Семенченко В.Ф. Мой Боргустан (записки станичника). Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 447 с.
4. Колесников В.А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII – 1917 г.). М.: Изд. Надыршин А.Г., 2012. С. 187–193.
5. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного природно-ландшафтного музея заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве 2006 г. в станице Боргустанской Предгорного района Ставропольского кр. с двумя приложениями текстовым и иллюстративным. Фонды СГМЗ ОФ 37342, 37343, 37344.
6. Челеби Эвлия. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. / Составитель и ответственный редактор А.Д. Желтяков. Примечания и комментарии А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 90–91.
7. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Док. № 102. С. 281–282.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. Стереотипное. М.: Прогресс, 1987. С. 745.
9. Смирнов Н.А. Кабарда и реакционное восстание шейха Мансура накануне русско-турецкой войны 1787–1791 гг. // Сборник по истории Кабарды. Нальчик: Кабгосиздат, 1951. С. 117.
10. Савенко С.Н. Археологический комплекс Рим-Гора: историко-археологическая справка // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 17. Армавир, Краснодар: Наследие Кубани, Инженерно-технический центр специальных работ, Кубаньархеология, 2019. С. 192–193.
11. АКАК. Т.VI. Ч. 2-я. Док. 811. С. 459.
12. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического общества. Т. IX. СПб., 1857. С. 379–380.
14. Михайлов И.В. Населенные пункты Карачаево-Черкесской Республики. Черкесск: МО и Н КЧР, 2001. С. 133–134.
15. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым / напечатана с подлинной, исправленной рукоп. и дополнена предисл., биогр. авт., примеч. и прил. Ад. Берже. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1861. С. 26.
16. Зинченко Г.И. Очерки по истории станицы Боргустанской... С. 8.
17. Хашхожева Р.Х. Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 154–155.
18. Савенко С.Н. Археологический комплекс Рим-Гора... 192–194.
19. Колесников В.А. Указ соч..., с. 187.
20. Боргустанская // История городов и сел Ставрополя... С. 574.
21. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 161, 183.
22. Пугач П. Чтобы чтить историю — ее надо знать. К 170-летию станицы Боргустанской // Искра. 1995 г. 11.11. С. 3.
23. АКАК. Т.VI. Ч. 2-я. Док. 811. С. 459.
24. Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в Первом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, издаваемый в бытность Е. И. В. Великого князя Михаила Николаевича главнокомандующим Кавказскою армиею. Т. 15. Тифлис, 1894. С. 109.
25. Сборник сведений о Кавказе. Т. IV / под ред. главного редактора Кавказского статистического комитета Н. Зейдлица, Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1878. С. 95.
26. Колесников В.А. Станицы Ставрополя... С. 189.

27. Соснина Е.Л., при участии Кристиана Пиле. Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. Ессентуки: «Творческая мастерская БЛГ», 2015. С. 179.
28. Колесников В.А. Указ. соч..., с. 189.
29. Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск / сост. по архив. документам А.Л. Гизетти; под ред. ген.-м. В.А. Потто. Тифлис: Воен.-ист. отд.-ние при Штабе Кавк. воен. окр., 1901. С. 67–69.
30. Огилви А.Н. Минеральные источники района Кавказских минеральных вод и их происхождение. Пятигорск: Севкавказ, 1935. Вклейка — Карта-схема района Кавказских Минеральных Вод.
31. См. н-р: Боргустанская // История городов и сел Ставрополья... С. 574.
32. Пугач П. Указ. соч..., с. 3.
33. Семенченко В.Ф. Мой Боргустан... С. 64.
34. Колесников В.А. Указ. соч..., с. 190.
35. Зинченко Г.И. Очерки по истории станицы... С. 9.
36. Колесников В.А. Там же... С. 190.
37. Яновский В.С. Кисловодск и его окрестности. Путеводитель. Пятигорск: Снег, 2017. С. 254.
38. Фиркович Авраам. Археологические разведки на Кавказе // Балкария: Страницы прошлого. Вып. 3. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (Полиграф сервис и Т), 2006. С. 51.
39. Письмо директора Центрального государственного архива КБР О.Н. Шогенцуковой директору Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость» С.С. Лузину от 21.06. 2002. № 163. Исполнитель Е.С. Тютюнина. См. также: ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 342. Л. 1 об.
40. Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске: научно-методические материалы к проекту. Ставрополь: Стариолит, 2013. С. 42–43.
41. Авраам Фиркович. Указ. соч..., с. 51–52.
42. Авраам Фиркович. Археологические разведки... С. 52.
43. Коробов Д.С. Уллу-Дорбунла — средневековое городище в верховьях Подкумка // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. Сб. статей / отв. ред. В.И. Козенкова. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 114–139.
44. Жиль Флориан Антуан. Письма о Кавказе и Крыме / составление и перевод с французского языка К.А. Мальбахова. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 73–74.
45. Там же..., с. 75,78.
46. Там же..., с. 76–78.
47. Указ соч..., с. 86.
48. Указ соч..., с. 79–85.
49. Кавказский календарь на 1867 год, изданный Главным управлением Наместника кавказского. Тифлис: В типографии Главного управления, 1866. Отд. III-е. С. 356–357.
50. Булгаков В.Г. Все вытерпеть и Веру сохранить. 2-е изд. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2023. 216 с.
51. Колесников В.А. Указ. соч..., с. 191. Табл. 49.
52. Кавказский календарь на 1867 год... С. 357.
53. Танеев С.И. Материалы и документы. Т. I. Переписка и воспоминания. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 126–128.
54. Булгаков В.Г. Все вытерпеть и Веру сохранить... С. 26.
55. Михайлов И.В. Населенные пункты Карачаево-Черкесской республики... С. 94.
56. Мальый Гитче Къарачай. Карачаево-Черкесская Республика. Буклет / составители Узденов Б.И., Хубиев А.Б. Учккен. Би, Бг. 30с.
57. Савенко С.Н. К вопросу о женском скифском изваянии в собрании Пятигорского краеведческого музея // Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 19 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Армавир, Ставрополь: АГПУ, Дизайн-студия Б, 2016. С. 109–111.
58. Савенко С.Н. К вопросу о древних и средневековых изваяниях в коллекции Пятигорского краеведческого музея // Восьмые Прозрителевские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 13–14 ноября 2014 г. Ставрополь: СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, 2015. С. 148.
59. Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей... С. 23. Рис. 18.
60. Зинченко Г.И. Указ. соч..., с. 9–10.
61. Нам А.В., Васадзе В.В. Гидронимы Ставрополья. Творческая работа учащихся МБОУ «Гимназия № 11» г. Пятигорска на VI-ой Международной конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке». 2018. Ресурсы интернет. Путь доступа: <https://school-science.ru/6/18/37176>. Время обращения: 19.12. 2024 г. С. 4.
62. Колесников В.А. Земли и первые русские поселения на Ставрополье в описаниях 1785 года (к слабоизученным вопросам исторической хронологии и топонимики края). М.: Изд. Надыршин А.Г., 2019. С. 44.
63. Андреев Ю.П. Ессентуки и Кавминводы в истории Кавказа и России. Хронологический очерк событий. К 210-летию Ессентукского редута и 180-летию города-курорта Ессентуки посвящается. Минводы: Издательство «Кавказская здравница», 2007. С. 83–84.

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРУМ «КАЗАЧЕСТВО — СКВОЗЬ ВЕКА»

Члены научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики АГПУ С.Н. Лукаш, председатель Совета стариков и Суда чести Белгородского отдельского казачьего общества Войскового казачьего общества «Центральное казачье войско» Н.М. Ерёмин приняли участие в Международном молодежном форуме «Казачество — сквозь века». Форум, проходивший в Москве 11–12 сентября, был посвящен 110-летию начала Первой мировой войны. Местом проведения форума был дом Пашкова Российской государственной библиотеки. В программе форума были такие мероприятия как лекторий «Казачи — герои Первой Мировой войны», торжественное награждение победителей и лауреатов II Всероссийского конкурса «Лучшее краеведческое издание по истории и культуре российского казачества». Были организованы выставки: Интерактивный 3D музей «Историко-культурное наследие казаков юга России»; «Культура и история российского казачества в лицах»; «Казачи дорогами предков» (художник, иллюстратор В.С. Лещев).

Для участников форума был также организован интерактив с выступлением творческих коллективов: ансамбля «Казачья доля» (худ. рук. А.П. Пилипенко, Россия, Санкт-Петербург); фольклорного ансамбля «Стожары» (худ. рук. И.В. Калинина, Россия, Москва); ансамбля народной песни «Златоцвет» (худ. рук. Д.О. Чехомова, Россия, Тюмень).

Выступление С.Н. Лукаша.

Фрагмент культурной программы форума.

Фото на память. Первые двое слева — Н.М. Еремин и С.Н. Лукаш.

Научные сессии форума были представлены ведущими учеными России по казачьей проблематике. Большой интерес у собравшихся вызвало выступление Марины Александровны Рыбловой, доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника ЮНЦ РАН на тему «Война и военный фактор в мирной жизни казачьих общин Дона». Доктор педагогических наук, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики АГПУ, член Экспертного совета по формированию и развитию ЭБК на платформе НЭБ Сергей Николаевич Лукаш выступил с докладом «Сокольское движение в России в начале XX века: казачий региональный компонент». Член Союза писателей России, председатель Совета стариков и Суда чести Белгородского отдельского казачьего общества Николай Михайлович Еремин представил собравшимся доклад «Казачество Белогорья в прошлом и ныне».

Параллельно с научными сессиями для участников форума было организовано плетение сетей для бойцов СВО вместе с благотворительным фондом «Русская тройка».

С.Н. Лукаш

БОЛЬШОЙ ЮБИЛЕЙ С.А. ГОЛОВАНОВОЙ

Дорогая
Светлана Александровна!

От всей души поздравляем Вас с очередной круглой датой! Некоторые из нас знают Вас почти 50 лет, срок немалый. Но за это время нам ни разу не пришлось в Вас разочароваться, усомниться в Вашем профессионализме и преданности своему делу.

Вы начинали свою карьеру в Чечено-Ингушском университете, затем работали в школе и перешли в вуз, где трудились в редакционно-издательском отделе и хозяйственной археологической лаборатории. Позже Вы стали преподавателем кафедры народов Северного Кавказа.

В Школе В.Б. Виноградова Вы были тем надёжным человеком, которого в своем составе хотели видеть представители и плоскостных, и горных археологических экспедиций. При Вашем непосредственном участии были открыты и изучены многие археологические объекты Чечни и Ингушетии.

После переезда в 1992 г. в Армавир Вы продолжили свою научную и преподавательскую деятельность в педагогическом вузе города. Под руководством проф. В.Б. Виноградова в Совете Ростовского государственного университета Вы успешно защитили диссертацию по теме «Русско-северокавказские связи IX – первой половины XVI века (историко-археологическое исследование по материалам Центрально-

го Предкавказья)». Ваши работы внесли огромный вклад в изучение проблемы, подняли её на новый уровень.

Следующий научный этап Вашей жизни связан с изучением казачества Юга России. Результатом большой и плодотворной работы стала докторская диссертация на тему: «Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.)», которую Вы успешно защитили в Московском педаго-

гическом государственном университете в 2005 г. Ваши монографии и более 100 статей внесли весомый вклад в изучение казачества. При этом Ваша деятельность не ограничивалась написанием научных работ, но также включала редактирование и рецензирование сборников и монографий, подготовку бакалавров, магистрантов и аспирантов.

Уверены, что в воспитании внуков Вы достигнете столь же впечатляющих результатов.

Профессор С.А. Голованова всегда пользовалась неизменным уважением среди студентов и преподавателей АГПУ. И те, и другие отмечали её доброжелательность, принципиальность, готовность помочь в любой ситуации.

В день Вашего 70-летия желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых достижений в любых видах деятельности! Пусть Ваша жизнь будет наполнена яркими событиями, радостными моментами и приятными встречами!

**Коллектив
научно-педагогической
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова**

А.Н. ЧУХЛЕБОВА

(г. Москва, РФ)

ШТРИХИ ИСТОРИИ ШКОЛЫ В.Б. ВИНОГРАДОВА

По рождению я казачка-шелковчанка. В моей детской памяти остались яркие запоминающиеся эпизоды: это, конечно, моя самая красивая мама, радость от того, что старшая сестра подарила мне трёхколёсный велосипед, отец на коне в черкеске, проезжающий мимо нашего дома на станичную площадь, добрая, улыбчивая бабушка Анастасия... А ещё в памяти моей сохранился образ большого и весёлого с бородой человека, поющего приятным голосом загадочные песни о зерне-«косточке, зарытой в землю». Он был в гостях в нашей семье неоднократно. Когда уже пошла в школу, то помню его встречи с нашими учениками и их родителями.

Но в ноябре 1991 года наша семья покинула терскую станицу.

А потом мы встретились с ним уже в Армавире в апреле 1996 года, когда путешествовали в лермонтовское Пятигорье. Тогда я уже хорошо запомнила, что этот человек Виталий Борисович Виноградов — знаменитый Учитель, Шеф не только моего отца и его соратников, но и видный учёный и создатель Кавказоведческой ШКОЛЫ, известной в широких научных кругах и среди многих народов Северного Кавказа.

В нашей семье помнят и чтят имя Виталия Борисовича. Несмотря на то, что мы теперь живём и трудимся далеко от родных мест, связь с те-

У Театра Российской Армии Н.М. Ерёмин и А.Н. Чухлебова.

ми, кто составляет костяк Виноградской школы нерушима. Вот тому свидетелства.

Летом 2024 года выходит в свет книга моего отца Ерёмин Николая Михайловича «Сарапани-Шелковое. Очерки истории терской станицы Шелковской», где на титульном листе значится «Всероссийское казачье войско. Научно-педагогическая Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова». Редактор этого издания профессор С.Л. Дударев отметил, что «Важным достоинством сборника является то, что на его страницах перед нами проходит целая плеяда местных уроженцев, которые своими делами внесли неограниченный вклад в процветание родного уголка. Россыпь человеческих личностей, в судьбах которых преломилась история станицы и всей России, как яркие самоцветы, украсила собой повествование автора, ещё раз указав на то, как важен «человеческий фактор» в освещении прошлого» [1].

А буквально в недавние дни уходящего 2024 года перед началом

работы юбилейного XXX-го Большого круга ВКО «Центральное казачье войско» в Москве у здания Театра Российской армии мы встретились с отцом и он вручил мне сигнальный экземпляр нового издания его книги «Казачьи Белогорья» [2], где вновь обозначена «Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова», созданная удивительным человеком и знаменитым учёным Виноградовым, который в уже далёком 1990 году посчитал первую книгу моего отца «По указу Петра» «...как первую ласточку вновь призываемого к жизни опыта местных краеведов, бескорыстных энтузиастов из числа тех, для кого научные изыскания не являются служебной обязанностью, но святым человеческим долгом перед давно ушедшими поколениями земляков и пытливостью наших современников» [3].

Таковы новые странички-штрихи НАШЕЙ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ, которой предстоит ещё немало сделать для сохранения истории нашей России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ерёмин Н.М. Сарапани-Шелковое. Очерки истории терской станицы Шелковской. Старый Оскол: Издательство «Ассистент плюс», 2024. С. 169.
2. Ерёмин Н.М. Казачьи — Белогорья. — Старый Оскол: Издательство «Ассистент плюс», 2024. 122 с.
3. Ерёмин Н.М. По указу Петра. — археолого-этнографические и историко-культурные очерки станицы Шелковской. Кафедра истории и культуры народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета имени Льва Толстого. Шелковская типография, 1990. С. 31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулпатахов Мухтар Абдулбегович — кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры Отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».

Абдуллаев Карим Абдулаевич — аспирант кафедры Истории России исторического факультета, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». Научный рук. Н.Н. Гарунова.

Березин Яков Борисович — научный сотрудник Института и Музея антропологии МГУ имени Д.А. Анучина, ORCID ID: 0000-0003-0417-4668, г. Кисловодск. Email: yakov_berezin@mail.ru.

Бурков Сергей Борисович — старший научный сотрудник отдела археологии Государственного Бюджетного Учреждения (ГБУ) «Институт истории и археологии РСО – А» (г. Владикавказ).
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru.

Гарунова Нина Нурмагомедовна — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России исторического факультета, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Заслуженный деятель науки РД.

Долгов Валерий Николаевич — специалист-археолог ООО «Кубань-охранкультура» (г. Краснодар). E-mail: dolgov1705@mail.ru.

Дударев Сергей Леонидович — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, действительный член (академик) Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа, руководитель семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова (Русское географическое общество), г. Армавир. Email: dudarev51@mail.ru.

Дударев Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Стальтрейд» (г. Москва).

Епуре Иван Юрьевич, ученик 10 класса ЧОУ гимназия «Эрудит» (г. Краснодар).

Ерёмин Николай Михайлович — Председатель Совета стариков и Суда чести БОКО ВКО «Центральное казачье войско», член Российского союза писателей (г. Губкин Белгородской обл.). E-mail: ereminn.m@mail.ru.

Ильюков Леонид Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория археологии научной части Президиума ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону). Email:leonidilukov@gmail.com.

Керцева (Вольная) Галина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, с.н.с. отдела Археологии Института истории и археологии РСО – Алания (г. Владикавказ). E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Клычников Юрий Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». E-mail: klichnikov@mail.ru.

Коваленко Николай Сергеевич — аспирант 1 года обучения кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»; методист МБУК «Армавирский краеведческий музей». Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории С.Н. Ктиторов.

Крюков Дмитрий Сергеевич — специалист-археолог ООО «Кубань-охранкультура» (г. Краснодар). E-mail: num-nam@mail.ru.

Лукаш Сергей Николаевич — профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», доктор педагогических наук, заместитель атамана Лабинского казачьего отдела ККВ (г. Армавир).

Email: lukash.serg@yandex.ru.

Матвеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Пелих Алексей Леонидович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир).

E-mail: pelich1976@mail.ru.

Савенко Сергей Николаевич — заведующий сектором природы и археологии Государственного бюджетного учреждения культуры Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей», кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: sovos57@mail.ru.

Степаненко Никита Сергеевич — учитель истории и обществознания ЧОУ гимназия «Эрудит» (г. Краснодар), кандидат исторических наук.

Фоменко Владимир Александрович — кандидат исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН, fva2005@gmail.com, +79187230040.

Цыбулькинова Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, доцент ВАК.

Чухлебова (Ерёмина) Анастасия Николаевна — кандидат психологических наук, Педагог-психолог ОАНО «Школа современных технологий», г. Москва. E-mail: eremina.an@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГПИ — Армавирский государственный педагогический институт (г. Армавир, Краснодарского края).
- АГПУ — Армавирский государственный педагогический университет (г. Армавир, Краснодарского края).
- АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии (г. Тифлис).
- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик (г. Москва).
- АОАМР — Архивный отдел администрации муниципального образования Мостовский район (пос. Мостовской).
- АЭС — Археолого-этнографический сборник (г. Грозный).
- ГАРД — Государственный архив Республики Дагестан (г. Махачкала).
- ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (г. Краснодар).
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).
- ГАСК — Государственный архив Ставропольского края (г. Ставрополь).
- ГМВ — Государственный музей Востока (г. Москва).
- ГП — государственное предприятие.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург).
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук (г. Москва).
- КСИА РАН — Краткие сообщения института археологии Российской академии наук (г. Москва).
- КЧР — Карачаево-Черкесская Республика.
- МИИКНСК — Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (г. Москва).
- МО и Н КЧР — Министерство образования и науки Карачаево-Черкесской Республики (г. Черкесск).
- ОАК — Отчет императорской археологической комиссии (г. Санкт-Петербург).
- ПГЛУ — Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск).
- ППАЭ — Предгорно-плоскостная археологическая экспедиция (г. Грозный).
- РА — Российская археология (г. Москва).
- РАН — Российская Академия наук (г. Москва).
- РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов (г. Москва).

- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).
- СА — Советская археология (г. Москва).
- САИ — Свод археологических источников (г. Москва).
- СГМЗ — Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (г. Ставрополь).
- СГУ — Ставропольский государственный университет (г. Ставрополь).
- СКФУ — Северокавказский федеральный университет (г. Ставрополь).
- СОГУ — Северо-Осетинский государственный университет (г. Владикавказ).
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ (г. Москва).
- ЦГА КБР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).
- ЦГА РД — Центральный Государственный архив Республики Дагестан (Махачкала).
- ЮНЦ РАН — Южный научный центр РАН. (г. Ростов-на-Дону).

SUMMARY

THE NORTH CAUCASUS IN HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL DIMENSIONS

Reports and messages of the 26th interregional seminar
of the of V.B. Vinogradov Kavkazovedcheskaya School
"North Caucasus in historical and archaeological dimensions".
Moscow: Design Studio B, 2024. 166 p.

Executive Editor: Doctor of Historical Sciences, Professor S.L. Dudarev
(Russian Geographical Society).

Editorial Board: Doctor of Historical Sciences, A. Zh. Harutyunyan (Yerevan State University, Armenia); Candidate of Historical Sciences Associate professor I. I. Basov; Doctor of Historical Sciences, Professor N. N. Velikaya; Doctor of Historical Sciences, Professor B.V. Vinogradov; Doctor of Historical Sciences, Professor N. N. Garunova (Dagestan State University); Doctor of Historical Sciences, Professor M. E. Kolesnikova (North Caucasus Federal University); Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.Yu. Klychnikov (Pyatigorsk State University); Candidate of Historical Sciences, Associate professor S. N. Kitorov; dr ist. Sciences, Professor V.A. Matveev (SFedU), Doctor of Historical Sciences, Professor Yu. V. Priymak; Doctor of Historical Sciences V.R. Erlikh (State Museum of the East, Moscow).

Reviewers: Doctor of Historical Sciences, Professor S. S. Kazarov (Southern Federal University); Doctor of Historical Sciences, Associate Professor D. S. Tkachenko (North Caucasus Federal University).

In the collection of the 26th seminar of the scientific and pedagogical Caucasian School of V. B. Vinogradov, in which representatives of various subjects of the North Caucasus region (Krasnodar and Stavropol Territories, Rostov Region, the Republics of Kabardino-Balkaria, the Republic of North Ossetia-Alania and Dagestan), the cities of Moscow, Rostov-on-Don, Gubkin, Samara, Pyatigorsk, Kislovodsk, Nalchik, Vladikavkaz, Makhachkala, representing various universities, museums, research institutions — teachers, researchers, museum workers, etc. The collection is divided into three main sections. The first of them ("The Russian Caucasus in Historical Regional Studies in the Past and Present") is connected with the coverage of the features of the political, economic, socio-cultural interaction of the Russian state and its representatives with the population of the Caucasus and neighboring territories, contacts between Caucasians and Western Europeans, over the past three centuries (Yu. Yu. Klychnikov, D. S. Dudarev, V.A. Matveev, A.A. Golovlev, N. N. Garunova, N. M. Eremin, and others). The second section is devoted to the problems of ancient and medieval history, archeology and ethnography of the North Caucasus and adjacent regions, the study of material and spiritual culture, the use of ancient and medieval monuments in educational and upbringing work (S. B. Burkov, A. L. Pelikh, Ya. B. Berezina, S. L. Dudarev, S. N. Savenko, G. N. Volnaya (Kertseva), V. A. Fomenko, L. S. Ilyukov, and others). The pages of the collection also present information related to the scientific life of the Caucasus Studies School, dedicated to anniversaries and memorable events in the lives of its members.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция I. РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ РЕГИОНОВЕДЕНИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Клычников Ю.Ю. «Доныне содержал злое своё намерение против высокой порты...»: российско-османские отношения в начале XVIII века	4
Абдулаев К.А. К вопросу о развитии торгово-экономических связей населения территорий, прилегающих к Кавказской военной линии с внутренними российскими губерниями (начало XIX века)	7
Степаненко Н.С., Епуре И.Ю. Специфика османской работоторговли в исследованиях историка Э.Р. Толедано	10
Дударев Д.С. Английские путешественники 1830-х годов XIX века о народах Северо-Западного Кавказа	14
Головлёв А.А. К 165-летию окончания «Кавказской войны» на Восточном Кавказе. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 6. События в Чечне и галашевская экспедиция (сентябрь – декабрь 1858 года)	26
Головлёв А.А., Дударев Д.С. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 7. Веденская экспедиция (конец 1858 – начало 1859 года)	36
Ерёмин Н.М. Кавказские календари	53
Коваленко Н.С. Систематизация биографических данных о станичных атаманах предгорной Кубани	56
Гарунова Н.Н. К вопросу о развитии культурной жизни города Дагестанской области второй половины XIX – начала XX века (на примере Темир-Хан-Шуры)	65
Цыбулькинова А.А. Участие подразделений 17-го казачьего кавалерийского корпуса в оборонительных боях на юге Краснодарского края в августе 1942 года	70
Матвеев В.А. Сепаратизм и российская интегрированность в преломлении ретроспективных и современных объяснительных версий	78
Абдулпатахов М.А. Языковые поиски консенсуса в межнациональном общении студенческой молодежи Дагестана	86

**Секция II. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ**

Бурков С.Б. К вопросу об «особых случаях» погребально-поминальных церемониалов племен майкопско-новосвободненской общности (МНО) в зоне среднего течения реки Терек	89
Долгов В.Н., Крюков Д.С., Пелих А.Л. Каменные мотыжки с поселения Малый Ахун 1	101
Березин Я.Б., Дударев С.Л. Находки кобанской КИО в районе могильника «Замковый» (г. Кисловодск)	105
Дударев С.Л. Новые находки биметаллических акинаков из Закубанья и Северного Причерноморья	120
Фоменко В.А. Памятники сарматского времени на территории Кабардино-Балкарии: земляные городища с курганообразными возвышенностями.	124
Керцева (Вольная) Г.Н. Типы серёг и височных привесок из «грунтового могильника Мацута 1, средневековье»	130
Ильюков Л.С. К вопросу о датировке Траилина городка.	140
Савенко С.Н. Из истории, этнографии и археологии русского укрепления и станицы у древнего города (к 200-летию станицы Боргустанской)	144
ХРОНИКА	
III Международный молодежный форум «Казачество — сквозь века»	158
ЮБИЛЕЙ	
Большой юбилей С.А. Головановой	161
ВРЕМЯ, ЛЮДИ, КНИГИ	
Чухлебова А.Н. Штрихи истории школы В.Б. Виноградова	163
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	165
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	167
SUMMARY	169

Научное издание

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В ИСТОРИЧЕСКОМ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
ИЗМЕРЕНИЯХ

Доклады и сообщения
26 межрегионального семинара
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова

•

Известия научно-педагогической
Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова.
Выпуск 15

Ответственный за выпуск
канд. ист. наук Д. С. Дударев (гендиректор
ООО «Стальтрейд», г. Москва).

Оригинал-макет подготовлен в изд-ве «ТоварищЪ».

Издательство «Дизайн-студия Б».
г. Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88. Тел. (8652) 75-06-09.

Подписано в печать 31.01.2025. Формат 65 × 95 1/16.
Гарнитура Arial. Бумага 80 г. Усл. печ. л. 12,47.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Дизайн-студия Б».
Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88. Тел. (8652) 220-350.

В сборнике публикуются материалы 26 межрегионального семинара научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. В первой секции, посвященной проблемам исторического регионоведения, освещаются разнообразные грани действительности российского Кавказа. Авторы исследуют политические связи народов Северного Кавказа и Российского государства, отношения с сопредельными державами региона, проблемные стороны взаимоотношений северокавказцев с Центром, экономическое развитие тех или иных районов региона, историю его отдельных населенных пунктов, те или иные памятные события в его истории и др. Здесь же представлены и материалы мемуарного характера, представляющие интерес для изучения истории отдельных районов Северного Кавказа. На второй секции рассматриваются вопросы древней и средневековой истории и археологии Северного Кавказа и сопредельных областей, связанные с историей изучения и атрибуцией тех или иных памятников и категорий материальной культуры, и др. В сборнике также помещена информация, посвященная индивидуальным юбилейным датам в жизни членов Школы. Авторы настоящего издания — вузовские преподаватели, научные сотрудники, сотрудники музеев и др. — представляют Российскую Федерацию, в том числе, различные регионы Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, республики Кабардино-Балкарию, РСО – Аланию и Дагестан), гг. Москву, Ростов-на-Дону, г. Губкин, Самару, Пятигорск, Кисловодск, Нальчик, Владикавказ, Махачкалу. Для преподавателей вузов, научных работников, учителей школ, аспирантов, магистрантов, студентов.